

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Пензенский государственный университет
архитектуры и строительства»
(ПГУАС)

В.С. Горбунова, О.В. Гринцова, С.В. Сботова

**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ
ДЛЯ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ ВУЗОВ**

Пенза 2016

УДК81'1 (035.3)

ББК 81.

Г67

Рецензенты: доктор филологических наук, профессор
Т.С. Круглова (ПГТУ);
кандидат филологических наук, доцент
Е.Г. Стешина (ПГУАС)

Горбунова В.С.

Г67 Лингвистические знания для студентов неязыковых вузов: моногр. /
В.С. Горбунова, О.В. Гринцова, С.В. Сботова – Пенза: ПГУАС,
2016. – 148 с.
ISBN 978-5-9282-1342-8

Содержатся теоретические материалы по проблемам исследования отечественных и зарубежных лингвистов Л.С. Бархударова, Д.А. Штелинга, А.Д. Швейцера, И.И. Ревзина, Дж. Смита и др.

Монография подготовлена на кафедре «Иностранные языки» и предназначена для студентов, обучающихся по направлениям 08.03.01 «Строительство» и «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации».

ISBN 978-5-9282-1342-8

© Пензенский государственный университет
архитектуры и строительства, 2016
© Горбунова В.С., Гринцова О.В.,
Сботова С.В. 2016

ПРЕДИСЛОВИЕ

Монография состоит из двух частей.

Часть I. «Вопросы теории языка» содержит информацию о теоретических исследованиях известных отечественных и зарубежных лингвистов О. Есперсена, В.В. Виноградова, А.В. Кунина, Н.Л. Шадрина и других. Рассматриваются вопросы теоретической грамматики английского языка, лексикологии и лингвистики текста. Представлены результаты исследования языка как средства передачи информации. Кроме того, рассматриваются вопросы моделирования переменных сочетаний слов и фразеологических единиц, включая их семантико-синтаксические характеристики.

Часть II. «Лингвистические аспекты теории перевода» посвящена рассмотрению вопросов перевода с учетом лингвистических знаний. В ней рассматриваются методы исследования в лингвистике перевода, ошибки перевода и вопросы перевода имен собственных. Обращается внимание на такие способы перевода как транслитерация, калькирование, транспозиция. Кроме того, анализируются способы перевода топонимов, названий учреждений и организаций.

Содержание монографии предусматривает знакомство с лингвистическими концепциями и теоретическим наследием ученых, занимающихся изучением вопросов теории английского языка. Кроме теоретических материалов имеются примеры для иллюстрации наиболее важных аспектов лингвистики и перевода. Вся монография в целом предлагается для изучения студентам, обучающимся по направлению «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации» и способствует более системному познанию английского языка. Ее следует использовать при изучении курса «Основы теории изучаемого языка».

Часть 1. ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ЯЗЫКА

Глава 1. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЯЗЫКА

Этот вопрос интересовал человечество с самых давних времен. Несомненно то, что первобытный язык нельзя исследовать и опытно проверить. Еще в библейских легендах мы находим два решения вопроса о происхождении языка, отражающих различные исторические эпохи воззрений на эту проблему. В I главе книги Бытия сказано, что бог творил словесным заклинанием и сам человек был сотворен силой слова, а во II главе той же книги рассказывается, что бог творил «молчком», а потом привел к Адаму (т.е. к первому человеку) всех тварей, чтобы человек дал им имена, и как он назовет, так чтобы и было впредь.

В этих легендах обозначились две точки зрения на происхождение языка:

1) язык не от человека и 2) язык от человека.

В различные периоды исторического развития человечества этот вопрос решался по-разному.

Нечеловеческое происхождение языка первоначально объяснялось как «божественный дар», но не только античные мыслители дали иные объяснения этому вопросу, но и «отцы церкви» в раннем средневековье, готовые признать, что все исходит от бога, в том числе и дар речи.

1.1. Теории происхождения языка

Со времен античности сложилось много теорий происхождения языка.

1. Теория звукоподражания идет от стоиков и получила поддержку в XIX и даже XX вв. Суть этой теории состоит в том, что «безъязычный человек», слыша звуки природы (журчание ручья, пение птиц и т. д.), старался подражать этим звукам своим речевым аппаратом. В любом языке, конечно, есть некоторое количество звукоподражательных слов типа ку-ку, гав-гав, пиф-паф, кап-кап, ха-ха-ха и т.п. и производных от них типа куковать, кукушка, гавкать и т.п. Но, во-первых, таких слов очень немного, во-вторых, «звукоподражать» можно только «звучащему», а как же тогда назвать «безгласное»: камни, дома, треугольники и квадраты и многое другое? Отрицать звукоподражательные слова в языке нельзя, но думать, что таким механическим и пассивным образом возник язык, было бы совершенно неправильно. Язык возникает и развивается у человека совместно с мышлением, а при звукоподражании мышление сводится к фотографии. Наблюдение над языками показывает, что звукоподражательных слов больше в новых, развитых языках, чем в языках более примитивных народов. Это объясняется тем, что, для того чтобы «звукоподражать», надо в совершенстве уметь управлять речевым аппаратом, чем первобытный человек с неразвитой гортанью не мог владеть.

2. Теория междометий заключается в том, что первобытные люди инстинктивные животные вопли превратили в «естественные звуки» – междометия, сопровождающие эмоции, откуда якобы произошли и все иные слова. Эту точку зрения поддерживал в XVIII в. Ж.-Ж. Руссо.

Междометия входят в словарный состав любого языка и могут иметь производные слова, как в русском языке: ах, ох и ахать, охать и т.п. Но опять же таких слов очень немного в языках и даже меньше, чем звукоподражательных. Кроме того, причина возникновения языка сторонниками этой теории сводится к экспрессивной функции. Не отрицая наличия этой функции, следует сказать, что в языке есть очень многое, не связанное с экспрессией, и эти стороны языка являются самыми важными, ради чего и мог возникнуть язык, а не только ради эмоций и желаний, чего не лишены и животные, однако языком они не обладают. Кроме того, данная теория предполагает наличие «человека без языка», который пришел к языку через страсти и эмоции.

3. Теория «трудо вы х в ы к р и к о в» на первый взгляд кажется настоящей материалистической теорией происхождения языка. Эта теория возникла в XIX в. в трудах вульгарных материалистов (Л. Нуаре, К. Бюхер) и сводилась к тому, что язык возник из выкриков, сопровождавших коллективный труд. Но эти «трудовые выкрики» только средство ритмизации труда, они ничего не выражают, даже эмоций, а являются только внешним, техническим средством при работе. Ни одной функции, характеризующей язык, в этих «трудовых выкриках» обнаружить нельзя, так как они и не коммуникативны, и не номинативны, и не экспрессивны.

Ошибочное мнение о том, что эта теория близка трудовой теории Ф.Энгельса, опровергается тем, что у Энгельса, ничего о «трудовых выкриках» не говорится, а возникновение языка связано с совершенно иными потребностями и условиями.

4. С середины XVIII в. появилась «теория социального договора». Эта теория опиралась на некоторые мнения античности (мысли Демокрита, некоторые места из диалога Платона) и во многом отвечала рационализму самого XVIII в.

Адам Смит провозгласил ее первой возможностью образования языка. У Руссо было иное толкование в связи с его теорией двух периодов в жизни человечества: первого – «природного»; когда люди были частью природы, и язык «происходил» от чувств (passions), и второго – «цивилизованного», когда язык мог быть продуктом «социальной договоренности».

В этих рассуждениях зерно истины состоит в том, что в позднейшие эпохи развития языков возможно «договориться» о тех или иных словах, особенно в области терминологии; например, система международной химической номенклатуры была выработана на международном съезде химиков разных стран в Женеве в 1892 г.

Но совершенно ясно и то, что для объяснения первобытного языка эта теория ничего не даст, так как, прежде всего для того, чтобы «договориться» о языке, надо уже иметь язык, на котором «договариваются». Кроме того, данная теория предполагает сознательность у человека до становления этой сознательности, развивающейся вместе с языком.

Беда всех изложенных теорий состоит в том, что вопрос о возникновении языка берется изолированно, вне связи с происхождением самого человека и образованием первичных человеческих коллективов. Нет языка вне общества и нет общества вне языка.

Существовавшие на протяжении долгого времени различные теории происхождения языка (имеется в виду звуковой язык) из жестов также ничего не объясняют и являются несостоятельными (Дж. Гейгер, В. Вундт – в XIX в., Я. Ван-Гиннекен, Н.Я. Марр – в XX в.). Все ссылки на наличие якобы чисто «жестовых языков» не могут быть подтверждены фактами; жесты всегда выступают как нечто вторичное для людей, имеющих звуковой язык: такова жестикуляция шаманов, межплеменные отношения населения с разными языками, случаи употребления жестов в периоды запрета пользования звуковым языком для женщин у некоторых племен, стоящих на низкой ступени развития, и т.п.

Среди жестов нет «слов», и жесты не связаны с понятиями. Жесты могут быть указательными, экспрессивными, но сами по себе не могут называть и выражать понятия, а лишь сопровождают язык слов, обладающий этими функциями.

Так же неправомерно выводить происхождение языка из аналогии с брачными песнями птиц как проявления инстинкта самосохранения (Ч. Дарвин) и тем более из пения человеческого (Ж.Ж. Руссо – в XVIII в., Есперсен – в XX в.) или даже «забавы» (О. Есперсен). Все подобные теории игнорируют язык как общественное явление.

1.2. Условия появления языка в обществе

Иное толкование вопроса о происхождении языка мы находим у Ф. Энгельса в его незаконченной работе «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека», которая стала достоянием науки в XX в.

Исходя из материалистического понимания истории общества и человека, Ф. Энгельс во «Введении» к «Диалектике природы» так разъясняет условия появления языка: «Когда после тысячелетней борьбы рука, наконец, дифференцировалась от ноги и установилась прямая походка, то человек отделился от обезьяны, и была заложена основа для развития членораздельной речи. О роли вертикального положения для развития речи писал еще В. фон Гумбольдт: «Речевому звуку соответствует и вертикальное положение человека (в чем отказано животному)», а также Х. Штейнталь и И.Л. Бодуэн де Куртенэ. Вертикальная походка была в

развитии человека и предпосылкой возникновения речи, и предпосылкой расширения и развития сознания. Революция, которую человек вносит в природу, состоит прежде всего в том, что труд человека иной, чем у животных, – это труд с применением орудий, и притом изготовляемых теми, кто ими должен владеть, а тем самым труд прогрессирующий и общественный. Какими бы искусными архитекторами мы не считали муравьев и пчел, но они «не ведают, что творят»: их труд инстинктивный, их искусство не сознательное, и они работают всем организмом, чисто биологически, не применяя орудий, а потому никакого прогресса в их труде нет: и 10, и 20 тысяч лет назад они работали так же, как работают и сейчас.

Первым орудием человека была освободившаяся рука, иные орудия развились далее как добавления к руке (палка, мотыга, грабли и т.п.); еще позднее человек перекладывает тяжесть на слона, верблюда, вола, лошадь, а сам лишь управляет ими, наконец, появляется технический двигатель и заменяет животных. Одновременно с ролью первого орудия труда рука могла иногда выступать и в качестве орудий сообщения (жест).

«Коротко говоря, формировавшиеся люди пришли к тому, что у них явилась *потребность что-то сказать* друг другу. Потребность создала себе свой орган: неразвитая гортань обезьяны медленно, но неуклонно преобразовывалась путем модуляции для все более развитой модуляции, а органы рта постепенно научились произносить один членораздельный звук за другим».

Таким образом, не передразнивание природы (теория «звукоподражания»), не аффективное выражение экспрессии (теория «междометий»), не бессмысленное «уханье» за работой (теория «трудовых выкриков»), а потребность в разумном сообщении (отнюдь не в «общественном договоре»), где осуществляется сразу и коммуникативная, и семасиологическая, и номинативная (а притом и экспрессивная) функция языка – главные функции, без которых язык не может быть языком, – вызвала появление языка. И язык мог возникнуть только как коллективное достояние, необходимое для взаимопонимания, но не как индивидуальное свойство той или иной очеловечившейся особи.

Общий процесс развития человека Ф. Энгельс представляет как взаимодействие труда, сознания и языка:

«Сначала груд, а затем и вместе с ним членораздельная речь явились двумя самыми главными стимулами, под влиянием которых мозг обезьяны постепенно превратился в человеческий мозг». «Развитие мозга и подчиненных ему чувств, все более и более проясняющегося сознания, способности к абстракции и к умозаключению оказывало обратное действие на труд и на язык, давая обоим все новые и новые толчки к дальнейшему развитию». Благодаря совместной деятельности руки, органов речи, мозга не только у каждого в отдельности, но также и в обществе, люди приобрели

способность выполнять всё более сложные операции, ставить себе все более высокие цели и достигать их.

Данные положения, вытекающие из учения Энгельса о происхождении языка, состоят в следующем:

1) Нельзя рассматривать вопрос о происхождении языка вне происхождения человека.

2) Происхождение языка нельзя доказать научно, а можно построить более или менее вероятные гипотезы.

3) Одни лингвисты этот вопрос решить не могут; тем самым этот вопрос, подлежащий разрешению многих наук (языковедения, этнографии, антропологии, археологии, палеонтологии и общей истории).

4) Если язык «родился» вместе с человеком, то не могло быть «безъязычного человека».

5) Язык появился как одна из первых «примет» человека; без языка человек не мог бы быть человеком.

6) Если «язык есть важнейшее средство человеческого общения» (Ленин), то он и появился тогда, когда возникла потребность «человеческого общения». Энгельс так и говорит: «когда появилась потребность что-то сказать друг другу».

7) Язык призван выразить понятия, которых нет у животных, но именно наличие понятий наряду с языком и отличает человека от животных.

8) Факты языка в разной мере с самого начала должны обладать всеми функциями настоящего языка: язык должен сообщать, называть вещи и явления действительности, выражать понятия, выражать чувства и желания; без этого язык не «язык».

9) Язык появился как звуковой язык.

Об этом говорится и у Энгельса в труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (Введение) и в работе «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека».

Следовательно, вопрос о происхождении языка может быть решен, но отнюдь не на основании только языковедческих данных.

Эти решения носят гипотетический характер и вряд ли могут превратиться в теорию. Тем не менее, только так можно решить вопрос о происхождении языка, если основываться на реальных данных языков и на общей теории развития общества в марксистской науке.

1.3. Сравнительно-исторический анализ языков

Если вопрос о происхождении языка остается в сфере гипотез и во многом решается дедуктивно, то вопрос об образовании реально существующих или существовавших языков, языковых семей должен решаться на основании реальных исторических данных. А так как нет и не было языка вне его носителей, то и вопрос об образовании, складывании и

развитии тех или иных языков нельзя разрешать силами только одной лингвистики.

Конечно, путь сравнительно-исторического анализа диалектов и языков – первое данное, необходимое не только лингвистам, но и историкам, этнографам, археологам, и в противоречии с данными сравнительно-исторического метода решать вопросы этногенеза нельзя. Но для выяснения вопросов, связанных с расселениями и переселениями племен, их смешением, завоеваниями и т.п., вопрос должен решаться по данным археологии, антропологии и истории (это останки человеческих скелетов, черепа, памятников материальной культуры: орудия, утварь, жилища, захоронения, украшения, орнаменты на разных изделиях, письма разного вида и т.п., что изучает наука на основе археологических раскопок, а также исторические свидетельства, сохранившиеся от древних времён).

Естественно, что, чем глубже мы изучаем историю общества, тем меньше у нас реальных данных о языках. Мы больше можем знать о языках периода развития наций, меньше о языках периода народностей. Важным материалом служат письменные памятники, которые надо уметь прочитать, понять и разъяснить с разных точек зрения, в том числе и со стороны языка. Еще меньше – о реальных чертах языков родо-племенных.

Однако на помощь приходит неравномерность развития общества. И в настоящее время народы мира стоят на разных ступенях общественного развития. Существуют народы, не дошедшие до ступени национального развития, а находящиеся в силу тех или иных условий в состоянии формирования народностей (многие народы Африки, Индонезии); существуют и типично родо-племенные общества (в Австралии, Полинезии, Африке; до периода советского переустройства общества были на Кавказе, в Сибири и Средней Азии).

Глава 2. ЯЗЫК – СРЕДСТВО ПЕРЕДАЧИ ИНФОРМАЦИИ

Как известно, при переводе мы имеем дело с языком, вернее, с двумя языками. Имеется какой-то текст, так называемый оригинал, который, как принято говорить, «написан на определенном языке», предназначенный для равноценной замены оригинала. Естественно, что для понимания сущности переводческого процесса, необходимо прежде всего разобраться, что такое «язык» и что означает «текст на определенном языке». Вопросы эти не так просты, как может показаться, они затрагивают коренные проблемы языкознания.

Человеческий язык выполняет многие крайне важные функции. Он непосредственно связан с нашим сознанием, особенно с его высшей формой – мышлением. При помощи языка протекает вся мыслительная деятельность человека, в значении единиц языка фиксируются результаты этой деятельности, закрепляются основные понятия, отражающие многовековой опыт человечества, величайшие достижения в научном и практическом познании окружающей действительности. Эта познавательная или когнитивная функция языка уже давно является объектом изучения не только лингвистов.

2.1. Особенности языкового знака и языковой код

Часто отмечается, что язык может выступать в экспрессивной функции – т.е. в качестве средства выражения человеческих эмоций. Помимо специальной категории слов-междометий, в языке имеется множество слов и словосочетаний типа: «Не может быть!», «Подумать только!», «Надо же!», «Вот здорово!», выражающих различные оттенки чувств. Средством выражения эмоций могут служить и значения отдельных слов, грамматические формы, ударение, интонация и т.д.

Можно также особо выделить эстетическую функцию языка – воздействие языковой формы на наше чувство прекрасного, составляющее важнейший компонент любого литературного произведения, особенно поэтического.

Важнейшей функцией языка является, несомненно, коммуникативная, заключающаяся в способности служить средством общения между людьми, средством установления взаимопонимания и обмена мыслями. Без этой способности невозможно представить себе само существование человеческого общества, коллективный труд, любой вид совместной деятельности. Роль коммуникативной функции так велика, что язык в целом часто определяют как средство общения.

В какой бы функции ни выступал язык, его единицы всегда будут отличаться особым свойством – двуплановостью. Каждая единица языка характеризуется обязательным наличием у нее:

- а) материальной стороны (звуки, слова);
- б) идеальной стороны (мысли, чувства, образы).

Если произнести сочетания звуков вроде «укана», то это будет для владеющего русским языком лишь набор звуков, но те же звуки, произнесенные в иной последовательности («наука») уже будут репрезентировать (представлять) определенную информацию и являть собой единицу русского языка.

В языкознании материальная, репрезентативная сторона языка обычно называется «план выражения», а репрезентируемая информация – «план содержания». Таким образом, язык представляет собой определенный набор знаков – материальных единиц, репрезентирующих какую-то информацию. Отличительной особенностью языкового знака является произвольность связи между сигналом и передаваемой им информацией. Слова русского языка «рот» и «нос» вызывают в нашем сознании мысль о соответствующих частях лица не потому, что сочетания звуков [р], [о] и [т] и [н], [о] и [с] каким-то образом связаны с лицом человека или напоминают его строение. В других языках сходные сочетания могут нести информацию о совершенно иных явлениях, а информация об этих же частях лица будет репрезентироваться иными звуковыми сочетаниями. Образование многих сигналов обусловлено их связью с другими знаками языка, однако, в конечном счете, связь определенного звучания с информацией именно данного содержания может быть случайна и произвольна.

В этом отношении языковой знак напоминает элемент условного кода, где, например, определенное положение сигнальных флажков, совершенно условно, передает определенную информацию. Любой текст на каком-либо языке может рассматриваться как цепочка определенным образом отобранных и распложенных сигналов кода, передающих ряд элементов информации, составляющих необходимое сообщение. Это сообщение может быть «извлечено» путем раскодирования цепочки сигналов (высказывания). С другой стороны, любое сообщение может быть закодировано при помощи данного кода или перекодировано, т.е. передано при помощи иной кодовой системы. Операция перекодирования уже сильно напоминает то, что происходит при переводе.

Язык находится в процессе постоянного развития, не поддающегося полному контролю со стороны говорящего коллектива. Код предшествует сообщению и независим от него. Сообщение не способно модифицировать единицы кода в своем составе или как-либо повлиять на их использование в иных сообщениях. Язык существует в речи и как бы «извлекается» из нее. Единицы языка, реализуясь в речевых произведениях, могут приобретать дополнительный смысл. Возникновение дополнительного смысла может закрепляться его воспроизведением в других речевых высказываниях и, в конечном счете, приводить к изменению плана содержания соответствующих единиц языка. В речи могут возникать и новые сигналы, передающие

новую информацию, причем эти сигналы могут получать статус языковых знаков, а могут оставаться особенностью лишь данного отрезка речи.

Как средство передачи информации язык сильно отличается от всех кодовых систем. Он уникален и в плане выражения и в плане содержания. В плане выражения сигналы языкового кода представляют собой сложную систему разнородных единиц, связанных между собой разнообразными отношениями и способных соединяться в высказывания только по определенным, порой весьма сложным правилам. Эти единицы образуют иерархию классов единиц различных уровней (фонем, морфем, слов, словосочетаний, предложений), каждый из которых играет особую роль в процессе передачи информации. Еще более сложную картину являет план содержания языкового кода. В обычных кодах передаваемая информация существует в языковой форме, независимо от материальных сигналов данного кода и связывается с определенным сигналом явным путем, благодаря существованию эксплицитного правила или договоренности.

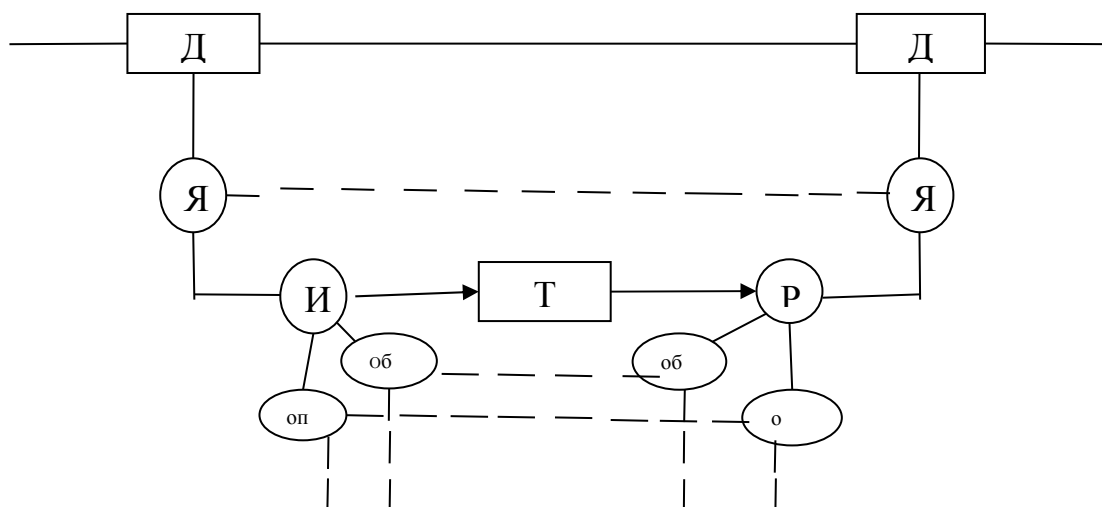
Когда же кодом служит сам язык, то информация, составляющая план содержания его единиц, не дана заранее вне самих этих единиц и должна извлекаться из них путем наблюдения за использованием знака в процессе общения и соотнесения этой информации с реальной действительностью и содержанием других знаков. Так, объясняя содержание слова «красный», мы уже не можем заменить лишь тип сигнала и сказать, что «красный» – это такое-то положение сигнальных флажков.

Подобное «толкование» ничего не прибавит к нашему пониманию единицы «красный». Мы можем интерпретировать «красный» при помощи других единиц того же языкового кода («красный» – название, например, части цветового спектра).

Информация, составляющая план содержания языковых единиц, как правило, многогранна и разнородна. Кроме того, информация высказывания часто не сводится к призме содержания составляющих его языковых единиц. Благодаря сложной процедуре определенного размещения, соединения и противопоставления единиц языкового кода, а также заложенной в нем возможности порождения новых единиц, с помощью языка можно, в принципе, передать любую новую информацию какой угодно сложности. При этом содержание высказывания представляет собой взаимодействие информации, закрепленной за единицами языка, и дополнительной информации, передаваемой конкретными условиями использования этих единиц.

2.2. Применение языкового кода в процессе речевого общения

Условное уподобление языка коду позволяет построить упрощенную схему языковой коммуникации.

В начале коммуникативного процесса находится Источник информации (И). В распоряжении И имеется языковой код (Я), при помощи которого он может передать желаемую информацию. Совокупность знаков языкового кода содержит информацию о какой-то реальной действительности (Д).

На схеме указаны 2 фактора, влияющие на выбор формы и содержания высказывания, а именно: обстановка (об), в которой порождается высказывание, а также предыдущий лингвистический и реальный опыт (о) Источника и Рецепторов. Так, например, спешащий утром по улице человек на ходу бросает вам: «Сколько?» и вы отвечаете ему «Без пяти», нисколько не сомневаясь, что его «сколько» означает «Который час?» и что ваш ответ будет им интерпретирован как «Без пяти минут девять». В другое время ваш ответ на тот же вопрос «Сколько?» будет: «Три-один, шведы», и на этот раз вы вновь безошибочно определите, что речь идет о результате хоккейного матча и сообщается о том, что победили шведы. При порождении своего «текста» Источник, учитывая обстановку момента речи, общую для него и Рецептора, рассчитывает на то, что Рецептор почерпнет из нее недостающий сигнал. Присутствие Рецептора в момент речи отнюдь не обязательно, т.к. сведения об обстановке, необходимые для полного понимания содержания высказывания, могут быть даны в «словесном» описании.

На выбор формы высказывания влияет и существование у Источника и Рецептора общего опыта и знаний, которые позволяют Рецептору легко восстанавливать подразумеваемое содержание. Когда Источник произносит: «The pot and the kettle!», он рассчитывает на то, что Рецептору известна английская поговорка «The pot calls the cattle black» и что он поймет высказанное не как «Горшок и котелок», а как «Один не лучше другого». Называя человека Плюшкиным или Дон Жуаном, мы должны

быть уверены, что Рецептор извлечет из нашего высказывания информацию о действительных качествах этого человека, что в его опыте подобные качества представляют скорее такими именами, чем, скажем, именами Гарпагона и Казановы.

Из наблюдений за процессом языковой коммуникации следует ряд выводов, немаловажных для последующего рассмотрения переводческих проблем.

1) Процесс коммуникации имеет в виду определенного Рецептора, учитывает наличие у него определенных знаний и опыта, рассчитан на активное участие Рецептора (Р) в этом процессе, на «извлечение» и дополнение им содержания передаваемого сообщения.

2) Имеющаяся в тексте информация складывается из целого ряда компонентов, выявление которых требует глубокого проникновения в содержание текста и всестороннего учета обстановки, намерения Источника (И).

3) В процессе коммуникации всегда возможна некоторая потеря информации в связи с отсутствием у Рецептора необходимых знаний и опыта, неумением или нежеланием глубоко анализировать содержание воспринимаемого текста.

4) Полная передача информации необязательна для осуществления процесса языковой коммуникации. И. и Р., как правило, выделяют основную часть информации, соответствующую цели общения, считая другую часть содержания менее важной.

5) Неполное понимание части передаваемой информации является привычным и естественным и не вызывает трудностей в общении. Р. привык получать в речи порой весьма поверхностное представление об описываемой ситуации. Например: «Колибри – это такая маленькая птичка», «Кейворит – это такое вещество, которое дает возможность преодолеть земное притяжение» (фантастический роман Г. Уэльса). Такого неполного понимания информации, передаваемой словами «колибри» и «кейворит» вполне достаточно для процесса общения.

Глава 3. ПРОБЛЕМА МОДЕЛИРОВАНИЯ В СФЕРЕ АНГЛИЙСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

На ранних этапах развития фразеологии моделированность фразеологизмов отрицалась, и фразеологизмы рассматривались как единичное немоделированное образование. Сейчас моделированность в сфере фразеологии не отрицается.

Проблеме моделирования в английской фразеологии посвящены работы В.М. Савицкого: «Английская фразеология: проблемы моделирования» и «Аспекты теории фразообразовательных моделей». Моделированность – немоделированность является одним из противоречий в сфере фразеологии и тем самым представляет собой одну из сложнейших проблем фразеологической теории. Изучение фразеологической моделированности невозможно без уточнения понятия модели и типов моделей.

Понимание термина «модель» неоднозначно. Существует много определений этого термина, употребляющегося во всех науках с тем или иным специфическим оттенком. Лосев А.Ф. указывает, что в современной науке существует свыше 30 значений термина «модель».

3.1. Модели переменных сочетаний слов

Рассмотрим моделирование в сфере переменных сочетаний слов. Регулярность образования даёт возможность прогнозировать появление переменных сочетаний, однотипных в структурном и семантическом отношениях. Переменные сочетания образуются по определённому правилу. Так, глагол *to see* может сочетаться с любым существительным, обозначающим то, что можно видеть. Число таких существительных неисчислимо. Это объясняется широким значением глагола. Но не все модели основаны на такой широкой сочетаемости. Например, сочетаемость глагола *to drink* значительно уже. Этот глагол сочетается с существительным, обозначающим то, что можно пить (*beer, lemonade, milk, tea, water, whisky* и др.). Название любого нового напитка станет компонентом этой речевой модели.

Модель переменного сочетания слов – это регулярное образование однотипных переменных сочетаний слов по определённой структурно-семантической схеме вокруг опорного знаменательного слова. Таким образом, эта модель является порождающей и обладает прогнозирующей и объяснительной силой. Под фразеологической моделью понимается однотипность, свойственная некоторым разрядам фразеологизмов.

В случае возникновения порождающей модели переменного словосочетания или предложения вследствие распада единичной сочетаемости происходит процесс дефразеологизации, широко распространённый в

английском языке. Так, словосочетание *white man* означает человек белой расы и переносно честный, порядочный, морально чистый человек. В переносном значении этот оборот в 19 веке был единичным.

Когда значение «чистый, порядочный» вошло в структуру слова *white* и начало фиксироваться словарями, оно стало сочетаться с различными существительными, т.е. возникла порождающая модель в результате распада единичной сочетаемости слова *white*, и оборот *a white man* перешёл в разряд рекуррентных оборотов, т.е. стал самым распространённым переменным словосочетанием, образованным по данной структурно-семантической порождающей модели.

3.2. Модели фразеологических единиц

В сфере фразеологии могут использоваться различные модели: грамматические, семантические, структурно-семантические, фразообразовательные и стилистические.

А) *Грамматическая модель*. Грамматическая модель является универсальной, так как подавляющее большинство фразеологизмов образовано по грамматическим моделям словосочетаний, предложений и оборотов с одним знаменательным словом, например,

At all – совсем, совершенно, вообще;

At least – по крайней мере, по меньшей мере.

Реже встречаются модели ФЕ без знаменательных слов:

By and by – постепенно, со временем;

By the by – кстати, между прочим, к слову сказать.

Out and out – несомненно, бесспорно

Б) *Семантическая модель*. При выделении семантических моделей ФЕ учитывается семантическая регулярность, осуществляемая в рамках различных структур. При этом нет регулярного соответствия между семантической информацией и грамматической структурой. Например: *keep one's head above water* – «удерживаться на поверхности», бороться за существование, не влезать в долги. Здесь выражается понятие экономии. Или *put by for a rainy day* – отложить на чёрный день.

В) *Структурно-семантическая модель*. При структурно-семантическом моделировании ФЕ наблюдается регулярность соответствия между передаваемой ими семантической информацией и грамматической структурой. Структурно-семантическое моделирование наблюдается в устойчивых сравнениях, обычно называемых компаративными оборотами, основными типами которых являются адъективные и глагольные, наречные компаративы сравнительно немногочисленны. Модель адъективных компаративов «союз *as* + прилагательное + союз *as* + неопределённый (или

определённый) артикль + существительное (или словосочетание)» передаёт определительные отношения, называя признак и указывая на его степень.

Например, (as) busy as a bee – трудолюбивый как пчёлка, (as) old as the hills – старо как мир.

Модель глагольных компаративов «глагол + союз like + неопределённый артикль + существительное или словосочетание» передаёт определительно – обстоятельственные отношения, называя действие и его качественную характеристику.

Например, run like a hare – бежать сломя голову, agree like cats and dogs – жить как кошка с собакой.

Г) *Фразеобразовательные модели.* Во фразеологии возможны и динамические модели, к которым относятся фразеобразовательные модели. Эти модели являются диахронными, основанными на закономерностях фразеобразовательного процесса. Минимальной фразеобразовательной моделью является трёхступенчатая модель. Многие ФЕ образуются, минуя стадию переосмысления переменного сочетания слов. Образный характер подобных оборотов возникает в результате переосмысления слов, входящих в их состав. Это возможно, например, при ассоциации их с фантастическими образами: like a bat out of hell – очень быстро, со всех ног, во всю прыть, во всю мочь, сломя голову (дословно – как летучая мышь из ада).

Фразеобразовательные модели, в отличие от других моделей, обладают прогнозирующей силой, так как указывают возможный путь развития прототипа будущей ФЕ и её становление, что способствует изучению закономерности фразеобразовательного процесса.

После возникновения ФЕ их дальнейшее семантическое развитие происходит за пределами фразеобразовательных моделей в рамках семантических или структурно – семантических моделей, а также может быть немоделированным.

Все синхронные модели в сфере фразеологии являются не моделями порождения, а моделями описания, так как они действуют на некотором узувально-ограниченном материале и не могут служить правилом для свободного образования новых фразеологизмов. Все эти модели и их лексическое наполнение относятся к языку, т.е. являются парадигматическими, а лексическое наполнение модели переменных сочетаний является синтагматическим, т.е. относится к речи, так как моделируемые обороты обладают только речевым статусом.

Д) *Стилистические модели.* Кроме узувальных моделей существуют окказиональные стилистические модели использования различных приёмов обновления ФЕ. Модели этого типа связаны с различными текстами и выполняют определённое стилистическое задание. Одним из таких широко распространённых приёмов является вклинивание переменных элементов в состав мотивированных ФЕ.

Этот приём используется в английском языке, начиная с древне-английского периода, что доказывает регулярность и коммуникативную ценность данного приёма. Характерной чертой самой распространённой модели вклинивания, а именно вклинивания прилагательного для присоединения к существительному – компоненту ФЕ, является то, что между вклинивающимся элементом и существительным складываются своеобразные семантические отношения:

- 1) отношения логико-семантической совместимости;
- 2) отношения логико-семантической несовместимости.

Первая модель может выполнять как функцию сообщения дополнительной информации семантического характера, например, путём уточнения значения, так и различные стилистические функции – иронии, сарказма, раздражения и т.п. Вторая модель выполняет различные стилистические функции, так как семантическая операция соединения несовместимых понятий проявляется в том, что один из элементов атрибутивной группы вступает в логическое противоречие с другим. Отношения логико-семантической несовместимости не исключают сообщения дополнительной семантической информации.

As plain as the nose on your face – совершенно очевидно; бесспорно; ясно как день; ясно, как то, что у вас имеется нос на лице.

Make a mountain out of a molehill – делать из мухи слона; делать гору из кротовины.

Фразообразовательная моделированность является универсальным показателем фразеологичности. О других видах моделированности этого сказать нельзя, так как они свойственны и цитатам, а по грамматическим моделям образуются и переменные сочетания слов. Семантическая, структурно-семантическая и стилистическая моделированность (в частности, путём вклинивания) характерна для одних фразеологизмов и не характерна для других. Это создаёт один из видов асимметрии, свойственных фразеологической системе.

3.3. Словообразовательная модель

От структурно-семантической модели фразеологизмов следует отличать словообразовательную модель, по которой образуются слова, преимущественно производные и сложные: *read-er, speak-er, catch-er* и др., *bookcase, book club, book shop* и др., *book-binder, book-hunter, book-lover* и другие. По этой модели образуются только слова, т.е. цельнооформленные языковые единицы, компоненты которых не связаны синтаксическими отношениями. Словообразовательная модель обладает высокой степенью предсказуемости и в отличие от структурно-семантической модели фразеологизмов образуется по правилу, исключение из которого только подтверждает его.

Многие термины создаются по порождающим моделям, в частности, на латино-греческой основе. Нельзя считать неожиданностью, что, когда появилось приспособление для проверки качества яиц, его назвали овоскоп (лат. ovo – яйцо, греч. skorien – видеть). Естественно, что простые или корневые слова не могут образовываться по словообразовательной модели. Таким образом, целый структурный класс слов является немоделированным. Во фразеологизмах нельзя выделить один класс немоделированных образований. Фразеологизмы, немоделированные в силу своего семантического своеобразия, относятся к различным структурным образованиям. Проблема моделированности в английской фразеологии лишь намечена и нуждается в дополнительных исследованиях.

Глава 4. СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СЛОВСОЧЕТАНИЙ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Определение словосочетания. Словосочетание, наряду с предложением, является основной единицей синтаксиса. Минимальное словосочетание двухкомпонентно, максимальное словосочетание теоретически может быть сколь угодно велико, хотя специальных исследований по этому вопросу нет. Однако известно, что оптимальное количество компонентов в связи с исследованиями зарубежных представителей Ингве и Мюллера составляет 7 ± 2 , т. е. от 5 до 9 компонентов. Причем наибольшее количество компонентов встречается в словосочетаниях, используемых в специальной литературе. Например, в текстах по строительству, архитектуре и т.п. Особенно в наименованиях фирм и корпораций, где присутствуют имена собственные. Наименьшее количество компонентов используется в словосочетаниях, представленных в художественной литературе.

Несмотря на то, что словосочетание является одной из основных единиц синтаксиса и изучение словосочетания, наравне с изучением предложения, составляет предмет синтаксиса, до настоящего времени не существует общепринятого определения этой синтаксической единицы, и имеются серьезные расхождения в ее трактовке в отечественной лингвистике и за рубежом.

Словосочетание часто получает отрицательное определение, в котором указывается, чем оно не является. Подобный способ определения сути словосочетания нельзя признать удачным, но за неимением лучшего, можно частично им воспользоваться. Одним из наиболее широко распространенных отрицательных определений словосочетания является утверждение о том, что словосочетание не имеет коммуникативной направленности. Это действительно так. Отсутствие коммуникативной направленности является одним из бесспорных признаков словосочетания.

Традиционной точкой зрения, возникшей в отечественной лингвистике с середины XX в. под влиянием трудов В.В. Виноградова, стала трактовка словосочетания только как подчинительной структуры. Однако значительное количество отечественных лингвистов и подавляющее большинство зарубежных считают словосочетанием любую синтаксически организованную группу слов, независимо от типа отношений, на которых она базируется.

При любом толковании словосочетания эта синтаксическая единица выступает, в плане синтаксиса, как грамматически оформленное построение, т.е. как грамматическая структура. В силу этого для структурной законченности словосочетания любого вида весьма существенным является изучение его морфологического состава для выявления комбинаторики морфологических классов слов и в связи с этим вопрос о явлении замещения в синтаксисе.

4.1. Синтаксические характеристики словосочетаний

4.1.1. Российские исследования в области словосочетаний

Глагольно-именные сочетания, соотносимые по значению с глаголом – словообразовательной основы существительного, стали вызывать исследовательский интерес в период расцвета структурной лингвистики. Это и неудивительно, поскольку структуралисты стремились описать все формальные модели языка. Словосочетания типа *to give a smile* являются языковыми структурами. Кроме того, безусловный интерес вызывало параллельное функционирование словосочетания и глагола, однокоренного именному компоненту. Исходя из тезиса о единстве формы и содержания, исследователи пытались обнаружить семантико-функциональные различия между этими языковыми единицами.

Целью данной главы является анализ исследований, посвященных изучению глагольно-именных сочетаний в английском языке и обобщение имеющихся знаний о их структуре, языковом значении и функции, а также о соотношении глагольно-именных конструкций в русском и английском языках. Множественность исследований, посвященных глагольно-именным сочетаниям, можно объяснить разнообразием подходов к выделению самого предмета исследования и определению их места в системе языка, что в свою очередь приводит к появлению разных терминов для обозначения этих словосочетаний. Все работы в этой сфере можно разделить по предмету исследования на 4 группы.

Во-первых, выделяются исследования, включающие в свою сферу только сочетания с широкозначными глаголами, которые также называются десемантизированными (Ю.В. Шаламов, А.В. Кумачева, С.Х. Битокова, В.И. Мова, Н.И. Еремеева). К этой группе глаголов традиционно относят *to have, to make, to do, to give, to take*. Им противопоставляются исследования, не выделяющие широкозначный глагол как необходимый структурный компонент модели (Е.П. Муршель, В.Ш. Арсланов, В.С. Шведова). Эти ученые включают в сферу исследования словосочетания типа *to steal a look, to crane a glance, to utter a groan, to fling a glance*.

- Во-вторых, исследования делятся на рассматривающие только те словосочетания, именной компонент которых образован посредством конверсии (Ю.В. Шаламов) и исследования, которые не предусматривают такого ограничения предмета (А.В. Кумачева, В.Ш. Арсланов, С.Х. Битокова, В.С. Шведова, Н.И.Еремеева). В последнем случае, в выборку включаются такие словосочетания как *to make decisions, to give authority, to have a confrontation*. Кроме того, Е.П. Муршель включает в свое исследование и сочетания, не имеющие соотнесенного глагола типа *to take time, to have courage*, критерием отбора, она называет лишь возможность внеконтекстуальной замены однословным глаголом.

Таким образом, выделяется несколько подгрупп словосочетаний, денотативно соотносимых с однословным глаголом, который имеет словообразовательные связи с именным компонентом конструкции. При этом нередко свойства всей модели приписываются только какому-то ее структурному варианту. Вместе с тем отсутствует описание соотношения индивидуальных характеристик этих подгрупп внутри одной модели словосочетания.

4.1.2. Структура глагольно-именных сочетаний

Ввиду различия во взглядах на формальную структуру словосочетания, которому приписывается типизированное значение языковой модели «действие, обозначаемое именным компонентом», возникает необходимость обосновать принципы отбора материала для практического исследования. На наш взгляд, критерием отбора материала для практического исследования может служить возможность внеконтекстуальной трансформации словосочетания в однословный глагол. Например, *to make choice = to choose, to do the fighting – to fight, to take risks = to risk, to have doubts = to doubt*. Эти словосочетания представляют собой сочетания глагола и существительного, которое денотативно соотносится с глаголом, от основы которого образовано существительное (*to make a mistake*) или являющегося производным от него (*to pay a ransom*). Эти словосочетания объединяет то, что они, на наш взгляд, образуются по единой модели языка и имеют типизированное значение.

В выборку, с нашей точки зрения, должны входить как словосочетания с широкозначными, так и с неширокозначными глаголами, поскольку в некоторых случаях провести грань между теми и другими довольно сложно. Это отчасти объясняется тем, что в анализируемой модели глагол является семантически второстепенным, что ведет к ослаблению его денотативного значения. Материал исследования может быть не ограничен и по словообразовательной характеристике субстантивного компонента. В выборку могут входить словосочетания, включающие как существительные, образованные по конверсии (*to have a nap, to give a grin*), или другими способами (*to give a thought, to make inquiries*), а также существительные, от которых образован соответствующий глагол (*to deliver a lecture, to give authority*). Это обусловлено тем, что, по нашему мнению, для исследования свойств модели и, что более важно, для последующего сопоставительного изучения словосочетаний в двух языках этот вопрос не имеет принципиального значения, особенно если учесть расхождения в словообразовательных системах русского и английского языков.

Взгляды исследователей весьма разнообразны не только в отношении структуры рассматриваемой модели, но и в вопросе определения ее места в

языке, их языковой сущности. В середине прошлого века многие ученые причисляли глагольно-именные сочетания указанного типа к фразеологическим единицам разных видов (А.В. Кумачева), к аналитическим грамматическим формам, называли их традиционными словосочетаниями (А.И. Смирницкий, М.П. Мещерякова), либо полуграмматикализированными образованиями (Ю.В. Шаламов), выражающими видовые значения. В.И. Мова считает, что они носят стилистико-грамматический характер.

Более современные исследователи склонны относить эту конструкцию к сфере лексики и синтаксиса, нежели фразеологии и грамматики. Их называют устойчивыми конструкциями нефразеологического характера (С.Х. Битокова), описательными конструкциями (В.С. Шведова), некоторые ученые не предлагают специального термина и обозначают словосочетания, образованные по рассматриваемой модели типовыми глагольно-именными (или глагольно-субстантивными) сочетаниями, денотативно соотносимыми с однословным глаголом – словообразовательной основой существительного (Н.И. Еремеева, В.Ш. Арсланов). На наш взгляд мотивированные термины, приведенные выше, не отражают всего многообразия свойств, присущих исследуемым сочетаниям, они выражают однобокий подход, либо относятся к узкой группе словосочетаний, границы которой не удается четко определить. Исходя из этого соображения, мы отдаем предпочтение описательному способу обозначения этих словосочетаний – глагольно-именные сочетания с отглагольным существительным, значение которых соотносимо со значением глагола, от которого образовано существительное (далее глагольно-именные сочетания).

4.2. Семантические аспекты в характеристике словосочетаний

4.2.1. Языковое значение глагольно-именных сочетаний

Далее мы рассмотрим существующие подходы к изучению указанных словосочетаний, начиная с вопроса соотношения словосочетания и кореферентного односложного глагола, обсуждение которого включается почти во все исследования по интересующей нас теме. Как уже было отмечено выше, большинство ученых соглашаются, что «параллельное функционирование указанных единиц исключает их абсолютное тождество» [6].

Кумачева А.В. в своем диссертационном исследовании отмечает следующие функциональные отличия словосочетания от глагола: во-первых, они образуют пассив в отличие от соотносимых с ними непереходных глаголов, а во-вторых, в некоторых случаях не заменяются глаголом вследствие отсутствия соответствующей формы наречия, либо когда соотносительное наречие отличается от прилагательного по смыслу. В.Ш. Арсланов полагает, что словосочетания, имеющие центробежную направленность,

дублируют семантику соотносимых с ними глаголов со сложной семантической структурой.

Язык своеобразно расщепляет семантическую структуру глагола и изоморфно показывает ее на поверхностном уровне языка в виде конструкции. Такие словосочетания отличаются от глагола функционально. Во-первых, считает автор, они актуализируют количественный предел действия и его направленность, во-вторых, позволяют увеличить валентностные способности глагола, и наконец, в-третьих, производят многозначность, свойственную кратким глаголам англосаксонского происхождения.

Битокова С.Х. также отмечает различия в валентностном наборе сравниваемых единиц. Исследуемые устойчивые глагольные словосочетания (УГС), образованные от переходных глаголов получают возможность свободного употребления, без обязательных при соответствующем глаголе объектных распространителей, и наоборот, УГС могут формировать новые, несвойственные глаголам, объектные отношения. Некоторые авторы, в частности С.Х. Битокова и Ю.В. Шаламов, указывают на невозможность трансформации пассивизации для рассматриваемых словосочетаний. Ю.В. Шаламов пишет, что «конструкция имеет все формы глагольного словоизменения, кроме пассива. Так же не зафиксировано свободное употребление причастия II, а у причастия I отсутствует функция препозитивного определения».

По мнению С.Х. Битоковой, глагол и словосочетание различаются также по характеру реализуемой в них номинативной функции. Со ссылкой на А.А. Уфимцеву, автор считает, что признаковый характер глагольной семантики проявляется в несовместности в пределах одной лексемы денотата и сигнификата, поэтому для актуализации глагольной лексемы требуется обращение к предметным именам. Опираясь на это суждение, она отмечает, что устойчивые глагольные сочетания (УГС – термин автора), в отличие от глаголов, требуют только один вид распространения синтагмы – одушевленное существительное со значением лица. При переходных глаголах заполнение объектной позиции обязательно, а в УГС, образованных на базе таких глаголов, нет. Это свидетельствует, по мнению автора, о различном коммуникативном задании рассматриваемых единиц. Объектное распространение глагола, как правило, является рематическим центром высказывания, в то время как в УГС центр перемещается на именной компонент.

Кроме того, С.Х. Битокова делает вывод, что глагол и словосочетание различаются по характеру качественного развертывания действия, а также по типам имен, замещающих субъектную позицию. Отмечается качественное различие в обозначении субъекта действия: при УГС употребляются только существительные со значением лица, и не используются неопределенные местоимения, при глаголе же возможны существительные,

обозначающие животных и конкретные предметы. На это различие указывает и Н.И. Еремеева, отмечая, что субъектом глагольно-именных сочетаний рассматриваемого типа могут быть только одушевленные существительные.

Шаламов Ю.В. в своем диссертационном исследовании описывает следующие характерные различия в синтаксическом окружении глагола и словосочетания. Он утверждает, что существуют такие контексты, в которых встречается только глагол или только конструкция. Для глагольной дистрибуции характерно наличие:

1. Кваликативных и квантитативных наречий или предложно-адвербиальных групп в позиции обстоятельства.
2. Прямого дополнения для прямопереходных глаголов.
3. Аспективных глаголов.
4. Специальных конструкций типа рефлексивных или послелоговых.

О появлении в глагольной позиции в предложении словосочетания могут свидетельствовать:

1. Прилагательные, причастия, числительные в качестве распространителей.
2. Постпозитивные определения с предложным «of» или квазиопределения с «of».
3. Определительные придаточные предложения.

Еремеева Н.И., проанализировав случаи употребления словосочетания и соответствующего глагола, делает вывод, что сочетания предпочтительнее глаголов в следующих грамматических условиях:

1. При изменении порядка следования компонентов, их позиционной разделенности;
2. При перечислении однородных членов, выраженных существительными;
3. При необходимости детальной характеристики действия.

А также при наличии таких лексических условий как:

1. Необходимость выразить особый оттенок значения – преднамеренность действия, в отличие от произвольности действия, выражаемого однословным глаголом.
2. Различия в смысловом ударении – в сочетании, когда акцент падает на определение.
3. Особенности употребления – сочетание употребляется в герундиальных конструкциях, где не каждый глагол уместен. *After giving a great heave – after heaving greatly.*
4. Необходимость более широкого охвата объема понятия, который осуществляется словосочетанием, благодаря возможности варьирования глагольного компонента и определения при именном компоненте.

Калимуллина В.М. целью своей работы «Номинативная соотносительность фразеоматических глагольно-именных словосочетаний и глаголов-

идентификаторов» называет определение характера взаимоотношений между единицами первичной и вторичной номинации. Она приходит к выводу, что глагол группирует вокруг себя сочетания и является идентификатором, а словосочетания – конкретизаторами заданного им действия. Она проводит сопоставительный анализ ономазиологического основания этих коррелятов и выявляет способы конкретизации действия по трем аспектам характеристики действия (референтной, относительной и описательной характеристике), свойственные сочетаниям. Компликативность, заложенная в сочетаниях, может носить грамматический, семантический или смешанный характер, по способу конкретизации действия исследователь выделяет три типа сочетаний: эксплицирующий, дополняющий и дублирующий типы.

Таким образом, очевидно, что конструкции типа *to give a smile* являются самостоятельной языковой единицей, отличающейся от соотносимого с ними однословного глагола (*to smile*) по целому ряду параметров, включающих различные условия употребления как грамматические, так и лексические, различные языковые и номинативные функции.

4.2.2. Функции глагольно-именных сочетаний

Второй спорный вопрос, тесно связанный с предыдущим, – это способность словосочетания выражать видовые значения и его положение в системе глагольных форм.

Тарамжина Л.В. указывает, что словосочетания с типичным и регулярным значением однократности типа *to give a knock* – перифразическое построение, призванное восполнить пробел в системе формально выраженных видо-временных значений (нет формы для выражения однократного действия). А.В. Кумачева в третьей главе своей диссертации анализирует способность словосочетания выражать видовые значения и приходит к выводу, что исследуемые глагольные словосочетания (ФГС) нейтральны по отношению к грамматической категории вида. Она отмечает, что ФГС могут представлять любой характер протекания действия. Ю.В. Шаламов называет словосочетания рассматриваемого вида – полуграмматизированными конструкциями глагольной системы, т.е. признает за ними способность регулярно выражать грамматическое значение вида. Критериями грамматизации словосочетаний данного вида он считает:

- 1) их лексическую и грамматическую неразложимость;
- 2) в основе такой неразложимости – грамматическая идиоматичность;
- 3) широкий охват лексических единиц;
- 4) включенность словосочетания в систему соотносительных форм любого глагола в качестве элементов единого парадигматического ряда.

Автор признает наличие характеристик, отличающих словосочетания от грамматических конструкций, таких как:

- 1) возможность образования на базе словосочетаний трехчленных конструкций;
- 2) недостаточность унификации, под которой понимается возможность использования разных глаголов;
- 3) неглагольная форма знаменательного элемента;
- 4) меньший, по сравнению с грамматическими формами охват лексических единиц.

Эти отличия, по мнению автора, носят внешний, формальный характер. В четвертой главе диссертационного исследования Ю.В. Шаламов анализирует и опровергает аргументы тех, кто отрицает наличие у конструкции видового значения. Во-первых, утверждает автор, употребление существительного во множественном числе может означать многократность действия; во-вторых, сочетаемость с *would* также указывает не на отсутствие видового значения, а на его разновидность – повторность действия; в-третьих, утверждается наличие у конструкции в перфектных формах результативное значение, которое не противоречит возможности конструкции обозначать единичное кратное действие; и, наконец, сочетаемость с формой длительного вида тоже может быть объяснена.

На основании проведенного анализа автор делает вывод, что изучаемая конструкция входит в формальную оппозицию и выражает (одно)кратность: невыраженную (одно)кратность. Это значение обязательно для словосочетания, поскольку сохраняется во всех его словоформах.

Битокова С.Х. основное внимание уделяет свойству устойчивости глагольно-именных сочетаний, что отражается в предложенном ею термине – устойчивые глагольные сочетания (УГС). Она считает, что значение кратности-единичности, подводимое под «видовость», не делает такое словосочетание формой слова. УГС функционируют как одно целое, т.к. глаголы *to give, to take, to make, to have* становятся полноправными сказуемыми только при заполнении позиции дополнения. Более того, исследователь выявляет типы УГС по характеру обозначаемого действия, объему детерминации и ее соответствия адвербиальной характеристике простого глагола. К первому типу относятся сочетания, именная часть которых соотносится с глаголами, обозначающими чувственно воспринимаемые конкретные физические действия, движения, звуки. Такие сочетания, считает автор, не образуют оппозиции УГС: глагол по признаку кратности, они именуют абстрактные процессы и отношения, отражающие идеальную среду бытия.

Следующей работой, напрямую относящейся к обсуждаемому вопросу, является диссертация В.С. Шведовой «Пути грамматизации описательных конструкций типа глагол + существительное в английском языке». Автор считает, что видовые оттенки, относительно регулярно передаваемые

определенными лексико-словообразовательными типами – ОК (описательными конструкциями – термин автора) при участии синтаксических и контекстуальных средств, входят в сферу лексико-грамматических значений способов действия. ОК выполняют в языке функцию передачи количественного предела действия. Исследователь выделяет две словообразовательные модели ОК: V + N конвертир и V+N-ing. Первая модель передает значение отдельного действия, в то время как вторая – процессуальность. Способ передачи видовых оттенков в системе ОК входит в план выражения лексико-грамматического значения, и аспектуальность здесь предстает как функционально-семантическая категория. ОК свойственны следующие оттенки значения:

- результативности, поскольку отглагольному существительному свойственно значение результата действия;
- начинательности – для ОК с take + существительное от глаголов движения
- перфективности – have + сущ. + обязательная контекстуальная обусловленность;
- временной ограниченности (мгновенности, однократности, единичности, конкретности) – передается артиклями, определителями-квантификаторами, контекстом.

Значение одно- и многократности на грамматическом уровне не оформлено. Формант множественного числа -s не всегда обозначает многократность.

Исследователь делает вывод, что ОК выражает видовые различия нерегулярно, они в большой степени зависят от лексики, поэтому это свойство ОК и отнесено к функционально-семантическим категориям. Все видовые оттенки, свойственные ОК, локализируются в пределах количественно-результативных способов действия. Подводя итоги исследования, автор указывает, что дифференциальные признаки ОК относятся к сферам функционально-семантических категорий залоговости и аспектуальности. В иерархии аспектуальных значений ОК занимают место на низкой ступени грамматического абстрагирования, а именно в подразделении по способам действия.

Таким образом, среди исследователей нет единства взглядов по вопросу наличия у конструкции регулярных видовых значений. Мнения варьируют от признания словосочетания элементом глагольной парадигмы, выражающим значение кратности (Ю.В. Шаламов), до отрицания способности конструкции выражать какие бы то ни было видовые значения регулярно (А.В. Кумачева). Промежуточную, и наиболее убедительную позицию, на наш взгляд, занимает В.С. Шведова, которая указывает на зависимость видовых значений словосочетаний от лексического наполнения и контекстуальных условий. Мы склонны считать, что словосочетанию как языковой структуре (V+(d) Nv) действительно не

свойственны видовые значения, однако наличие соответствующих лексических и контекстуальных условий вполне может детерминировать появление различных оттенков видового значения.

4.2.3. Соотношение глагольно-именных конструкций в русском и английском языках

Вопрос о соответствии глагольно-именных конструкций в русском и английском языках также не обойден вниманием исследователей. Нам удалось обнаружить, по крайней мере, две фундаментальные работы, связанные с этой темой. Во-первых, это исследование Е.П. Муршель «Сочетания «глагол + абстрактное существительное» английского языка и их соответствия в русском языке». Первая глава дает исчерпывающее описание рассматриваемых сочетаний в английском языке, включающее анализ семантико-функциональных отношений в словосочетании, основанный на соотнесении выявленных тематических рядов существительных и семантических параметров, выражаемых глаголами. Во второй главе «Вербальный знак как объект перевода» автор обсуждает общетеоретические положения теории перевода.

Второе исследование «К проблеме функциональных (переводческих) соответствий в английском языке некоторым типам русских конструкций с отглагольными именами существительными», выполненное Ю.А. Денисенко, посвящено конструкциям типа «улучшение отношений», «оказание помощи». Тем не менее, оно содержит массу ценных для нас выводов. В частности, автор сравнивает словообразовательные возможности двух языков по представлению понятия процесса в предметной категории. Он отмечает отсутствие в русском языке последовательно выраженной системы соотносимых парных образований, а также большую синтаксическую и функциональную гибкость русского существительного со значением действия. В русском языке обнаруживаются самые разнообразные синтактико-смысловые построения, служащие как целям простой номинации, так и связанные с отходом от нее. Конструкции с отглагольными именами могут обозначать пространственные, временные, целевые, причинно-следственные отношения, что связано с ослаблением предметного значения имени существительного.

В английском языке за отглагольным существительным закреплена в основном номинативно-назывная функция. Выражение функционально-смысловых отношений, выходящих за рамки простого обозначения процесса, перешло к неличным формам глагола и другим лексико-грамматическим средствам. Ю.А. Денисенко указывает, что механическое отождествление аналогичных грамматических средств ведет к нарушению синтаксических норм языка, его структурно-семантических моделей, а также к функционально-стилистическим несоответствиям. Во второй главе

приводятся типичные модели структурных соответствий русским конструкциям в английском языке в зависимости от лексико-семантического типа главного слова русского словосочетания и его внутрисконструктивных отношений.

Итак, глагольно-именные сочетания английского языка довольно полно описаны в научной литературе как с точки зрения их структуры, так и функциональности. Их свойства выявляются в основном через сопоставление с глаголом, имеющим словообразовательные связи с субстантивным компонентом словосочетания. Кроме того, были предприняты многочисленные попытки установить языковое значение рассматриваемой конструкции. Взгляды ученых в этом вопросе разделились: одни считают, что подобные сочетания служат выражению видовых оттенков глагольного действия, другие усматривают в них способ изменения валентной структуры соответствующего глагола, способ более конкретного описания ситуации, прием, позволяющий изменить коммуникативное членение предложения, и приписывают им прочие неграмматические функции. Перспективным направлением исследования в этой сфере представляется сопоставительное изучение глагольно-именных конструкций в русском и английском языках, поскольку они совпадают в двух языках по структуре, но не по значимости и функциям. При этом, учитывая современный вектор развития лингвистики, целесообразно было бы провести не структурно-языковое, а функционально-речевое сопоставление.

Глава 5. ВОПРОСЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ГРАММАТИКИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Для того чтобы построить высказывание, выражающее некоторую мысль, недостаточно выбрать соответствующие слова и произнести их одно за другим. Выбранные слова, а точнее слова, подбираемые говорящим по мере выстраивания речи, должны быть соединены друг с другом в определённом порядке и оформлены в виде единого комплекса, целенаправленно включённого в ситуацию общения.

Совокупность закономерностей построения таких комплексов из отдельных слов посредством их категориального изменения и упорядоченного сочетания друг с другом и составляет грамматический строй языка, изучаемый наукой грамматикой.

Организирующая роль, которую выполняет в языке его грамматический строй, не сводится к формальному регулированию процессов изменения слов и построения высказываний. Наоборот, само грамматическое регулирование этих процессов становится возможным благодаря тому, что все элементы грамматического строя имеют своё особое семантическое содержание. Оно характеризуется максимальной степенью абстрагирования от конкретных значений слов и их сочетаний, непосредственно отражающих предметы, явления и отношения действительности.

Грамматико-семантические обобщения, выявляясь в формах слов и формах объединений слов в высказывания, отражают не отдельные, конкретные предметы, явления и отношения картины мира, а общие признаки классов предметов и явлений, общие свойства отношений между классами. Именно эта семантическая специфика грамматического строя обуславливает его фундаментальную роль в реализации качественной определённости языка в целом, т.е. в выявлении сущности языка как объекта действительности. На эту роль грамматического строя лингвисты указывают образными фразами, называя грамматику «костяком языка» и «душой языка».

Семантика, выражаемая грамматико-строевыми элементами языка, соотнесена с обобщённым содержанием логических форм мышления. Данная соотнесённость является естественным выражением неразрывной связи языка и действующего сознания: если логика служит основой организации рационального сознания, то грамматика служит основой организации языка как средства его существования и выражения. Не случайно в истории европейской цивилизации наука логика и наука грамматика появились приблизительно в одно и то же время (Древняя Греция, IV в. до н.э.).

5.1. Общее понятие грамматики

Грамматика (греч. *Grammatike*, от *gramma* – буква, написание): 1) строй языка, т.е. система морфологических категорий и форм, синтаксических категорий и конструкций, способов словопроизводства. В триаде, организующей язык в целом – в его звуковой, лексико-фразеологической и собственно формальной системах, – это категории и все явления формального, собственно строевого уровня языка. Грамматикой называется вся несобственно-звуковая и нелексическая организация языка, представленная в его грамматических категориях, грамматических единицах и грамматических формах. Грамматика в этом значении представляет собой строевую основу языка, без которой не могут быть созданы слова (со всеми их формами) и их сочленения, предложения (шире – высказывания) и их сочленения; 2) раздел языкознания, изучающий такой строй, его неоднородную организацию, его категории и их отношения друг к другу; 3) термин «грамматика» иногда также употребляют для обозначения функций отдельных грамматических категорий или лексико-грамматических множеств. Так, например, говорят о грамматике той или иной части речи или о грамматике того или иного падежа, инфинитива, отдельных предлогов [46].

Грамматика имеет дело с абстракциями, обобщениями. Характер этих обобщений различен. Это может быть, например, обобщение способов словесного названия (в словообразовании), разнообразных отношений (в падежных значениях, в соединениях слов и форм слов, в строении предложения), обобщённо выраженных в языке ситуаций (таких, например, как отношение субъекта с его действием или состоянием, между действием и его объектом). Грамматический строй языка как система абстрактных категорий, представляющих собой единства отвлечённых грамматических значений и их формальных выражений, является той основой, без которой язык не существует и не функционирует.

Слово – одна из основных единиц грамматики. В слове сочленены его звуковая материя и его значения – лексическое и грамматическое. Слово связано со всей системой языка несколькими линиями отношений. Во-первых, это лексико-парадигматические отношения, т.е. вхождение в лексико-семантические классы и подклассы; во-вторых, это собственно грамматические отношения, т.е. связи грамматических категорий и грамматической парадигмы; в-третьих, это все семантические отношения слова, характерные для его функционирования в сообщении, объективируемые в системе языка как внутреннее свойство слова и являющиеся основой для построения словосочетаний. Роль слова в грамматике понимается разными грамматистами по-разному. По существу ни одно из них не обходится без обращения к слову как к важнейшей грамматической единице языка; однако, роль слова в организации грамматической системы трактуется по-разному. Характеристики слова, относящиеся к его звуковым преобразованиям, вызываемыми его формальными изменениями и его

соседством, принадлежат в языке к сфере морфонологии. Явления, связанные с образованием слова как отдельной единицы, относятся к словообразованию. Всё, что связано с абстрактными грамматическими значениями слова и его формоизменением, относится к морфологии. Все явления, связанные с синтагматикой слова, а также с построением и синтагматикой предложения, относятся к синтаксической сфере языка. Отдельной единицей грамматического строя может считаться *морфема*, т.е. минимальная значимая часть слова или словоформы. Явления, которые относятся к образованию и функционированию словообразовательных и словоизменяемых морфем, могут быть выделены в качестве отдельной сферы внутри грамматики слова – его *морфемике*, однако традиционным является рассмотрение морфем в системах словообразования (словообразовательная морфемика) и морфологии (словоизменяемая морфемика).

Таким образом, грамматика как строй языка представляет собой сложную организацию, сочленяющую в себе словообразование, морфологию и синтаксис. Эти подсистемы, особенно морфология и синтаксис, находятся в самом тесном взаимодействии и переплетении, так что отнесение тех или иных грамматических явлений к морфологии или к синтаксису часто оказывается условным (например, категория падежа, залога). Вопрос о принадлежности к грамматике «высшего синтаксиса», т.е. закономерностей строения сложных, развёрнутых текстовых единств, не решён в науке; однако несомненно, что эти закономерности имеют качественно другой характер, чем грамматические законы языка.

К грамматике иногда относят такие стороны звуковой организации языка, которыми непосредственно (материально) образуются его значимые единицы, а именно: звуковой строй языка, его акцентную систему и его интонационные конструкции, включая синтагмы как ритмические единицы речи. Основания для такого расширенного понимания грамматики имеются, т.к. единицы звукового уровня, не являясь двусторонними знаками (т.е. знаками, обладающими как материальной оболочкой, так и значением), служат материальной основой этих знаков и таким образом участвуют в формировании морфем, слов, их форм, предложений и их членов. Однако незнаковый характер перечисленных звуковых средств не позволяет рассматривать звуковой строй языка наряду со словообразованием, морфологией и синтаксисом как подсистему грамматики.

5.1.1. Предмет исследования теоретической грамматики

Грамматика как наука исследует грамматический строй языка.

Грамматический строй языка является исторической категорией, он находится в состоянии постоянного движения и развития и подчинён общим законам развития языка. На каждом этапе своей истории грамматический

строй языка достаточно совершенен и служит формированию и выражению мыслей носителей языка, отвечая своему историческому назначению.

В определённый момент своего развития грамматический строй языка представляет собой, с одной стороны, относительно стабильную систему, организованную по строгим и твёрдым законам; с другой стороны, эта система находится в состоянии постоянного и активного функционирования, представляя свои средства для организации бесконечного количества отдельных, конкретных слов и высказываний. Двойственность самой природы грамматического строя языка – его относительная стабильность, сложная внутренняя организация и многообразные явления функционирования этой организации свидетельствуют о том, что в грамматическом строе языка сочленены свойства стабильной системы и заложенных в ней возможностей.

5.1.2. Грамматика практическая и теоретическая

Традиционно грамматика определяется как система правил изменения слов и правил соединения слов в предложении. Отсюда и деление грамматики на две части: морфологию (правила изменения слов) и синтаксис (правила соединения слов в предложении). Это справедливо в отношении практической грамматики. Её задача – научить правильно пользоваться языком, избегать ошибок в устной и письменной речи. Иными словами, разговор идёт о том, что античные учёные называли грамматическим искусством. Очевидно, что практическая грамматика имеет предписывающий характер. Цели теоретической грамматики – иные, а именно выявить, что действительно, реально используется в процессе коммуникации: какие языковые единицы, какова форма этих единиц и какие значения данными формами выражаются. В отличие от практической грамматики, где расположение материала определяется в известной мере степенью его трудности и связью с изучаемыми лексическими «темами», в теоретической грамматике расположение материала строится системно, по разделам, взаиморасположение которых определяется логикой самого материала. Представляется целесообразным выделить параграфы, посвященные вопросам грамматического значения, грамматической формы и грамматической категории.

5.1.3. Грамматическое значение

Грамматическое значение – обобщённое, отвлечённое языковое значение, присущее ряду слов, словоформ, синтаксических конструкций и находящее в языке своё регулярное (стандартное) выражение [46]. В области морфологии – это общие значения слов как частей речи, а также частные значения словоформ и слов в целом, противопоставляемые друг

другу в рамках морфологических категорий (например, значение того или иного времени, лица, числа, рода). В области синтаксиса – это значение предикативности (свойственная предложению отнесённость сообщаемого в тот или иной временной или объективно-модальной план), а также разнообразные отношения компонентов словосочетаний и предложений как абстрактных грамматических образцов (в отвлечении от их лексического наполнения): значения семантического субъекта, объекта, того или иного обстоятельственного квалификатора (локальное, темпоральное, причинное, целевое и т.д.); формализованные в определённых языковых средствах компоненты тематико-рематической структуры предложения; выраженные союзной связью отношения частей сложного предложения.

Различаются, с одной стороны, грамматические значения референциальные (несинтаксические), отражающие свойства предметов и явлений внеязыковой действительности (например, значения количественные, пространственные, временные), и с другой стороны, – реляционные (синтаксические), указывающие на связь словоформ в составе словосочетаний и предложений (например, соединительные, противительные значения союзных конструкций) или на связь основ в составе сложных слов. Особый характер имеют грамматические значения, отражающие отношения говорящего к тому, о чём идёт речь, или к собеседнику: субъективная модальность, субъективная оценка, вежливость, непринуждённость и т.п.

Отличие грамматического значения от лексического состоит в том, что оно является обязательным: оно должно присутствовать в любом высказывании, иначе последнее окажется непонятным. Приведённые ранее примеры с «ненормальными» словами воспринимаются как соответствующие нормам языка, хотя их конкретное (лексическое) значение оказывается не вполне понятным. В одной из английских грамматик приводится такой пример: слова *old, John, house, little* и *built* можно связать по-разному, получив, по меньшей мере, два совершенно непохожих предложения: 1) *Old John has built a little house.* 2) *This old building houses little John.*

Кроме всего прочего грамматические значения выражаются специальными грамматическими средствами:

- Изменение ударения – не самый типичный для английского языка способ, поскольку ударение в английских словах фиксированные и неподвижные. Исключение представляют несколько пар слов, в каждом из которых ударение на первый слог маркирует существительное, а на втором – глагол: *present* (adj, noun ['preznt], verb [pri'zent]), *export, import*. В качестве примера разнокоренных слов можно привести пару: *readable* и *redouble*.

- Аффикация – гораздо более распространённый способ. Однако следует обратить внимание на характерную особенность современного английского языка – омонимию аффиксов или формальное совпадение нескольких разных аффиксов.

▪ Чередование звуков – древний способ образования форм числа существительного и временных форм глагола – используется в так называемых нестандартных случаях: man-men, foot-feet, tooth-teeth, sing-sang-sung, bend-bent-bent. В некоторых случаях чередование сочетается с аффиксацией: bring-brought-brought, child-children.

▪ Супплетивные формы представляют собой образованные от разных корней формы одного слова. Это тоже архаичные формы, и они присущи в основном одним и тем же словам русского и английского языков: be – was (were) – been (быть – есть), go – went – gone (иду – шёл), I – me (я – меня).

▪ Порядок слов в словосочетании или предложении связан с изменением синтаксической функции слова, а значит – с изменением его грамматического значения без какого бы то ни было изменения формы самого слова. Glass bottle и bottle glass – в обоих случаях слова одинаковые, однако первое словосочетание переводится на русский *стеклянная бутылка*, а второе – *бутылочное стекло*.

Основным способом выражения грамматического значения в современном английском языке является аналитический. Особенно это характерно для синтаксических значений, но не менее важную роль играет этот способ и в морфологии. Иначе говоря, английский язык представляет собой аналитический язык, тогда как русский язык – синтетический.

5.1.4. Грамматическая форма

Грамматическая форма – это языковой знак, в котором грамматическое значение находит своё регулярное (стандартное) выражение [4]. В пределах грамматической формы средствами выражения грамматических значений являются аффиксы, фонемные чередования, характер ударения, редупликация (повторы), служебные слова, порядок слов и интонация. Под морфологическими формами понимаются регулярные видоизменения слов определённых частей речи, несущие комплекс морфологических значений или одно такое значение (например, форма 1-го лица единственного числа настоящего времени глагола). Все формы изменяемого слова составляют его парадигму. Различают синтетические (простые) и аналитические (сложные) морфологические формы, которые представляют собой сочетание знаменательного и служебного слов, функционирующие как одно слово. Конкретное слово в определённой морфологической форме называется словоформой.

Деление всех грамматических форм слов на формы словообразования и словоизменения восходит к работам Ф.Ф. Фортунатова. Иногда также выделяют сферу «формообразования», очертания которой неясны и понимаются по-разному, чаще всего – как область образования всех форм, выражающих как словоизменительные, так и несловоизменительные морфологические значения.

5.1.5. Грамматическая категория

Грамматическая категория – система противопоставленных друг другу рядов грамматических форм с однородными значениями. В этой системе определяющим является категоризирующий признак. В широко распространённых дефинициях грамматической категории на первый план выдвигается её значение. Однако необходимым признаком грамматической категории является единство значения и его выражения в системе грамматических форм как двусторонних (билатеральных) языковых единиц.

Понятие грамматической категории тесно связано с понятием грамматического значения. В этом плане любая грамматическая категория представляет собой объединение двух или более грамматических значений. С другой стороны, известно, что каждое грамматическое значение имеет свой способ выражения или грамматическую форму (или же ряд форм). Так, в современном английском языке многие существительные могут иметь грамматические значения единственного либо множественного числа: *book – books, man – men, ox – oxen, datum – data*. Каждая пара образует противопоставление двух грамматических форм, что связано с противопоставлением двух грамматических значений. Такое противопоставление двух или более рядов грамматических форм, связанное с различием двух или более грамматических значений, и представляет собой грамматическую категорию. Так, в прилагательных русского языка мы различаем три формы: *большой – большая – большое*. Они выражают значения мужского, женского и среднего рода. Это даёт нам основание утверждать, что прилагательным русского языка свойственна грамматическая категория рода.

В английском языке такого противопоставления форм нет, что свидетельствует об отсутствии грамматического рода у английских прилагательных. Каждый класс слов характеризуется специфичным набором грамматических категорий.

5.1.6. Грамматические классы слов

Традиционный термин «части речи» представляется несколько некорректным, поскольку он связан с классификацией слов как единиц языка, а не речи. В связи с этим предлагается менее противоречивый термин – грамматические классы слов.

Разные исследователи строят свои классификации на основании различных признаков либо различных сочетаний этих признаков. В результате получаются различные системы частей речи не только в разных языках, но и в одном и том же языке. Так, для русского языка А.А. Шахматов установил 14 частей речи, Д.Н. Кудрявский – 4, а в «Академической грамматике русского языка» отмечается 8 частей речи.

В наиболее распространённой **традиционной** классификации, созданной ещё античными грамматистами, каждый класс характеризуется набором следующих трёх признаков: общее значение (семантика), способы словоизменения (морфология) и функция в составе предложения (синтаксис). Как оказалось в данном случае, что, различаясь по одному признаку, два класса могут совпадать по двум остальным. Так, из местоимений и числительных, выделяемых в силу специфики их общего значения, в отношении морфологических и синтаксических признаков одни ведут себя как существительные, другие – как прилагательные.

Можно отметить и ряд других «пересечений классов», которые появляются именно из-за того, что за основу классификации берётся не один признак, а несколько. Помимо пересекающихся классов в традиционной классификации можно обнаружить и «несуществующие». Так, в ряде грамматик русского языка (а в след за ними – и в отечественных грамматиках английского языка) не упоминается о модальных словах или же отмечается, что эти и некоторые другие типы слов «не входят в систему частей речи», поскольку никак не соответствуют установленным признакам. В связи с этим предпринимались попытки построить классификацию, основываясь на одном-единственном признаке.

Фортунов Ф.Ф. выделяет в русском языке классы слов только на основании их грамматической формы, его классификация – **формальная**. Все слова по этой классификации разделяются прежде всего на изменяемые и неизменяемые. Первые подразделяются на слова с формами склонения (на существительные и прилагательные) и слова с формами спряжения (глаголы). Неизменяемые слова подразделяются на имеющие формы словообразования – производные (наречия) и не имеющие таких форм – простые. Однако в последнюю группу входят не только предлоги и союзы и др., но и слова типа метро, кенгуру, пальто, непроизводные наречия и т.п.

Фриз Ч. создал для английского языка чисто **синтаксическую** классификацию, выделяя группы слов на основании позиционного признака. Исходя из того, что в современном английском предложении соблюдается жёсткий порядок слов, он объединяет в первый класс все слова, которые могут занимать в предложении первое место, во второй класс – слова, занимающие второе место в предложении и т.д. Выделенные им 4 класса слов должны в принципе соответствовать привычным нам существительному, глаголу, прилагательному и наречию. Однако в действительности они соответствуют подлежащему, сказуемому, определению и обстоятельству. Конечно известно, что в качестве подлежащего чаще всего выступает существительное, сказуемого – глагол, определения – прилагательное, обстоятельства – наречия, но это вовсе не обязательно. Иными словами, Ч. Фриз представил классификацию не частей речи, а членов предложения, а это – не одно и то же. Помимо четырёх классов

полнозначных слов Фриз даёт очень чёткую позиционную классификацию служебных слов, которые он подразделяет на 16 групп.

Семантическая классификация, которая может быть применена ко всем языкам, предложена О.П. Суником, который считает, что общее значение слова предопределяет и его характер употребления. В классификации Суника все полнозначные слова делятся прежде всего на названия предметов (т.е. существительные) и названия признаков. Последние подразделяются на названия процессуальных признаков (глаголы) и статичных признаков, которые, в свою очередь, делятся на названия предметных признаков (прилагательные) и непредметных признаков (наречия). Очевидно, что здесь не представлены местоимения, которые оказываются распределёнными по основным классам слов. Итак, и традиционная классификация, основанная одновременно на трёх признаках, и последовательные логические классификации, основывающиеся на каком-то одном из них, оказываются несвободными от некоторых недостатков. Возможно ли, не отбрасывая полностью традиционной классификации, построить такую, которая позволила бы выявить все реальные классы слов и в то же время избежать пересечений? Представляется, что такая классификация возможна. Для того чтобы учесть все реальные языковые явления, в её основу необходимо положить прежде всего **функциональный** признак. При этом под функцией следует понимать не синтаксическую роль слова в составе предложения или словосочетания, а роль его в процессе коммуникации. Для большей простоты, а также во избежание пересечений классов деление целесообразнее строить по дихотомическому признаку.

5.1.7. Система грамматических классов

Самое первое противопоставление слов с точки зрения их функционирования в процессе коммуникации было осуществлено Ч. Фризом, который выделил 2 основные группы. К первой относятся слова (и выражения), используемые для начала, поддержания и окончания коммуникации – разговора, т.е. разного рода формулы обращения, приветствия, привлечения внимания, выражения согласия/несогласия, прощания и т.д. Ко второй группе относятся все остальные слова, участвующие в построении высказываний, т.е. слова, которые обычно и являются объектом классификации в разного рода грамматиках. Именно эта основная масса слов и будет подвергаться дальнейшему исследованию. Первое противопоставление в данной группе – это давно известное традиционное разделение на полнозначные (знаменательные) и служебные (вспомогательные, формальные) слова. Правда, ряд лингвистов (Л.В. Щерба, В.В. Виноградов и др.) считают, что служебные слова – это явление иного порядка, нежели слова полнозначные, и выделяться они должны по другим основаниям.

Известно, что Ж. Вандриес рассматривал служебные слова как грамматические морфемы, однако в любом случае служебные слова не перестанут быть грамматическими классами слов. Если же они кажутся несопоставимыми со знаменательными словами, то в этом нет ничего удивительного: классы полнозначных и служебных слов есть результат первого дихотомического деления. Основание этого деления – функциональная самостоятельность слова, его способность выступать в качестве отдельного члена предложения: слова, функционально самостоятельные, образуют общий класс полнозначных слов, функционально несамостоятельные – класс служебных слов.

5.1.8. Артикль

Общие сведения.

Артикль (от французского *article*, от латинского *articulus*) – это особое слово-определитель (*determinatives*), употребляемое перед существительными и субстантивными словосочетаниями.

В современном английском языке 2 артикля: определённый **the** и неопределённый **a (an)**.

Определённый артикль имеет 2 варианта произношения: он произносится [ðə] перед согласными и [ði] перед гласными.

Неопределённый артикль имеет два варианта: *a* и *an*. Вариант *an* употребляется перед словами в произношении начинающимися с гласного звука (*apple, hour*).

Отсутствие артикля также может быть значимым.

Оба артикля местоимённого происхождения. Определённый артикль возник в древнеанглийский период из указательного местоимения. Неопределённый артикль развился позднее, из слова *ān* с местоимённым значением *ascertainone* «некий», «какой-то», «один»; ср. с русским «Жила-была одна девочка». Местоимение с этим значением, в свою очередь, восходит к числительному «один». Это количественное значение «один» нередко прослеживается в неопределённом артикле и в современном английском языке.

Поскольку артикли – слова местоимённого характера, одновременное употребление перед существительными местоимения и артикля невозможно: как правило, употребляется либо артикль, либо местоимение.

<i>a</i>	<i>table</i>
<i>the</i>	<i>table</i>
<i>another</i>	<i>table</i>
<i>this</i>	<i>table</i>
<i>any</i>	<i>table</i>
<i>that</i>	<i>table</i>

Наличие артикля перед словом или словосочетанием всегда означает, что это слово является существительным, а словосочетание – субстантивным.

Поскольку артикль связан только с существительным, он является средством субстантивации других частей речи.

Poor	the poor – бедняки, бедные (люди)
Young	the young – молодёжь
Cold	the cold – холодная погода, холод
Unemployed	the unemployed – безработные
Two-year old	a two-year old – двухлетний ребёнок
Why	the why – причина
Inevitable	the inevitable – неизбежное

Например: There were **the poor**, **the not-so-poor** and **the well-to-do** (P. Abrahams). All young teachers and old teachers of **the young** should practice the art of mime (P. Gurrey). Rita splashed in the water, laughing like **a two-year old** (A. Saxton). It was no use explaining **the why** and **the wherefore**, just let'em do it the way they were told (J. Lindsay). He buried his hands in his breast against **the cold** (G. Bates).

Наоборот, при утрате словом предметного значения это слово не может употребляться с артиклем. Поэтому артикль не употребляется во многих фразеологических сочетаниях, являющихся эквивалентами других частей речи:

Наречий: by sea, by tram, by mistake, on foot, at night, over tea, etc.

Глаголов: to take part, to go to bed, to go to school, etc.

Отношение артиклей к лексическому значению существительного и к форме его числа неодинаково:

О п р е д е л ё н н ы й артикль, в отличие от неопределённого, может быть употреблён с существительными любого лексического значения и независимо от того, употреблено ли существительное в форме единственного или множественного числа.

Н е о п р е д е л ё н н ы й артикль (который исторически восходит к числительному «один») употребляется с существительными только в единственном числе, обычно с существительными, обозначающими отдельные предметы, поддающиеся счёту (countables) и, как правило, не употребляется с существительными, обозначающими абстрактные понятия, вещество или массу (uncountables).

A word may have several meanings (Frisby). Coffee was the only thing that kept him going (S. Maugham). Time is a great healer (proverb).

Связь неопределённого артикля с лексическим значением существительного выражается также и в том, что при употреблении его с

неисчисляемыми существительными происходит сдвиг в их значении, вплоть до образования омонима. Например:

Iron – железо	An iron – утюг
Ice – лёд	An ice (ices) – мороженое
Glass – стекло	A glass (glasses) – стакан
Coffee – кофе	A coffee (two coffees) – чашка кофе

Назначение артиклей

За исключением немногочисленных случаев традиционного, немотивированного употребления определённого артикля, артикли употребляются в соответствии с их назначением. Значение артиклей крайне отвлечённо даже по сравнению с предлогами, союзами и т.п. и не может рассматриваться отдельно от значения существительного (или словосочетания), с которым он употребляется.

Определённый артикль – артикль индивидуализирующий. Сочетание существительного с определённым артиклем обозначает предмет единственный, отличный от других, индивидуальный, особенный или уникальный.

Не случайно определённый артикль употребляется с такими существительными, как world, Moon, Earth, sky, sea, ocean, North, East, South, West, etc.

Например: Marxism is a materialist philosophy. It believes in the primacy of matter and that **the world** exists outside of us and independently of us (R.F. Fox).

Неопределённый артикль – артикль классифицирующий. Сочетание с неопределённым артиклем отвечает на вопросы: Что за предмет? Какого рода предмет? Как его можно назвать? К какого рода предметам его можно отнести, как классифицировать?

This is **a table**. There is **a book** on the table. I have got **a pencil**.

В отличие от сочетания с определённым артиклем, сочетание с неопределённым артиклем обозначает предмет вообще, безотносительно к его индивидуальным характеристикам или конкретным свойствам или признакам, и поэтому в некоторых случаях употребления сходен с неопределёнными местоимениями some и any: There is a book on the table (называется предмет, относящийся к определённому роду предметов – книгам); There is some book on the table (подчёркивается неопределённость качества книги).

Ещё яснее общность значения у неопределённого артикля и неопределённого местоимения any, поскольку значение «любой», т.е. безразличия к индивидуальным особенностям предмета, является одним из основных значений этого местоимения:

Some of them had made him humiliatingly feel the great gulf that separates **a minister, any minister**, from a private member of the House (A. Bennett).

В отличие от существительных, обычно употребляемых в единственном числе без артикля, существительные с неопределённым артиклем, как

правило, выражают предмет, который имеет границы или форму (сравни a book и water) и, следовательно, может быть исчислён. Иногда в неопределённом артикле прослеживается его историческая связь с числительным «один».

Например: The temperature was only **a degree** above zero. Only **a month** remains, and not **a moment** must be lost. Is there **an Indian people** or several? Don't speak all at **a time**!

Следует иметь в виду, что количественное значение «один» прослеживается в неопределённом артикле далеко не во всех случаях его употребления.

Различие между сочетаниями существительного с определённым артиклем, с одной стороны, и с неопределённым – с другой, отчётливо проявляется, когда эти сочетания представляют весь класс предметов собирательно, обобщённо, как одно целое. Различие состоит в следующем:

1. Определённый артикль характеризует в этом случае предмет как воплощение (совокупность) всех индивидуальных признаков, которые типичны именно для этого класса предметов, присущи только ему и отличают его от других классов предметов:

A person, who writes a story, a play, or a novel, is called **the author**. Children of every age produce their own crop of problems, **the infant, the toddler, the schoolchild, the adolescent**. It requires neither the knowledge of **the scientist** nor the imagination of **the poet** to say that. This is the eternal question which confronts **the artist and the thinker**.

То же с существительными во множественном числе: the Americans, the Russians etc.

Сочетание определённого артикля с существительными, обозначающими более отвлечённые понятия (части суток, средства связи, приемы пищи), выражает самую сущность предмета, его содержание – всё то, с чем он связывается в нашем представлении: the day, the radio, the telephone, the noun...

And **the dinner**, let's remember, is the supreme meal of **the day**. **The novel** gives a different view of reality from that given by poetry.

Обобщённое, собирательное значение часто присуще также устойчивым словосочетаниям:

The subject opens wide to **the inquiring eye**. There are **the morning papers and the evening papers**.

2. Неопределённый артикль существительного в этом случае обозначает любой предмет из ряда предметов того же класса как представителя всего этого класса предметов, но «обезличенно», т.е. безотносительно к его индивидуальным признакам:

A scientist is a scientist, a politician is a politician, a diplomat is a diplomat (J. Aldridge) (любой учёный и, следовательно, учёный вообще и т.д.).

Но: The telephone was invented by Bell. Неопределённый артикль здесь был бы бессмыслен, т.к. требуется выразить, что Бэлл изобрёл именно это средство связи, а не то, что им был изобретён «любой» телефон.

Как известно, смысл существительного в английской речи определяется всевозможными артиклями. Именно от них зависит, в каком значении вы употребите имя существительное. Что же такое артикль? Артикли являются служебными словами, которые употребляются перед именами существительными, а также другими субстантивированными словами и целыми словосочетаниями. При этом они уточняют их значение. В английской системе существуют определенный (the), неопределенный (a,an) и нулевой () артикли.

Исторически сложилось, что определённый артикль восходит к указательному местоимению that, а неопределённый к числительному one (древнеанглийское числительное an «один»). Во время формирования английского языка отсутствие артикля приобрело обусловленную коммуникативную существенность, из-за этого нулевой артикль начал восприниматься наравне с определённым и неопределённым в качестве равноправного члена.

Исторический характер артиклей вполне ярко прослеживается и на настоящем уровне формирования английского языка: определённый артикль может быть использован в качестве синонима указательных местоимений this и that, неопределенный артикль в определённых ситуациях выполняет роль числительного one и никогда не употребляется перед именами существительными во множественном числе.

Особая специфика английской речи выражается в том, что одно и тоже существительное может использоваться говорящим одновременно в самых разных смыслах. Реализация смысловой структуры имён существительных является важной частью, в которой стоит разбираться, чтобы правильно и однозначно построить свою речь. Иначе вы можете быть не поняты своим собеседником. Итак, существительные могут употребляться в следующих смыслах:

1) **конкретно-назывном** – данный смысл используется для обозначения объектов, находящихся в поле зрения собеседников, однозначно выделенных (из ситуации речи собеседникам ясно, какой объект имеется в виду, оба они соотносят это существительное с одним и тем же объектом) или известных им в силу каких-то обстоятельств. Например, Вчера мне купили новый стол. Сегодня я села за него работать и вижу, что он не удобен. Я говорю отцу: «**Стол** не удобен для работы»;

2) **общеназывном** – для называния объектов как таковых, вне соотнесенности с чем-то конкретно данным, однозначно выделенным или известным собеседникам. Например, Вам отвели отдельную комнату для занятий.

В ней абсолютно нет никакой мебели. Вас спрашивают, что вам теперь нужно. Вы отвечаете: «Прежде всего, мне необходим **стол**».

Взятые отдельно, вне речевой ситуации, имена существительные характеризуются смысловой неопределенностью, которая выражается в том, что мы не можем сказать, в каком смысле их следует понимать, в какого рода соотнесенности они находятся с называемыми объектами – обозначают ли они лица, предметы, вещества, явления и т.п. как нечто конкретно данное, по тем или другим обстоятельствам известное собеседникам, или просто называют их как таковые, вне соотнесенности с чем-то известным или однозначно выделенным.

Таким образом, имена существительные, характеризующиеся смысловой неопределенностью в обособленном положении, приобретают достаточно ярко выраженную смысловую ориентированность в определённых ситуативных условиях речи. Здесь каждое имя существительное употребляется говорящим в каком-то строго *определённом* (конкретно-назывном или общеназывном) *смысле*. Проанализируем ряд примеров.

Ситуация 1.

Классный руководитель говорит дежурному: «Сегодня ты должен мыть столы». В этой ситуации слово «стол» в форме множественного числа употребляется говорящим в конкретно-назывном смысле, т.е. находится в конкретной соотнесенности с обозначаемым им объектом. В примере оно обозначает предметы, известные собеседникам из-за общности их опыта.

Ситуация 2.

Ученик доносит до сведения своих родителей: «Нам обещали поставить парты вместо столов в следующем году». В данной ситуации слово «стол» в форме множественного числа употребляется в общеназывном смысле, т.е. называет объекты как таковые, без указания на что-либо конкретное или однозначное.

Ситуация 3.

Учитель забыл свой синий карандаш. Он спрашивает у учащихся: «Ребята, кто мне может позаимствовать синий **карандаш**?» (1) – «Надо спросить у Курапатова. Он постоянно берет с собой цветные **карандаши**» (2). (1 – существительное карандаш используется в общеназывном смысле), (2 – существительное карандаши используется в общеназывном смысле).

Ситуация 4.

Я подошла к вам и обращаюсь: «У вас есть ручка? Не могли бы вы её дать: канцелярский магазин закрыт». (Существительное ручка употребляется в общеназывном смысле) Синтез смысловой направленности имен существительных демонстрирует, что последние имеют потенциальную смысловую разноплановость, т.е. могут употребляться в речи в различного рода соотнесенности с называемыми объектами. Потенциальная смысловая разноплановость имен существительных раскрывается при употреблении их при разных ситуативных обстоятельствах. Посмотрим теперь, как указанная

выше потенциальная смысловая разноплановость имен существительных может проявляться в английском языке.

Разберем несколько ситуаций со словом table.

Ситуация 1. Ваш рабочий стол стоит в самом углу комнаты. Там вам не хватает освещения. Вам нужно его передвинуть, но один вы не справитесь. Поэтому вы просите вашего друга вам помочь: «Will you help me to move **the** table to the window?» Здесь слово table находится в конкретной соотнесенности с называемым объектом, т. е. обозначает тот самый стол, за которым вы работаете. Таким образом, в данной речевой ситуации слово table употребляется в конкретно-назывном смысле с определённым артиклем.

Ситуация 2. Ваш старший брат пригласил своих одноклассников, чтобы подготовиться к экзамену. Они занимаются в вашей комнате, но к вам пришли друзья. Вы просите их перейти в гостиную. Одноклассник спрашивает вашего брата: «Is there **a** table in the living room?» В данном случае слово table употреблено в общеназывном смысле – им назван объект как таковой, как отдельный представитель класса, вне конкретной соотнесенности.

Ситуация 3. Вы освободились пораньше и пришли в детский сад в обед, чтобы забрать свою сестру. Вам отвечают: «You can't take your sister home until **the children** get up. They are having a rest now.» В этой ситуации существительное children используется в конкретно-назывном смысле, поэтому оно употребляется с определённым артиклем.

Ситуация 4. «What do you want to be, Mike? » – «I'd like to be **a teacher**.»

В данной ситуации существительное teacher употребляется в общеназывном смысле.

Таким образом, в речи на английском языке, равно также как и на русском, имена существительные могут иметь различную смысловую направленность в плане их (конкретной/неконкретной) соотнесённости с называемыми объектами.

Определённый артикль указывает на употребление имени существительного в конкретно-назывном смысле. Это предполагает конкретную соотнесенность имени существительного с называемым объектом. Неопределённый и нулевой артикли являются показателями употребления имен существительных в общеназывном смысле. Такие имена существительные употребляются вне соотнесенности с чем-либо конкретно данным, особым образом выделенным или известным собеседникам благодаря общности их прошлого опыта.

Итак, говоря о функции английских артиклей, мы можем отметить, что она заключается в указании на смысловую направленность имен существительных во время речи, которая определяется характером соотнесенности имен существительных с называемыми объектами. Проанализируем условия, стабилизирующие использование английских артиклей в

речи. Роль английских артиклей, таким образом, состоит в указании на смысловую направленность имен существительных в речи, которая выражается в различном роде соотнесенности имени существительного с называемым объектом, т.е. характеризуются референтной соотнесенностью.

Смысловая направленность имен существительных во время речи формируется говорящим в зависимости от того, что он хочет сказать своему собеседнику. *Задача сообщения*, или смысловое задание высказывания, как известно, считается главным условием, определяющим смысловую направленность употребляемых в речи существительных и регулирует выбор артикля.

Смысловая направленность выражений и входящих в их структуру имен существительных выявляется в определённых ситуативных условиях речи. Из этого следует, что вторым фактором, который нужно принимать во внимание при употреблении артикля, считается фактор ситуативных условий речи.

Вне ситуации, например, невозможно сказать, которые из всех приведенных ниже вариантов высказываний, отличающихся друг от друга формой артикля, являются правильными.

This is a magazine. – This is the magazine.

I saw a girl. – I saw the girl.

A man is waiting for you. – The man is waiting for you.

В зависимости от ситуации любой из данных вариантов может оказаться правильным и неправильным. Так, при одних обстоятельствах вариант может быть правильным, а при других – нет. Вариант *This is the book* окажется верным при следующих обстоятельствах: Вы пообещали знакомому, что при любой удобной возможности продемонстрируете ему свою книгу, подаренную родственниками. Теперь знакомый рассматривает вашу библиотеку. Он хочет узнать, какая из всех книг является той самой, про которую говорили вы. Вы находите эту книгу и показываете ему: «*This is the book.*»

Использование варианта *This is a book* в таких обстоятельствах приведёт вашего знакомого в замешательство. Этот вариант будет правильным в другой ситуации: вы решили показать своему собеседнику книгу и захотели поделиться с ним, как называется данный предмет по-английски. Таким образом, возможно обоюдное непонимание собеседников при неправильном употреблении варианта, т.е. замене одного варианта другим.

Итак, употребление английских артиклей в речи регулируется следующими способами:

- 1) смысловым заданием высказывания,
- 2) ситуативными условиями речи.

Каждая речевая ситуация подразумевает правильное использование определённых артиклей. Поэтому нужно знать, как пользоваться ими в любой речевой ситуации. Мы рассмотрим несколько типов, которые

помогут разобраться, в каких ситуациях следует использовать тот или иной артикль. *Первый тип ситуаций*, который требует оформления имён существительных определённым артиклем, включает ситуации, основанные на способе *указания на объект*, который находится в поле зрения собеседников. Приведём яркий пример данной ситуации: «Leave **the dog** alone, Mary» – просим мы свою подругу. *Второй тип ситуаций*, которые приводят к использованию определённого артикля в речи, характеризуется логическим способом *ссылки говорящего на объект*, который является известным его собеседникам. Говорящий в данном случае может ссылаться на объект, который относится к любой отдаленности в пространстве и времени, если он уверен, что ситуация речи обеспечивает правильное понимание его собеседником.

Например,

«Вчера вы были в торговом центре и покупали там перчатки, я вас видел. Сегодня я к вам обращаюсь: «Have you bought the gloves?»».

Третий тип включает ситуации, основанные на логическом способе *включения объекта в число известных*. Этот метод использует говорящий в случае, когда объект или образует неотъемлемую часть другого, уже известного собеседникам объекта, либо его присутствие в ситуации является непосредственным или необходимым. Так, любая книга обязательно предполагает автора, название, начало, конец, кульминацию, развязку, завязку и т.д.

Например,

«Who recommended this book to you?» – спрашиваем мы и получаем ответ: «Oh, it needs no recommendation. **The author and the title** speak for themselves.»

В основе *четвертого типа* ситуации лежит *способ дополнительной конкретизации объекта*. Этим способом говорящий обычно пользуется в тех ситуациях, которые не обеспечивают условий однозначного соотнесения употреблённого существительного с называемым объектом. Таким образом, при именовании объектов, говорящий с помощью описательных моментов называет собеседнику некоторые отличительные особенности объекта, то есть даёт ему ряд дополнительных сведений, которые помогают слушателю определить, какой объект имел в виду говорящий.

Например,

Вы находитесь на конференции с сестрой. Она нередко шепчется с соседом справа. Вы обращаетесь к ней: «Who is the **boy on your right?**»

Неопределённый артикль также характерен для имени существительного. Неопределённый, так же как и нулевой артикль по своим смыслоразличительным функциям противостоит определённому артиклю. Неопределённый артикль подчёркивает, что называемый объект представлен членимой единицей на фоне класса. *К первому типу ситуаций*, которые

приводят к использованию неопределенного артикля в речи, относятся ситуации, которые основаны на логическом способе *причисления объекта к классу (подклассу)*. Этим логическим путём говорящий пользуется в процессе речи при назывании класса, к которому данный объект принадлежит как единый представитель.

Например,

There is **a ball** on the grass. / На траве лежит мяч. (не волан, не слон, не человек)

It is **a golf ball**. / Это – мяч для гольфа. (не для футбола или тенниса)

I smell **an omelette**. / Я чувствую запах омлета. (не супа или каши)

Второй тип ситуаций, которые приводят к использованию неопределенного артикля, характеризуется логическим способом номинации (название самого объекта). Данный логический способ, как правило, применяют в том случае, когда оратор вводит в речь некоторый новый объект, неизвестный своему собеседнику.

Например,

Suddenly I heard **a loud cry**. / Внезапно я услышал (**чей-то**) громкий крик.

In the distance they saw **a lake**. / Вдали они увидели (**какое-то**) озеро.

В основе третьего типа ситуаций лежит методика *количественной характеристики объекта*. Главной предпосылкой для употребления имен существительных в речи неопределённым артиклем на основе этого метода, является наличие в высказывании имен существительных, значение которых в этом контексте может быть связано с понятием количественных мер.

Например,

I shall come in **an hour**. / Я приду через (**один**) час.

Give me **a beer**, please. / Дайте мне **одно пиво**, пожалуйста.

We walked **a mile** or two. / Мы прошли **одну** или две мили.

К четвёртому типу ситуаций, которые приводят к употреблению неопределённого артикля в речи, можно отнести случаи, построенные на основе логического способа *аспектизации*. Такая возможность реализуется в том случае, когда перед именем существительным употребляется определение, которое указывает на отдельный признак или аспект называемого объекта, – его вид, тип, способ проявления и т.д.

Например,

A cow gives milk. / Корова (**всякая**) дает молоко.

A dog is a domestic animal. / Собака – домашнее животное.

Таким образом, процесс реализации английского существительного в речи и его адекватная артиклизация зависят от ситуации общения. Правильному использованию артикля способствует соответствующая ментальная деятельность человека. Продумывание ситуации и постоянная тренировка использования артиклей приводит к фиксации адекватного употребления существительного с необходимым для данной ситуации

артиклем. Использование иллюстраций – картинок и фото будет способствовать наиболее активному усвоению. Иллюстрации запоминаются быстро, если подобрать соответствующую цветовую гамму. При спонтанном употреблении – описании каких-либо событий или явлений будет происходить быстрое включение мозговой деятельности и на основе правильного выбора существительное будет адекватно представлено в устной и письменной речи с соответствующим артиклем.

5.2. Части речи

5.2.1. Местоимение

Местоимение – своеобразная часть речи, включающая слова с весьма абстрактным, отвлечённым значением [46]. В отличие от слов, принадлежащих к другим частям речи, местоимения не называют конкретных предметов или качеств. Вследствие этого значение местоимений является относительным: оно по-разному конкретизируется в разных контекстах, в определённой речевой ситуации, где уточняется, к какому именно предмету или качеству местоимение в данном случае относится, кто является говорящим лицом; при употреблении *this* – какой предмет или признак имеется в виду и т.д.

По характеру значения и по употреблению местоимения делятся на:

1. **Субстантивные (Noun-Pronouns)**: они соотносимы с существительными и употребляются так же, как существительные. **Everybody** knows if...

2. **Адъективные (Adjective-Pronouns)**: они соотносимы с прилагательными и употребляются как зависимые компоненты субстантивных словосочетаний: **my book, everyday**...

Однако лишь немногие местоимения относятся только к одной из двух указанных групп: большинство местоимений, в зависимости от их употребления, относятся то к одной группе, то к другой.

Субстантивные	Адъективные
Some were present.	Some people were present.
Which is better?	Which book is better?
This is wrong.	This idea is wrong.

Большинство местоимений неизменяемы. Лишь немногие местоимения имеют формы словоизменения.

- **П а д е ж а**: личные местоимения и *who*.
- **Ч и с л а**: местоимения *this, that, other*.
- **С т е п е н и с р а в н е н и я**: местоимения *many, much, few, little*.

Некоторые местоимения имеют особые формы *зависимого* и *свободного* употребления: в адъективном употреблении местоимение выступает в так

называемой присоединяемой форме (conjoint form), которая употребляется только со следующим за ним существительным, а в субстантивном употреблении – в так называемой абсолютной форме (absolute form), являющейся эквивалентом субстантивного словосочетания.

Такие формы имеются:

- У притяжательных местоимений: This is my book. The book is mine.
- У отрицательного местоимения no – none: You have no money: your father left you none.

Неопределённые местоимения, которые связаны или могут быть связаны со значением одушевлённости (местоимения, оканчивающиеся на -body, -one, а также местоимения one, other, each other), могут употребляться в притяжательных конструкциях с формантом 's.

Особый характер местоимений ярко проявляется в их сочетаемости. Субстантивные местоимения, в отличие от существительных, не сочетаются с артиклями (кроме the other). Это объясняется характером их лексического значения: поскольку местоимение не называет никакого конкретного предмета, не может быть речи о его классификации или индивидуализации. Кроме того, сами артикли возникли и развились из местоимений и являются своеобразными местоимёнными словами. Не случайно в английском языке употребляется либо местоимение, либо артикль.

Адъективные местоимения, как и артикль, замыкают собой ряд препозитивных определений к существительному и, таким образом, оформляют всё субстантивное словосочетание: the (this, our) big high old red house. Даже местоимения both, all, such, при наличии которых возможно употребление артиклей, всё же стоят перед артиклем: both the girls.

В силу отвлечённости значений местоимений словосочетания с ними весьма немногочисленны и своеобразны.

Роль местоимений в современном английском языке особенно велика в силу того, что только благодаря их наличию в языке оказывается возможным выразить одушевлённость – неодушевлённость. Эта способность местоимений тем более существенна, что ни артикль, ни формы существительного или прилагательного указанных значений в английском языке не выражают.

В английском языке имеются следующие типы местоимений:

- Личные.
- Притяжательные.
- Возвратные.
- Указательные.
- Вопросительные.
- Союзные: собственно-союзные и относительные.
- Неопределённые.
- Отрицательные.
- Взаимные.

5.2.2. Имя Существительное

Существительное – класс однозначных слов (часть речи), который включает в себя названия предметов и одушевлённых существ и может выступать в предложении по преимуществу в качестве подлежащего или дополнения [46].

Имена существительные – это слова с общим грамматическим значением предмета (предметности) [46]. Характер этого грамматического значения проявляется в том, что любое существительное, независимо от его конкретной семантики, ведёт себя соответствующим образом: оно и в предложении выполняет функцию предмета, т.е. выступает в нём в качестве либо подлежащего, либо дополнения. Конкретная же (лексическая) семантика существительных может быть самой разнообразной: она определяется тем, что именно понимается под «предметом». В связи с этим в пределах данного класса выделяется ряд семантических подклассов. При этом следует помнить, что любая существенная особенность в плане семантики получает соответствующую специфику в плане «грамматического поведения».

Типичная функция существительного – обозначение субъекта предикации (или вообще основных актантов предиката).

Первое противопоставление – различие имён собственных и нарицательных – *proper names and common nouns*. На письме первые отличаются тем, что пишутся всегда с прописной буквы: Mary, Peter, Lenin, Boris Eltsin, Nadezhda Kostareva. Имена собственные – это названия отдельных, индивидуальных предметов, поэтому они, как правило, не имеют и не могут по определению иметь форму множественного числа и употребляться с неопределённым артиклем. Форма множественного числа всегда свидетельствует о том, что данное имя собственное обозначает не отдельное лицо, а группу родственных лиц, семью – The Putins. К этой же группе относятся и клички животных, а также географические названия. Последние – по традиции, в зависимости от характера называемого предмета (места) – имеют форму либо единственного (Russia, the Atlantic Ocean, The United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland), либо множественного (The United States, The Alps) числа, но опять-таки всегда одну форму.

Имена нарицательные подразделяются на исчисляемые и неисчисляемые (*countable – uncountable*). Первые представляют собой наименования отдельных предметов, а поскольку обычные для нас предметы могут встречаться многократно, то основным формальным признаком этой группы существительных служит возможность употребления их в двух формах – единственного и множественного числа, а также обязательная сочетаемость в форме единственного числа с неопределённым артиклем.

Имена неисчисляемые могут иметь только одну форму – единственного числа. По своему значению они подразделяются на конкретные – названия

вещества или массы (names of materials or mass noun), такие как coal, water, milk, и абстрактные (abstract) – love, beauty, darkness, friendship. В последних в виде «предметов» представлены наименования разнообразных свойств и отношений.

Современный английский язык может быть охарактеризован как корневой. В связи с этим, как отмечается во многих грамматиках, «переход» существительного из одного семантического класса в другой происходит без изменения его внешнего вида. Так, если в русском языке мы различаем, например, уголь – неисчисляемое и уголёк – исчисляемое, которое может иметь форму угольки, то в английском языке эти различия связаны лишь с возможностью слова сочетаться с неопределённым артиклем.

Существительное является наиболее полифункциональным классом слов языка. Наряду со своими первичными функциями подлежащего и дополнения существительное выполняет также функции, характерные для других частей речи: обстоятельства (идти лесом), определения (дом отца), сказуемого или его именной части (He is a hero), и образует синтаксические единства с предлогами, послелогоми и со счётными словами. Тем не менее употребление лексемы в нетипичной функции связано с теми или иными ограничениями. Например, существительное, будучи употреблено в качестве сказуемого, может требовать особых частиц или глагола-связки (ср. англ. Mary is a girl «Мэри – девочка», но не Mary a girl), которые не обязательны при употреблении в этой функции глагола.

5.2.3. Имя Прилагательное

Прилагательное – лексико-семантический класс предикативных слов, обозначающих непроецессуальный признак (свойство) предмета, события или другого признака, обозначенного именем. Прилагательное обозначает либо качественный признак предмета, вне его отношения к другим предметам, событиям или признакам, либо признак относительный, обозначающий свойство предмета через его отношение к другому предмету [46].

Прилагательное как часть речи не только является универсальной категорией, но и составляет класс слов, наименее специфицированный по сравнению с другими морфолого-синтаксическими классами.

Семантической основой прилагательного является понятие качества (В.В. Виноградов). Прилагательное выступает либо как определение при существительном, образуя атрибутивную конструкцию, либо как предикат или часть предиката, соединяясь с существительным через глагол-связку. Признак атрибутивности/предикативности часто вводят в определение прилагательного как его основную функциональную особенность. Семантические подклассы прилагательного различаются по их способности

выступать в атрибутивной и/или предикативной позиции. Противопоставление по атрибутивности/предикативности нейтрализуется в конструкциях с так называемым предикативным определением: Коля пришёл радостный, где прилагательное, входя в состав предиката, является атрибутом к субъекту.

По семантике прилагательные крайне неоднородны, их классификации разнообразны и опираются как на значения самих прилагательных, так и на свойства денотатов, к которым относятся признаки, а также на возможности интенсификации (усиления признака). По-видимому, универсальным является деление прилагательных на качественные и относительные. Качественные прилагательные считаются «классическими» признаками предиката, т.к. они не включают никаких других сем, кроме предикативных. Значение качественных прилагательных гомогенно, оно плохо делится на семы, характеризуется подвижностью в зависимости от содержания денотата, к которому относится признак, и имеет тенденцию к отрыву от денотата и сдвигу в соседние семантические зоны.

Значение относительного прилагательного иное: это отношение, устанавливаемое между предметом (или признаком) и другим предметом, признак которого обозначается прилагательным. Семантика относительного прилагательного представляет собой сложную признаковую структуру, соотносённую со структурой исходного слова. Относительное прилагательное не имеет центрального признака, который может градуироваться, поэтому оно не имеет степеней сравнения и не сочетается с интенсификаторами. В процессе окачества относительного прилагательного его значение перестраивается: качественный признак выступает на передний план, а другие погашаются.

Признаки, по которым выделяются прилагательные, следующие:

1) *Общее значение* – значение качества (свойства) того или иного предмета, например: размер (big, small), цвет (white), возраст (old, young), местоположение в пространстве (far, inner), материал (wooden), психическое состояние лица (angry).

В тех случаях, когда прилагательное утрачивает связь с определяемым существительным, оно субстантивируется, т.е. само становится существительным и переходит в класс существительных (the young people – the young).

2) *Формы словоизменения*. В английском языке, в отличие от русского, прилагательные не изменяются по родам, числам и падежам и не согласуются с определяемым существительным. Единственными формами словоизменения у прилагательных в английском языке являются формы степеней сравнения. Но эти формы существуют не у всех прилагательных.

3) *Сочетаемость с другими словами*. Прилагательное обычно согласуется с существительными, образуя атрибутивное словосочетание: the green tree. Прилагательное также может сочетаться с глаголом-связкой

(или со знаменательным глаголом, выполняющим функцию связки). В качестве зависимых членов прилагательные могут принимать наречие, предложные обороты и инфинитив. Из служебных слов прилагательное сочетается с частицами.

Среди прилагательных особо выделяется группа слов с префиксом **a-**, например, *asleep, astir, afloat, aglow, alive, ashamed, alike, afraid*, имеющих значение состояния какого-либо лица или предмета. Иногда эти слова выделяют в особую часть речи, так называемую «катеорию состояния». Эти прилагательные характеризуются тем, что они обычно не употребляются в роли препозитивного определения к существительному; чаще всего они стоят при глаголе-связке в составе именного сказуемого:

I'm not afraid of you, anyhow (B. Shaw). He **was alive**, painfully **alive**, to the great universal things (J. London).

Реже такие прилагательные употребляются в роли постпозитивного или обособленного определения при существительном:

The poorest girl alive... can choose between rag picking and flower selling, according to her taste. He walked away... under **a sky** of clear steel-blue, *alive* with stars.

5.2.4. Глагол

Глагол (лат. *verbum*) – часть речи, выражающая грамматическое значение действия (т.е. признака подвижного, реализующегося во времени) и функционирующая по преимуществу в качестве сказуемого [46].

Семантико-грамматические разряды глаголов выделяются на основании различных признаков. Знаменательные глаголы противостоят служебным (т.е. связкам) и вспомогательным глаголам, используемым в составе аналитических глагольных форм.

Глагол представляет собой наиболее сложный класс слов по составу грамматических категорий. Это непосредственно связано с его семантикой: глагол выражает действие, состояние или процесс, характеризующий некий предмет (лицо): *A tall boy / can reach the ceiling. A curious fellow / asks many questions. The boy / is reading.* В каждом из приведённых выше предложений глагол (группа глагола) определённым образом характеризует предмет, обозначенный существительным (группой существительного). В этом плане глагол – несамостоятельное слово: оно обязательно привязано к существительному, поскольку никакое действие или состояние не может существовать само по себе – это всегда действие или состояние какого-то предмета. Кроме того, действие может быть направлено на другой предмет (другие предметы). Это – ещё одна связь глагола. В глаголе также находят отражение связи выражаемого действия (состояния) с участниками процесса коммуникации, с моментом высказывания, с реальностью события

и т.д. Все эти связи или же большинство их находят выражение в соответствующих формах глагола, чем и объясняется наличие у глагола большого числа грамматических категорий.

Классы глаголов

Наиболее чёткой и однозначной оказывается **формальная** классификация. В современном английском языке глаголы характеризуются наличием 3 основных форм: инфинитива, прошедшего времени и причастия прошедшего времени. Можно также говорить о причастии настоящего времени, но оно оказывается одинаковым для всех глаголов. В отношении образования трёх упомянутых форм все глаголы в современном английском языке строго разделяются на две основные группы – правильные (стандартные) и неправильные (нестандартные) глаголы.

Правильные глаголы составляют подавляющее большинство. Их особенность в том, что вторая и третья формы образуются одинаково – с помощью суффикса **-(e)d**. Неправильные глаголы представлены разнообразными группами, сохранившимися в языке от древней системы сильных и слабых глаголов.

В плане синтаксической (валентной) классификации все глаголы могут быть разделены по крайней мере на два класса – субъектные и объектные. К первым относятся глаголы, которые сочетаются только с подлежащим (субъектом): I walk. He stands. She sleeps. The bird sings. Ко вторым – глаголы, которые помимо подлежащего сочетаются и с дополнением (объектом): I watch the TV. He writes many letters.

Однако в силу того, что английский язык является корневым, и почти все английские глаголы оказываются многозначными, то многие глаголы могут входить в оба класса без каких либо формальных изменений: I walk in the garden – I walk with my dog in the garden. He can run fast – He can run a motor-car. В первом предложении каждой пары глагол выступает как субъектный, во втором – как объектный: всё зависит от характера сочетаемости, от синтаксиса.

Некоторые глаголы образуют формально противопоставленные пары «субъектный – объектный», но таких глагол немного: sit-set, fall-fell, lie-lay.

По общей семантике глаголы могут быть разделены на 2 класса: предельные и непредельные (терминативные и дуративные). Первые выражают действие завершённое, достигшее своего предела: come, catch, find, sit down, stand up; вторые – действие длительное, не достигшее предела: be, have, keep, sit, stand, see, hear etc. Однако и здесь – по тем же причинам, что и в предыдущем случае, – один глагол может входить в оба класса: She missed him. – She missed the train.

По характеру (степени) своей полноточности глаголы можно подразделить на собственно полноточные, полувспомогательные и вспомогательные. К первым относится подавляющее большинство глаголов, к полувспомогательным относятся связочные глаголы: He **is** a student.

She **became** a student: модальные – I **can** read English. He **must** come in time; фазисные (аспектные) – She **began** to read. He **stopped** smoking. Вспомогательные глаголы выполняют чисто служебную функцию: He **is** reading. He **does** not know that.

Некоторые глаголы могут выполнять две, три, а то и четыре указанные функции.

There **are** people who do not smoke (полнозначный).

He **is** a student (связочный).

He **is** to come soon (модальный).

He **is** coming (вспомогательный).

Итак, наиболее строгой является формальная классификация: глагол, образующий основные формы по одному образцу, не может образовывать их иначе. Правда, и в этом случае есть несколько исключений – несколько глаголов имеют как правильную форму, так и неправильную: learn – learned (learnt) – learned (learnt).

Категория числа

Как и у существительного, у английского глагола имеется грамматическая форма числа, представленная формами единственного и множественного числа: The boy is writing. – The boys are writing.

Однако следует иметь в виду очень важное различие между именем и глаголом. У существительного форма множественного числа выражает множественность предметов. По аналогии у глагола она должна была бы выражать множественность действий. Но это не так: форма множественного числа у глагола выражает множественность участников действия.

Категория лица

Значение и назначение категории лица глагола – выражение соотнесённости действия (состояния, процесса) с участниками процесса коммуникации. Форма первого лица показывает, что исполнителем действия является говорящий, форма второго лица обозначает слушающего и форма третьего – лицо (или предмет), не являющееся участником разговора – предмет речи.

В современном английском языке сохранилась одна форма спряжения – форма третьего лица единственного числа. Во всех остальных случаях употребляется «чистая» основа инфинитива. Показателем лица (и числа) глагола служит соответствующее личное местоимение, без которого глагол, как правило, не употребляется: I write – you write – he writes.

5.2.5. Наречие

Наречие выделяется по следующим признакам:

1. **О б щ е е з н а ч е н и е.** Для всех наречий общей чертой является способность в сочетаниях с глаголом выразить признак процесса. Однако в

пределах данной части речи выделяются различные группы, очень неоднородные по своему значению и грамматическим свойствам, как-то:

- а) Наречия времени: today, yesterday, then, after, before, when, now etc.
- б) Наречия места: here, there, behind, upstairs, outside, in etc.
- в) Наречия направления: forward, north, out, thence, whence etc.

Наречия места в большинстве своём могут обозначать как собственно место (Где?), так и направления (Куда?).

- г) Наречия образа действия: quickly, strongly, high, well, thus etc.
- д) Наречия частотности: often, always, frequently, daily, once, twice etc.
- е) Наречия степени: much, little, enough etc.

2. Ф о р м ы с л о в о и з м е н е н и я существуют лишь у наречий образа действия и у некоторых наречий степени: это формы степени сравнения.

3. С о ч е т а е м о с т ь с д р у г и м и с л о в а м и. Всем наречиям свойственна сочетаемость с глаголом (откуда и сам термин «adverb»). Например:

Brett and Mike ought to get in **tonight** (E. Hemingway). He met Gibbons coming **down**. Soames turned **hastily**. We **often** talked about bulls and bullfighters.

Однако следует иметь в виду, что сочетания глагола с наречиями времени и места качественно отличны от сходных сочетаний с наречиями других типов. Наречия места и времени, выражающие чисто внешние условия протекания процесса, не характеризуют внутренних качественных признаков самого процесса; поэтому их связь с глаголом менее тесная, чем у других наречий. Относительная слабость связи наречий места и времени с глаголом выражается также в том, что в тех случаях, когда глагольное словосочетание включает в себя наречия разных типов, наречия места и времени ставятся обычно в конце словосочетания, после наречий образа действия: Heran went **hastily downstairs** (E. Voynich). Кроме глагола некоторые наречия (в качестве зависимых членов) могут сочетаться:

1. С существительным (наречия места и времени): The people **here** are a funny lot. – “Britain **Today**” (the magazine).

2. С прилагательными (наречия образа действия и степени): He turned to the **politically** active youth. The whole thing’s **much** simpler.

5.3. Порядок слов в предложении

Порядок слов – определённое расположение слов в предложении или синтаксической группе [46].

Изучая проблему порядка слов, следует проводить чёткое разграничение между размещением полнозначных слов, с одной стороны, и размещением служебных слов по отношению к полнозначным словам, с другой стороны. В первом случае порядок слов является значащим. Любое

перемещение полнозначного слова в предложении влечёт за собой изменение его синтаксической функции, а, следовательно, и всего смысла предложения. Во втором случае дело будет обстоять несколько иначе. Служебные слова привлекаются в речь не ради них самих, а для обслуживания полнозначных слов, для выражения связи между ними. Размещение служебных слов в предложении указывает лишь на то, к какому полнозначному слову они относятся, и перестановка служебных слов ни в какой мере не изменит их синтаксической функции, а только отнесёт их к другим полнозначным словам. Порядок слов в этом случае указывает не на характер связи между словами, а лишь на сам факт связи.

Отличительной чертой английского языка в отношении предлогов является то, что предлоги могут не терять связи с полнозначным словом даже при их дистантном расположении, как, например, в предложениях: *Where are you going to? Куда вы идёте? What are you thinking about? О чём вы думаете? The noun this preposition refers to is a borrowing.* Существительное, к которому относится этот предлог, представляет собой заимствование.

Порядок слов может выполнять различные функции. Можно выделить три функции:

1. Собственно грамматическая функция, которая состоит в том, что порядок слов служит для выражения определённых синтаксических отношений: субъектно-объектных отношений, субъектно-предикативных отношений, атрибутивных отношений и т.д.

2. Выражение порядком слов лексического подлежащего и лексического сказуемого.

3. Экспрессивно-стилистическая функция.

В ряде случаев порядок слов может выполнять несколько функций одновременно, но при этом одна из функций всегда выдвигается на первый план.

Порядок слов может указывать и на степень связи между словами в предложении. Например, *I found an empty box* (Я нашёл пустой ящик) и *I found the box empty* (Я нашёл ящик пустым). Само содержание связи в обоих случаях одно и то же – слово *box* определяется словом *empty*. Однако степень связи здесь различная: в первом случае *an empty box* осознаётся как нечто цельное, а во втором – *empty* выделяется особо и трактуется как самый существенный момент. В первом случае связь просто атрибутивная, а во втором – она, будучи более свободной, приближается к комплетивной.

Большая грамматическая нагрузка порядка слов ведёт к тому, что возможности использования порядка слов не для грамматических целей в английском языке значительно ограничены. В русском языке для оживления речи и для придания ей характера спокойного повествования можно относительно свободно переставлять слова; в английском же языке этого

делать почти нельзя, так как есть опасность нарушить синтаксические связи между словами.

П р и м е ч а н и е . В отношении роли порядка слов в качестве средства выражения субъектно-объектных отношений английский язык очень сильно отличается от русского. Вряд ли можно признать правильным содержащееся в русских грамматиках утверждение, что в случае омонимии именительного и винительного падежей и отсутствия различий в числе (Мать любит дочь; весло задело платье) подлежащее и сказуемое в русском языке выражается твёрдым порядком слов. В действительности порядок слов в предложениях подобного рода может быть любой: ср. «Огромное богатство приносит снег», а также очень любопытное предложение, где грамматическая омонимия сочетается с лексической, «Мир будет защищать весь мир».

Принято различать прямой и обратный порядок слов; при этом обратный порядок слов обычно называется *и н в е р с и е й*. Основными случаями использования инверсии в современном английском языке являются следующие:

1. Инверсия, главным образом частичная, используется при выражении вопроса.

2. Инверсия может также использоваться при выражении условности в условных предложениях без союза *if*: ср. *Should you ask me...* (если) бы вы меня спросили...; *were I there I should be very glad* (если) бы я был там, я был бы очень доволен. Кроме того, здесь следует отметить известную связь инверсии с категорией наклонения.

3. Инверсия встречается, когда на первое место в предложении выдвигаются слова, представляющие собой в смысловом отношении наиболее существенную часть сказуемого. *Bright and sunny was the morning.*

4. Инверсия обычна в тех случаях, когда в начале предложения имеется какое-либо определительное уточняющее слово, например ограничительные, отрицательные частицы, наречия, союзы, такие как *hardly, scarcely, No sooner, only, seldom, never*: *Only now do I understand...* только теперь я понимаю.

В обоих типах конструкций инверсия определяется экспрессивно-стилистическими причинами – желанием достигнуть большей эмоциональности высказывания.

Основное отличие грамматического строя английского языка от строя русского языка лежит в способах выражения связи слов в предложении. Например, в русском предложении «мой брат подождёт вас» функция слова «брат» как подлежащего выражена тем, что это слово стоит в форме именительного падежа; связь слова «подождёт» как сказуемого с подлежащим «брат» выражена формой лица и числа (3-е лицо единственного числа); слово «мой» оформлено как определение при слове «брат» тем, что согласуется с ним в роде, числе и падеже; слово «вас» оформлено как прямое дополнение при глаголе тем, что стоит в форме

винительного падежа. Такого рода грамматический строй, при котором связи слов в предложении выражаются, главным образом, формами слов, т.е. при помощи изменения самих слов, называется синтаксическим строем.

В соответствующем английском предложении *My brother will wait for you*, напротив, ни одно из входящих в предложение слов не указывает своей собственной формой, с какими словами оно связано в строе данного предложения. Связь слова *my* со словом *brother* выражена тем, что оно стоит на фиксированном месте – перед определяемым существительным; связь между словами *brother* как подлежащим и *will wait* как сказуемым выражена их взаимным местоположением: подлежащее непосредственно предшествует сказуемому; наконец, зависимость слова *you* как дополнения от глагола *will wait* выражена, во-первых, его постановкой после данного глагола и, во-вторых, наличием перед ним служебного слова – предлога *for*. Такого рода грамматический строй, при котором связи слов в предложении выражаются, главным образом, не формами слов, а при помощи порядка слов, называется аналитическим строем.

Следует иметь в виду, что сказанное относится именно к способам выражения связи слов в предложении. Те синтетические формы, которые сами по себе не выражают связей слов в предложении (например, число у существительных), прочно удерживаются в английском языке.

Глава 6. ТИПЫ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

6.1. Простое предложение и его типы в английском языке

6.1.1. Структура простого предложения

Установление различных способов связи между словами и изучение функций этих слов само по себе не исчерпывает синтаксического исследования, так как не раскрывает природы основной синтаксической категории – предложения. Так, например, если взять такие ряды закономерно связанных между собою слов, как *a large room* большая комната, *to look at him* смотреть на него, *the doctor's arrival* прибытие доктора или даже *his having come* и *his saying that*, то легко убедиться в том, что, хотя слова во всех этих случаях соединены друг с другом по определенным правилам и хотя устанавливаемые этой связью отношения понятны, словосочетания все же не имеют реального, или актуального, смысла. В них выражается не цельная мысль, а, скорее, как бы фрагменты мысли и в то же время отсутствует нечто, что делает данный ряд закономерно соединенных слов предложением. Это означает, что, хотя вопрос о словосочетании, или закономерном грамматическом соединении слов, с одной стороны, и вопрос о предложении, с другой стороны, являются тесно связанными между собою проблемами, это все же две разные проблемы, причем ведущей из них является проблема построения предложения как такового. В связи с этим необходимо еще раз напомнить, что предложение не всегда состоит из сочетаний рядов слов; в известных случаях встречаются и однословные предложения, которые производят впечатление вполне законченных высказываний и действительно являются таковыми, но тем не менее вопроса о связи слов и о правилах сочетания слов в них вообще не возникает: ср. такие однословные предложения, как *Come!* Подойдите!; *Go!* Идите!; *When?* Когда?; *Why?* Почему?; *Which?* Который?; *Yes.* Да и многие другие. В то же время вопрос о построении предложения в этих случаях не теряет исключительной важности: тем более здесь подлежит выяснению то, что делает словарные *when*, *why*, *which* и др. законченными высказываниями.

Одним из замечательных свойств языка является пластичность его системы по отношению к нуждам и задачам речевого общения. В лексике она проявляется в возможностях образования новых слов и употребления в переносных значениях существующих, в широком диапазоне возможностей сочетания лексических смыслов слов. В синтаксисе она проявляется в возможности построения из большого, но количественно ограниченного инвентаря слов и на основе количественно небольшого (сравнительно со словарем) набора грамматических правил практически неограниченного числа бесконечно разнообразных предложений. Но если в сторону увеличения размера и состава предложения структурных пределов нет, то противоположно направленная процедура свертывания имеет чётко

определённый предел. Таким пределом является элементарное предложение. Опускание в его составе какого-либо элемента разрушает его как структурную и семантическую единицу. Так, предложение *When his wife, a tall, lovely creature in cloth of gold, had left us, I remarked laughingly on the change in his present circumstances from those when we had both been medical students.* (S. Maugham), достаточно сложное само по себе, может усложняться дальше путем присоединения все новых определений к именам существительным, введения дополнительных придаточных предложений, расширения существующих групп на основе сочинительных связей, введения модальных слов и т.д. и т.п. Нововведенные элементы тоже могут все усложняться. Такой процесс может продолжаться бесконечно. Однако опускание элементов, присутствие/отсутствие которых не влияет на структурную и семантическую законченность остающейся части, может идти лишь до определённого предела, которым для данного предложения является конструкция *I remarked on the change*. Она является реализацией синтаксической структуры, в состав которой входит подлежащее + простое сказуемое, выраженное глаголом предложно-объектной направленности + предложное дополнение объекта.

Количество и грамматическая природа членов предложения, составляющих окружение глагола, задается семантикой глагола. Вне реальных предложений мы можем с уверенностью утверждать, что, например, при реализации в качестве сказуемого глагол *to hate* потребует в качестве обязательного окружения подлежащее и прямое, т.е. беспредложное, дополнение объекта, глагол *to remind* – подлежащее и предложное дополнение объекта, *to treat* в значении «обращаться (с кем-л), относиться (к кому-л)» – прямое дополнение объекта и обстоятельство образа действия и т.д.

Такую трактовку роли глагола, отношений между глаголом и предложением, т.е. элементом структуры и структурой, не следует понимать как придание глаголу самодовлеющего значения, свойства первичности, независимости глагола от предложения и постулирования вторичности предложения по отношению к глаголу: сначала глагол, а затем вокруг него и в связи с ним предложение.

Валентные свойства глагола – продукт употребления глагола в предложениях, если их рассматривать в генезисе. Но как результат постоянной ассоциации глагола в синтагматическом ряду с определёнными элементами предложения, соответствующие валентные свойства становятся характеристикой глагола и вне предложения, характеристикой его как единицы словаря, такой же, как его значение (значения) или стилистические свойства.

Минимальная по составу, простейшая по грамматическому строению и содержанию предложенческая структура называется структурной схемой предложения. Конструкция, построенная по структурной схеме с эксплицитной реализацией компонентов структурной схемы (и только их),

называется элементарным предложением. Набор структурных схем, специфичный для каждого языка, составляет исходную базу для построения реальных предложений как фактов речи.

Остановимся ещё на вопросе статуса пассивных предложений. Входят ли пассивные построения в набор структурных схем на общих основаниях с построениями в активе, или, может быть, они всего лишь вторичные построения, образуемые на основе активных? Если верно второе, набор структурных схем должен быть ограничен лишь построениями в активе. Постараемся обосновать положение о вхождении и пассивных структур в набор структурных схем. Основной тезис в обоснование данного положения может заключаться в том, что пассивные предложения не порождаются в речи в результате соответствующих преобразований активных предложений в речемыслительной деятельности носителей языка. Это было доказано рядом психолингвистических экспериментов. В пользу деривационной независимости пассивных предложений от активных говорит и факт существования пассивных предложений, которым нет соответствий в активе, например: 'I was born there.' (E. M. Forster) 'My father was killed in the war.' (J. Galsworthy) Next day they were drenched in a thunderstorm. (T. Hardy) И, наоборот, далеко не все активные предложения, «по идее» трансформируемые в пассивные (в частности, предложения с глаголами прямо- и предложно-переходной направленности), могут быть подвергнуты пассивной трансформации. Таким образом, пассив – не производное от актива. Пассивные предложения – самостоятельное явление синтаксиса, однопорядковое с активными предложениями.

Общее количество структурных схем, выделенных с учётом критериев, отмеченных выше, составит список всего в несколько десятков единиц.

Семантика структурных схем может быть описана в терминах категориальных значений, характеризующих члены предложения, однако такое описание не является исчерпывающим, хотя оно и является достаточным для синтаксического описания, осуществляемого на уровне членов предложения. Сталкиваясь с предложениями типа *The bull had a ring in his nose / There was a ring in the bull's nose / A ring was in the bull's nose* или с активно-пассивными соответствиями, например, *John beat Peter / Peter was beaten by John*, мы осознаем, что, передавая одну и ту же ситуацию, эти различающиеся по набору входящих в них членов предложения синтаксические структуры в чем-то семантически инвариантны. Установление природы этой семантической общности связано с переходом на семантико-конфигурационный уровень в анализе содержания предложения.

Некоторое событие, например, отражаемое приведённым выше активным и пассивным соответствием (*John beat Peter – Peter was beaten by John*), может быть представлено как включающее действие (здесь *beat*) и двух участников, или актантов (здесь *John* и *Peter*). Участники различаются по роли, выполняемой каждым из них. Их семантическое содержание

наиболее адекватным способом может быть описано в терминах семантических ролей. В их число входят, в частности, агенс (в нашем примере эту роль выполняет John) и патиенс (Peter). Глагол в совокупности с семантическими ролями образует семантическую конфигурацию. В основе двух разных элементарных предложений состава N1 V N2 (подлежащее – сказуемое-глагол беспредложно-объектной направленности в форме действительного залога – прямое дополнение объекта: John beat Peter) и состава N2 be V en by N1 (подлежащее – тот же глагол в форме страдательного залога в качестве сказуемого – дополнение субъекта: Peter was beaten by John) лежит одна общая семантическая конфигурация – патиенс. Для предложения Andrew paled. (A. J. Cronin) семантическая конфигурация – pale – экспериенцер, для Mor offered her a handkerchief (I. Murdoch) – (агенс, патиенс, бенефактив).

6.1.2. Основные типы предложений

В зависимости от содержания подлежащего можно известным образом классифицировать предложения и выделить определенные общие типы предложений. Основная грань здесь проходит между личными предложениями и предложениями безличными.

Личное предложение – это такое предложение, в котором подлежащее обозначает субъект, в той или иной степени поддающийся выделению и определению: ср., например, He arrived. Он прибыл, где, хотя и неизвестно, кто прибыл, но при этом все же мыслится конкретное лицо мужского пола.

В безличном предложении, наоборот, субъект не поддается выделению и определению. Он как бы растворяется в действительности, а не выделяется как некая часть и не имеет определенных границ: ср., например, It is necessary... Необходимо... , где подлежащее имеет очень неясное и неуловимое значение обстановки, известной ситуации, которая делает необходимым что-то (It is necessary to go there/to stay there/to do that: Необходимо пойти туда/остаться там сделать это и т.п.); ср. также It snows. Идет снег, где невозможно уловить даже и это расплывчатое и неопределенное значение.

6.1.3. Безличные предложения

Английские безличные предложения отличаются от русских безличных предложений тем, что они всегда имеют подлежащее: ср. It is dark и 'Темно'; It is getting dark и 'Темнеет'; It is necessary to go there и 'Необходимо пойти туда'. Однако это подлежащее, как уже указывалось, не обозначает никакого реального субъекта: то неуловимое содержание, которое заключено в подлежащем (известной обстановки, жизненной ситуации), как бы растворяется в содержании сказуемого и не может быть выделено и рассмотрено самостоятельно. Такое подлежащее можно назвать безличным.

Примечание. Безличные предложения с подлежащим в английском языке возникли в сравнительно недавнее время. Во всяком случае, в древних текстах встречаются безличные предложения без подлежащего типа «snows». Можно думать, что введение *it* в качестве подлежащего находится в прямой связи с уменьшением количества глагольных форм лица и числа и увеличением их омонимии: привычка употреблять подлежащее в других случаях переносится также и на эти случаи.

Таким образом, английские безличные предложения отличаются от русских безличных предложений тем, что в них безличность выражена не отсутствием подлежащего (как в русских безличных предложениях), а в семантической опустошенности подлежащего или в его безличности. К безличным предложениям относятся и такие типы, как *It is useful* – Полезно, *It is necessary* – Необходимо, за которыми обычно следует инфинитив или придаточное предложение с союзом *that*. В английской грамматике обычно говорится, что настоящим подлежащим в этом случае и является инфинитив или придаточное предложение, а *it* представляет собой «пустое слово», предшествующее подлежащему. Это *it* называют обычно «предваряющим» (*anticipatory*) *it* и отличают от безличного *it*. Однако, вряд ли это верно: «предваряющее» *it* – это тоже безличное *it*, являющееся в предложении единственным подлежащим, а придаточное предложение или инфинитив представляют собой известное уточнение, развитие содержания сказуемого: *is necessary, is useful* и т.п.

В предложении *It is necessary to go there* первая часть *It is necessary* сообщает о наличии необходимости сделать что-либо. Содержание этой необходимости должно быть конкретизировано. Такой конкретизацией содержания сказуемого и является инфинитив или придаточное предложение. Последние, таким образом, не стоят в центре внимания, они лишь дают некоторое уточнение. Это положение подтверждается следующим сравнением. Не трудно заметить разницу между предложениями *It is necessary to go there* и *To go there is necessary* (ср. с русск. 'Необходимо сделать это' и 'Сделать это необходимо'); в первом случае раскрывается содержание того, что необходимо, а во втором характеризуется действие *to go*, сообщается о нем то, что оно необходимо. В первом случае говорится о том, что существует необходимость произвести какое-то действие, а во втором, – что совершение этого действия является необходимостью. Другими словами, данные предложения различаются по значению. Предложение *It is necessary to go there* соотносится с предложением *I must go there*, где *go* никак не является подлежащим, а входит в группу сказуемого, развивает содержание сказуемого.

В обоих предложениях инфинитив раскрывает содержание сказуемого, подлежащим же здесь является *it*, которое представляет собой лишь

формальную опору для глагола и не прибавляет ничего нового к содержанию предложения.

Аналогичным образом, в предложении *It is difficult to understand this* – Трудно понять это, подлежащим также является безличное *it*, а инфинитив поясняет, раскрывает то, что является трудным. Точно так же надо рассматривать *it* в предложениях типа *It is said that the meeting will not be held* – Говорят, что собрание не состоится. Нередко подлежащим в таких случаях считают *the meeting will not be held*, а *it* рассматривается как «предваряющее» *it*, указывающее на следующее за ним подлежащее в виде «That-Clause». В действительности же так называемое «That-Clause» имеет здесь такой же характер, что и придаточное предложение в случае *They say that the meeting will not be held*, т.е. раскрывает содержание сказуемого (*say*).

6.1.4. Личные предложения

В зависимости от лексического значения подлежащего личные предложения могут быть разделены на несколько групп.

Самая распространенная категория личных предложений – это такие предложения, в которых подлежащее выражено именем существительным. Эти предложения являются личными в самом прямом смысле этого слова (под лицом здесь подразумевается выделенность известного субъекта, а не лицо в значении *человек*). Неличные формы глагола (инфинитив и герундий) также могут выполнять функцию подлежащего в личных предложениях, поскольку глагол в этих формах субстантивируется и приобретает предметный характер. Они примыкают к группе субстантивных подлежащих и являются личными в самом обычном смысле этого слова.

Кроме существительных и слов субстантивного характера, в качестве личного подлежащего могут выступать и местоимения, которые называются личными местоимениями. Но можно ли включать подлежащее-местоимение в группу подлежащего-существительного? Является ли подлежащее-местоимение всегда эквивалентом подлежащего существительного?

По своему типу предложения *I saw him yesterday* – Я видел его вчера и *John saw him yesterday* – Джон видел его вчера одинаковы, существенной разницы между ними нет: вместо *John* можно подставить *we*, *you* и т.д.; во всех случаях достаточно четко будет обозначено лицо, выраженное местоимением.

Однако, благодаря нечеткому значению 3-го лица вообще, случаи, когда подлежащее выражено местоимением 3-го лица, выделяются недостаточной четкостью обозначения субъекта. В предложении *He saw them yesterday*. Он видел их вчера остается неясным, кем является *he*, так как *he* выступает лишь как заменитель названия какого-то лица. Причем в отличие от 1-го и 2-го лица, где такая замена происходит постоянно, в 3-ем лице она становится возможной лишь тогда, когда данное лицо было уже упомянуто

раньше. Таким образом, предложения с подлежащим, выраженным местоимением 3-го лица, отличаются известной семантической несамостоятельностью и могут употребляться лишь в более широком контексте, когда ясно, что они заменяют.

Местоимение *it*, характерное для безличных предложений, может выступать в качестве подлежащего и в личном предложении как личное местоимение 3-го лица; например: «Where is the book?» – «It is on the table», «Где книга?» – «Она на столе». Здесь это *it* относится к слову *book* и выполняет ту же функцию, что и местоимение *he*.

Таким образом, можно говорить о двух группах собственно личных предложений, обладающих тонкими различиями: личные предложения с подлежащим, выраженным существительным (а также инфинитивом или герундием) или личным местоимением 1-го или 2-го лица, и личные предложения с так называемым лично-заместительным подлежащим, выраженным местоимением 3-го лица.

В зависимости от типа местоимений различаются разные типы подлежащих, а, следовательно, и разные типы предложений в целом.

6.1.5. Неопределенно-личные предложения

Помимо подлежащих безличных и личных в собственном смысле слова, существуют также и неопределенные подлежащие, которые отличаются от безличных подлежащих тем, что они, хотя и выделяют реальный субъект, но делают это недостаточно определенно. Такой тип подлежащего можно обозначить термином неопределенно-личное подлежащее, а соответствующий тип предложений – неопределенно-личное предложение.

Здесь следует различать два случая:

1. Предложения с неопределенно-личным подлежащим в собственном смысле этого слова. Обычно в таких предложениях в качестве подлежащего выступает местоимение *they*: ср., например, *So they say* – Так говорят. Подлежащее *they* здесь обозначает неопределенную группу лиц. Сюда же примыкают предложения с *it*, в которых сказуемое имеет форму страдательного залога: ср. *It is said*. – Говорят и т.п.

2. Предложения с обобщенным неопределенно-личным подлежащим. Характерными для таких предложений оказываются подлежащие, выраженные местоимениями *one* и *you*: ср. *One has to do one's best* – Нужно сделать все возможное (русский перевод здесь не совсем точно передает указанный обобщенный неопределенно-личный характер значения); *One often has ideas of that kind* – Часто имеешь мысли такого рода (ср. также предложения с нем. *man*, швед. *man* и франц. *on*).

В указанных предложениях нет обозначения какой-либо группы лиц, но, вместе с тем, эти предложения и не безличные: они указывают на лицо, однако делают это очень обобщенно и условно.

В таком же смысле может употребляться и местоимение *you* для выражения подлежащего: ср., например, *You never know where to find him.* – Никогда не знаешь, где его найти. Здесь мы наблюдаем опять-таки очень неопределенное указание на лицо: имеется в виду всякий человек в данных обстоятельствах – и в этом заключается обобщение.

Примечание. Как видно хотя бы из приведенных переводов, в русском языке имеется подобный тип предложений; ср. также очень широкое использование этих предложений в пословицах и поговорках: 'Что посеешь, то и пожнешь' и др. и такие случаи, как 'говорят, что...', 'предполагают, что...'. Однако следует отметить, что полного соответствия здесь нет, поскольку в русском языке в случаях подобного рода используется также безличная инфинитивная конструкция: ср., например, 'Если встать лицом к востоку, то налево будет север'.

6.1.6. Предложения с различными типами подлежащих

1. Предложения с неопределенно-указательным подлежащим

К этой группе относятся предложения с подлежащим, выраженным местоимениями *it, this, that* (имеющими очень близкие значения): ср., например, *It is my friend.* Это мой друг. В предложениях подобного рода подлежащее лишь указывает на субъект, но не раскрывает его существа: последнее осуществляется уже в сказуемом.

2. Предложения с отрицательным подлежащим

К отрицательным подлежащим относятся подлежащие типа *no man, nobody, nothing, none* и др. Они делают все предложение отрицательным, например: *Nothing was said.* Ничего не было сказано. Предложение с отрицательным подлежащим в английском языке не требует выражения отрицания в форме сказуемого, например: *Nobody saw him.* Никто не видел его. Здесь сохраняется конструкция утвердительного предложения. Конструкция утвердительного предложения сохраняется в английском языке и при наличии отрицательного второстепенного члена предложения, например: *I saw nobody.* Я никого не видел.

3. Предложения с вопросительным подлежащим

К вопросительным подлежащим относятся: *who, which, what*. Если само подлежащее является вопросительным, то выражение вопроса в форме сказуемого исключается. Например, *Who saw them?* Кто их видел?

Таким образом, в английском языке наблюдается определенная тенденция не выражать вопроса в форме сказуемого, если вопрос выражен

в подлежащем. Но, если второстепенный член предложения является вопросительным словом, то конструкция предложения будет вопросительной, категория вопроса будет передаваться в форме сказуемого: ср. Who saw them?, но: What did he see? Что он видел?

Кроме указанных типов предложения, можно выделить еще и другие типы: например, предложения с подлежащим, выраженным местоимениями something, somebody, anybody, everybody и др. Однако эти типы являются гораздо менее важными и интересными.

6.2. Сложное предложение и его типы в английском языке

6.2.1. Проблема определения сложного предложения

Сложное предложение с точки зрения разных синтаксических аспектов. Как известно, основной единицей традиционного синтаксиса является предложение. Потребности мышления и общения создали в языке особые синтаксические образования, состоящие из объединения нескольких предложений. Эти синтаксические образования называются сложными предложениями. Для уяснения понятия «сложное предложение» необходимо учесть, что структура сложного целого не является механической суммой составляющих это целое простых единиц. Внутренние связи элементов сложного предложения очень многообразны и не укладываются в схему: «Сложное состоит из простых».

Итак, в формально-синтаксическом аспекте сложное предложение – это полипредикативная единица, противопоставленная простому предложению как единице монопредикативной.

В идеальном случае простое предложение монопропозитивно: оно содержит пропозицию, заключенную в предикативном сочетании словоформ или в одной словоформе.

The train has come. It suddenly has become noisy. [Agatha Christie]

В каждом из этих предложений содержится по одной пропозиции: 'приход поезда' (физическое действие субъекта – в данном случае предмета) и 'шумно' (состояние, субъект которого не представлен).

Сложное предложение полипропозитивно: каждый его компонент включает в себе пропозицию:

It was one o'clock when I had lunch. [Salinger J.D.]

Две предикативные единицы – две пропозиции, связанные суперпредикатом «когда» (отношение одновременности ситуаций, вторая из которых является основной, а первая – ее временным ориентиром). Тем не менее в семантическом плане простое и сложное предложения не противопоставлены.

С другой стороны, сложное предложение может содержать только одну пропозицию, если одна из предикативных единиц имеет не пропозитивное,

а модусное значение. Это может наблюдаться в сложноподчиненных изъяснительных предложениях:

I think, that we can meet. [Agatha Christie]

Главная часть имеет значение авторизации по отношению к придаточной части.

Следовательно, между простым и сложным предложениями в семантическом аспекте есть различие, но нет противопоставленности.

Рассмотрим особенности сложного предложения с точки зрения коммуникативного аспекта.

В этом аспекте сложное и простое предложения также не противопоставлены. И то, и другое представляют собой высказывание, интонационно оформленное как единое целое. Рассмотрим примеры:

Have you consulted any other member of my profession?

Can you give any reason why it should be this particular man? [Agatha Christie]

Грамматически эти единицы различаются (в первом предложении одна грамматическая основа, во втором предложении – две грамматические основы). В коммуникативном плане различия нет. Так называемая интонационная законченность характеризует сложное предложение в целом: не последняя часть (предикативная единица) сложного предложения оформляется по таким интонационным типам, которые не могут оформить отдельное высказывание (интонационная незавершенность).

С точки зрения актуального членения между простым и сложным предложениями есть и сходство, и различие. Сходство проявляется в таких структурах сложного предложения, когда его компоненты представляют одну тему и одну рему. В других случаях в сложном предложении каждый компонент имеет свое актуальное членение.

Итак, между простым и сложным предложением есть различия во всех аспектах, но противопоставлены они только в формально-синтаксическом, конструктивном аспекте.

6.2.2. Компоненты сложного предложения и формальные средства связи в сложном предложении

Вопрос о компонентах сложного предложения представляет собой, по существу, другую сторону вопроса о «предложении вообще»: если сложное предложение – предложение, то можно ли считать, что части его тоже являются предложениями?

Возможны следующие точки зрения на этот вопрос. Одна заключается в том, что «в составе любого типа сложного предложения простое предложение, входящее в это сложное целое на правах его части, не утрачивает существенных признаков предложения и не может их утратить, так как это превратило бы его в какую-либо другую единицу, отличную от

предложения». Другая точка зрения заключается в том, что части сложного предложения не являются предложениями. И, наконец, возможен компромиссный вариант, согласно которому компоненты сложного предложения оказываются «более или менее сходными» с простым предложением.

В английской грамматической традиции такого противоречия не возникает потому, что в английских грамматиках используются разные термины для обозначения самостоятельной, цельной единицы (sentence) и компонентов этой единицы, которые формально могут быть эквивалентными простому предложению, но коммуникативно не являются самостоятельными (clause).

Формальные средства связи в сложном предложении, то есть единство и цельность сложного предложения создаются разными средствами, к которым относятся:

Прежде всего, союзные средства: собственно союзы, аналоги союзов. Функционируют они по-разному: среди них есть экспликативы отношений, т.е. слова, обозначающие те или иные отношения. Это семантические союзы и аналоги союзов. Например, отношения противопоставления могут быть выражены противительными союзами *but*, *and*. Другие союзные средства не являются экспликативами отношений, они не обозначают отношений, а только оформляют связь. Это асемантические союзы: всегда асемантичен союз *that*. Союзы, употребляющиеся для выражения смысловых отношений между частями сложного предложения, по словам М.Н. Петерсона, – это «союзы более позднего происхождения. Вместе с ростом употребительности сложных предложений, что вызывается потребностью выражения все более сложных отношений между явлениями, количество союзов все увеличивается, значение их становится разнообразнее».

Союзы и аналоги союзов в некоторых типах сложного предложения взаимодействуют с соотносительными словами. Причем, соотносительные слова играют разную роль в структуре сложного предложения: в одних случаях они обязательны, в других – факультативны. Как считает Петерсон, союзы выполняют важнейшую коммуникативно-речевую функцию. «С их помощью говорящий (или пишущий) и слушающий (вообще воспринимающий речь) устанавливают различные смысловые и эмоциональные связи между компонентами речи, осуществляют логическое членение речевых отрывков, передают и воспринимают значение целого и отношения к нему его частей. В этом проявляются исключительно важные для общения логические и выразительные функции союзов. Поэтому о союзе нельзя говорить лишь как о формальном показателе синтаксических (грамматических) связей между компонентами связной речи».

Следовательно, и связи между членами предложения и между предикативными единицами могут быть различного характера. Союзы, соединяющие члены предложения, связывают их как равноправные элементы. В

этой функции они всегда будут сочинительными. Союзы, соединяющие между собой предикативные единицы, могут связывать их и на началах равноправия – в таком случае это будут сочинительные союзы – и на началах подчинения одного предложения другому – в таком случае это будут подчинительные союзы. Таким образом, у подчинительных союзов есть нечто общее с предлогами, с которыми некоторые из них связаны и по происхождению (*before, after, till* и т.п.). Границы классов союзов не являются всюду вполне отчетливыми. Новые союзы подчинительного характера возникают из других частей речи. Например, причастие *seeing* приобретает характер союза в тех случаях, когда в предложении нет такого существительного, которое могло бы быть понято как подлежащее к этому причастию. Сопоставим два предложения: *Seeing that he was tired, I stopped talking. Seeing that little time is left, it is necessary to hurry up.* В первом случае мы имеем дело с причастным оборотом обычного типа, соответствующим русскому деепричастному обороту: *видя, что он устал, я перестал говорить.* Во втором случае дело обстоит иначе: слово *seeing* как бы висит в воздухе, так как в предложении нет слова, которое могло бы быть осмыслено как его подлежащее. Этот оборот нельзя поэтому передать русским деепричастным оборотом. В такой ситуации глагольные свойства слова *seeing* очень ослабляются. Оно отрывается от глагола *to see* и превращается в союз, означающий ‘ввиду того что’. Арсенал английских союзов пополняется и за счет предложных сочетаний.

In case Holden comes, tell him to wait. [Agatha Christie]

В данном предложении сочетание *in case* фактически равнозначно союзу *if* ‘если’, вводящему условное предложение.

Итак, основываясь на определении союзов, которое дает В.В. Виноградов, в современном английском языке можно выделить следующие группы сочинительных союзов: соединительные, разделительные, противительные, следственно-результативные, причинные.

Все перечисленные группы союзов выступают в пределах сложносочиненного предложения, выражая определенные отношения между соединяемыми предложениями. «Но несмотря на то, что мы выделяем только пять групп сочинительных союзов, не следует думать, – писала И.П. Конькова, – что круг смысловых отношений ограничивается только перечисленными отношениями: соединения, противопоставления, разделительности и т.д. Смысловые оттенки, выражаемые как с помощью союзов, так и с помощью семантико-синтаксических средств, представляют большое разнообразие для каждого вида связи». Подчинительных же союзов, напротив, очень много и типы их весьма разнообразны. Подчинительные союзы служат для присоединения придаточного предложения к главному и делятся на союзы, вводящие придаточные предложения подлежащие, сказуемые и дополнительные: *that, if, whether*; обстоятельственные придаточные предложения: времени (*after, as, as long*

as, as soon as, before, until (till), while), причины (as, because, since, for, seeing that), условия (if, on condition that, provided that, providing that, supposing that, unless), цели (lest, so that, in order that, that), образа действия (as, as if, as though, so... that, such... that), сравнения (as... as, (not) so... as, than), следствия (so that), уступительные (in spite of the fact that, though, although).

Морфологические средства:

Формальными элементами структуры сложного предложения могут быть слова, относящиеся к определенной части речи: имя существительное, компаратив.

I just had returned in the town, where I was born. [W. Somerset Maugham]
- вторая, придаточная часть предложения относится к имени существительному.

He seems more better then we think about. [W. Somerset Maugham]
- для структуры данного предложения необходим компаратив: именно его значение распространяется придаточной частью.

Соотношения морфологических форм также являются составляющим структуры сложного предложения. Употребление предиката совершенного вида в прошедшем времени в соотношении с такими же формами в других компонентах сложного предложения создает значение последовательности ситуаций: The doorbell pealed and Mr. Harry came in. [Agatha Christie] She didn't see him though all of them gossip it about. [W. Somerset Maugham] – параллелизм членов предложения в обеих частях. I would stay and talk if I didn't have class. [W. Somerset Maugham] – выражение нереальности передается определенной формой глаголов.

Лексические средства:

Лексическое наполнение компонентов сложного предложения предопределяет те или иные синтаксические отношения этих компонентов. Соотношение лексических значений отдельных слов может быть средством выражения синтаксических отношений между компонентами сложного предложения. Например, слова-антонимы (в том числе контекстуальные) участвуют в выражении противопоставления: You are poet and I am realist. [W. Somerset Maugham] Необходимо отметить, что слова со значением речемыслительной деятельности, восприятия, волеизъявления (знаю, понял, известно, ясно, понятно, удивительно, вижу, слышу, казалось, прошу, требую и многие другие) являются формальными показателями структуры сложноподчиненных изъяснительных предложений.

Порядок компонентов сложного предложения, который проявляется в жестком расположении компонентов в предложениях с определенными союзами. Например, пояснительные союзы находятся всегда при поясняющем компоненте, который может располагаться только после поясняемого. Союзы следствия в силу своего значения располагаются

только во второй части сложного предложения. Придаточные предложения с причинными союзами могут занимать любую позицию по отношению к главному: постпозицию, препозицию и интерпозицию.

Интонация:

Части сложного предложения не обладают интонационной законченностью, являющейся одним из основных признаков предложения как коммуникативной единицы (данный признак присущ сложному предложению в целом). Sally was there and he embarrassed very much. [W. Somerset Maugham] – характерное для повествовательного предложения понижение голоса оказывается только в конце второй части. If you didn't go to New York, where'd you go with her? [W. Somerset Maugham] – усиление вопросительной интонации в конце предложения.

Итак, сложное предложение представляет собой отдельное высказывание – «цельное предложение», которое структурно распадается на два формальных компонента, на две предикативные единицы. Формальная целостность сложного предложения обеспечивается грамматическими средствами, к которым относятся прежде всего союзы, затем структура компонентов, формы сказуемых и порядок компонентов.

6.2.3. Понятие и признаки сложноподчиненного предложения

Сложные предложения различаются и противопоставляются. В отличие от простого предложения, в сложном предложении нет прямой и обязательной связи между формой и содержанием.

Существует три признака, по которым противопоставляются сложные предложения:

1. Вид синтаксической связи: сочинение – подчинение.
2. Наличие или отсутствие союзного средства: союзность – бессоюзность.
3. Характер компонентов, между которыми существует связь: расчлененность – нерасчлененность.

Противопоставлению сочинение – подчинение по типу синтаксической связи предшествует более общее и более древнее различие: паратаксис – гипотаксис.

Паратаксис (от греч. parataxis – расположение подряд) – способ выражения синтаксического отношения путем простого соположения компонентов, без выражения зависимости. Средства связи – сочинительные союзы или бессоюзие. Это связь слабо выраженная, немаркированная.

Гипотаксис (от греч. hypotaxis – расположение под...) – способ выражения подчинения с помощью специальных, подчинительных союзов или относительных слов. Это связь сильно выраженная, маркированная.

Например, в древнерусском языке паратаксические связи часто не выражались специальными союзами, а гипотаксические должны были иметь специальное выражение – союзами или относительными местоимениями.

В современной лингвистической науке огромное внимание уделяется проблеме сочинения – подчинения в сложном предложении.

Формальный признак сложноподчиненного предложения – подчинительный союз или союзное слово, связывающее компоненты, представленные предикативными конструкциями. Подчинительный союз или союзное слово создают подчинительную связь, неравноправие компонентов, один из которых формально независимый (sentence), а другой зависимый (clause). Показатель подчинения – в придаточной части. Примеры сложноподчиненных предложений:

Had Jane been there, I should have helped her. [Salinger J.D.]

Mr. Sugden said he would come in the evening. [Agatha Christie]

Who saved his life remained unknown. [Agatha Christie]

Сложноподчиненное предложение всегда выражает присоединение. Любое придаточное предложение всегда тем или иным образом уточняет, дополняет содержание главного. Конкретный характер, способ этого присоединения определяется типом придаточного предложения.

6.2.4. Типы сложноподчиненных предложений

В процессе развития теории сложноподчиненных предложений неоднократно вставал вопрос о классификации предложений этого типа. Он получал различные решения в зависимости от общего подхода к проблеме сложноподчиненных предложений и его отношения к простому предложению. История учения о сложноподчиненных предложениях, классификация его разновидностей отражена в целом ряде работ: С.Е. Крючков, Л.Ю. Максимов «Современный русский язык. Синтаксис сложного предложения»; В.А. Белошапкова «Современный русский язык; синтаксис»; И.О. Степанян «Теоретические проблемы сложного предложения в современной лингвистике».

Одной из наиболее распространенных как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике является традиционная классификация, основанная на аналогии сложноподчиненного предложения и простого предложения.

В американской и британской лингвистиках, не использующих термин «член предложения», возникла классификация придаточных предложений в соответствии с тем, какое слово («часть речи») они замещают в пределах простого предложения – существительное, прилагательное или наречие. В сущности, речь опять идет об аналогии придаточных предложений и членов простого предложения, только последние обозначаются в терминах

соответствующих таксономических классов. Таким же образом именовются и типы придаточных предложений: субстантивные (N-clauses), адъективные (A-clauses) и адвербиальные (D-clauses) – nominal clauses (that is, clauses functioning as nouns in various syntactical positions), attributive clauses and adverbial clauses.

Субстантивные придаточные (nominal clauses). Данный тип предложений основывается на номинативной функции предикативной единицы и включает в себя:

- придаточные – подлежащие;
- придаточные – сказуемые (предикативные);
- придаточные дополнительные.

Придаточные предложения подлежащие (subject clause) выполняют функцию подлежащего и отвечают на вопросы who? кто?, what? что? и соединяются с главным предложением союзами that что, whether, if ли:

That he has made a mistake is strange. [W. Somerset Maugham]

Whether they will come on Christmas is not known yet. [Agatha Christie]

That you may meet them at the hotel is quite possible. [W. Somerset Maugham]

Если придаточное предложение начинается союзом whether, то его перевод на русский язык начинают с глагола, за которым следует частица ли, соответствующая whether.

Придаточные – подлежащие соединяются с главным предложением в составе сложного синтаксического целого и союзными словами who (whom) кто (кого), whose чей, what что, какой, which который, when когда, where где, куда, how как, why почему:

Who saved his life remained unknown. What I know about it is a secret. What she wanted was sea air. When we shall start is uncertain. [W. Somerset Maugham]

Придаточные предложения-подлежащие часто стоят после сказуемого. В этом случае перед сказуемым стоит формальное подлежащее – местоимение it: It is strange that he has made a mistake. It is not known yet whether they will come today. It is uncertain when we shall start. [W. Somerset Maugham]

Придаточные предложения сказуемые (predicative clause) выполняют функцию лишь части сказуемого – именной части составного сказуемого и отвечают на вопрос: каково подлежащее? (что подлежащее собой представляет?). Они соединяются с главным предложением теми же союзами и союзными словами, что и придаточные предложения подлежащие (союзами that что, whether, if ли или союзными словами who (whom) кто (кого), whose чей, what что, какой, which который, when когда, where где, куда, how как, why почему):

The suggestion was that no one should interfere. The trouble is that I have lost his address. The question was why no one had heard the shot. The weather is not what it was yesterday. [W. Somerset Maugham]

Дополнительные придаточные предложения (object clause) выполняют функцию прямого или предложного косвенного дополнения и отвечают на вопросы what ? что?, about what ? о чем?, for what ? за что? и т.д.

Они соединяются с главным предложением теми же союзами и союзными словами, что и придаточные предложения подлежащие и сказуемые (союзами that что, whether, if ли или союзными словами who (whom) кто (кого), whose чей, what что, какой, which который, when когда, where где, куда, how как, why почему). Например,

Mr. Spenser asked us what we thought of it. Time will show if he is right. All of them laughed at what Holden said. [Salinger J.D.]

Чаще всего дополнительные придаточные предложения вводятся смысловым союзом that – что, который может быть опущен: I know he was wrong. He said he felt tired. [Salinger J.D.]

Необходимо отметить, что придаточные предложения подлежащие, придаточные предложения сказуемые и дополнительные придаточные предложения не отделяются запятой от главного предложения.

Придаточные адъективные (attributive clause) или определительные предложения выполняют функцию определения и отвечают на вопросы what? which? – какой? который? и следуют непосредственно за тем существительным в главном предложении, которое они определяют. Придаточные адъективные предложения соединяются с главной частью синтаксического целого союзными словами who – который, whom – которого, whose – чей, которого, which – который, that – который, when – когда, where – где, куда, why – почему.

Определительные придаточные предложения, основываясь на классификации, данной А.В. Васильевым, подразделяются на три типа:

- индивидуализирующие,
- классифицирующие,
- описательные.

Индивидуализирующие придаточные предложения передают индивидуальный признак, приписываемый только данному лицу или предмету (лицам или предметам) и отличающий его от всех других лиц или предметов того же класса. Определяемое существительное в этом случае употребляется с определенным артиклем:

The man who had called on you left a message.

The reason why he did not come is not clear. [W. Somerset Maugham]

В индивидуализирующих определительных предложениях относительные местоимения whom и which часто заменяются местоимением that:

There is the student that we saw at the theatre yesterday. [Salinger J.D.]

Перед местоимением that придаточной части неуместно употребление предлога. Предлог в этом случае стоит после глагола, а при наличии дополнения – непосредственно после дополнения: The steamer that we loaded the goods on will leave the port tomorrow. [W. Somerset Maugham]

При этом относительное местоимение *who* редко заменяется местоимением *that*. Местоимение *whose* не может быть заменено местоимением *that*.

Если относительные местоимения *which*, *that*, *who* не являются подлежащим в придаточном определительном предложении, они могут быть опущены. В таком случае придаточное предложение присоединяется бессоюзно, что является характерной чертой разговорного языка. Правила перевода таких текстуальных явлений требуют обязательной вставки подходящего по смыслу соединительного слова. Give me the book I gave you yesterday. The book the teacher read to us yesterday describes the life of young people last century. [W. Somerset Maugham]

Таким образом, признаком наличия определительного придаточного предложения с бессоюзной связью является стык двух существительных, при котором за вторым существительным следует глагол в личной форме. Классифицирующие придаточные предложения выражают признак, по которому данное лицо или предмет (лица или предметы) может быть причислено к какому-либо классу лиц или предметов. Если определяемое существительное стоит в единственном числе, то оно употребляется с неопределенным артиклем: Children who live by the sea usually begin to swim at an early age. A letter which is written in pencil is difficult to read. [Dickens]

В классифицирующих определительных предложениях относительные местоимения *whom* и *which* также могут заменяться местоимением *that*:

A letter that is written in pencil is difficult to read. [Azar Betty Schramper]
Описательные придаточные предложения служат для описания лица или предмета (лиц или предметов): In the street I met some children, who showed me the way. [Dickens]

Описательные определения не служат цели выделить предмет из класса однородных ему предметов, так как предмет контекстуально понятен всем собеседникам, главная задача определительной конструкции в данном случае – сообщать дополнительные сведения.

В описательных определительных предложениях соединительные местоимения не могут быть опущены, а местоимение *that* вместо *who*, *whom* и *which* не употребляется.

Индивидуализирующие и классифицирующие определительные предложения не могут быть опущены без ущерба для смысла главной части сложного предложения, поскольку в них сообщаются отличительные качества предмета. А описательные определительные предложения могут быть опущены, поскольку они дают лишь дополнительные сведения, не меняя смысла главной предикативной единицы. Адвербиальные придаточные предложения (*adverbial clause*) выполняют функции различных обстоятельств и отвечают на вопросы *when* ? когда?, *where*? где?, *куда*?, *why*? почему?, *how*? как?

Исходя из значений адвербиальные придаточные предложения делятся на:
обстоятельственные придаточные времени (adverbial clause of time);
обстоятельственные придаточные места (adverbial clause of place);
обстоятельственные придаточные причины (adverbial clause of cause);
обстоятельственные придаточные следствия (adverbial clause of consequence);

обстоятельственные придаточные образа действия (adverbial clause of manner);

обстоятельственные придаточные уступительные (adverbial clause of concession) ;

обстоятельственные придаточные цели (adverbial clause of purpose);

обстоятельственные придаточные условия (adverbial clause of condition).

Придаточные предложения времени (adverbial clause of time) отвечают на вопросы *when?* когда?, *how long?* как долго?, *since when?* с каких пор? и соединяются с главным предложением союзами *when* – когда, *whenever* – всякий раз когда, *while* – в то время как, когда, пока, *as* – когда, в то время как, по мере того как, *after* – после того как, *before* – до того как, прежде чем, *till*, *until* – пока, до тех пор пока... не, *as soon as* – как только, *as long as* – пока, *since* – с тех пор как, *by the time (that)* – к тому времени когда.

As I was going down the road, I met my little sister. I shall stay here until you return. [Salinger J.D.]

Особенностью придаточных предложений времени (а также условия) является особое выражение значения будущего времени. При необходимости выразить будущее действие в придаточном предложении, используются настоящие времена вместо привычных форм будущего времени.

You will be informed as soon as he comes. By the time you come, I shall be ready. [Salinger J.D.] Употребление русского союза когда в значении в то время как соответствует употреблению английского союза *while* или *as*: *While I was sitting in the garden, he came up to me.* [Salinger J.D.] Следует заметить, что обстоятельственные придаточные предложения отделяются запятой при условии, если они стоят перед главной частью сложного предложения.

Придаточные предложения места (adverbial clause of place) отвечают на вопросы *where?* где? куда?, *from where?* откуда? и соединяются с главным предложением союзными словами *where* – где, куда; *wherever* – где бы ни, куда бы.

She wanted to live where she was born. They stopped where the road turned to the river. [W. Somerset Maugham]

Придаточные предложения причины (adverbial clause of cause) отвечают на вопрос *why?* почему? Они соединяются с главным предложением союзами *because* – потому что, *as* – так как, *since* – так как, поскольку, *for* – так как, ибо, *now (that)* – теперь когда, поскольку.

As there were no porters, we had to carry the luggage ourselves.

Since you feel tired, you should rest. [Salinger J.D.]

Придаточные предложения следствия (adverbial clause of consequence) выражают следствие, вытекающее из всего содержания главного предложения, и соединяются с главным предложением союзом *so that* (*so ... that*) – так что, вместо которого в разговорной речи часто употребляется *so*.

She sat behind me so that I could not see the expression on her face.

He was so embarrassed that he could hardly understand her. [Salinger J.D.]

Придаточные предложения образа действия (adverbial clause of manner) отвечают на вопрос *how?* как? каким образом? и соединяются с главным предложением союзами: *as* – как, *that* – что, *as if* – как будто, как если бы, *as if* – как будто, как если бы:

He played so well that everybody admired him.

She spoke as though nothing had happened. [Salinger J.D.]

С союзами *as if* и *as though* в придаточном предложении употребляется Past Indefinite (или Past Continuous с длительным действием), если действие или состояние выражается придаточным предложением одновременно с действием или состоянием главного предложения. Формы Past употребляются независимо от того, в каком времени стоит глагол главного предложения:

They walked slowly up the stairs as if they were carrying something heavy. [Salinger J.D.]

Здесь мы имеем по существу форму сослагательного наклонения, которая совпадает с формой Past Indefinite изъявительного наклонения.

Если сказуемое придаточного предложения выражает действие или состояние, предшествующее действию или состоянию сказуемого главного предложения, то в придаточном употребляется Past Perfect, независимо от того, в каком времени стоит сказуемое главного предложения: He described the town as if he had seen it himself. [Salinger J.D.]

Придаточные сравнительные предложения соединяются с главным предложением союзами: *than* – чем, *as ... as* – так (такой) же... как, (первое *as* – в главном предложении), (*not so ... as* – (не) так (такой)... как, (*so* – в главном предложении), *the ... the* – чем ... тем, (второе *the* – в главном предложении):

The more time you spend in the bed, the sooner you will recover. I couldn't have done any more than they did. [Salinger J.D.]

Уступительные придаточные предложения (adverbial clause of concession) указывают на обстоятельство, вопреки которому совершается действие главного предложения, и соединяются с главным предложением союзами *though*, *although* – хотя, *in spite of the fact that* – несмотря на то что, *however* – как бы ни, *whoever* – кто бы ни, *whatever* – что бы ни.

She did not cry though the tears were often in her eyes.

He went out in spite of the fact that he had a bad cold.

Whatever happens, she won't have it her own way. [Dickens]

Придаточные предложения цели (adverbial clause of purpose) указывают, с какой целью совершается действие главного предложения, отвечают на вопросы *what for? зачем? для чего?, for what purpose? с какой целью?* и соединяются с главным предложением союзами *so that – чтобы, так чтобы, lest – чтобы не*. Сказуемое этих предложений выражается модальными глаголами *may (might)* или *should + инфинитив без частицы to*.

Модальный глагол *May* употребляется при условии, если сказуемое в главном предложении выражено глаголом в настоящем или будущем времени, а *might* – при условии, если глагол – сказуемое стоит в прошедшем времени. Употребление модального глагола *Should* не зависит от времени, в котором употребляется предикат главного предложения. Например,

Write to him at once so that he may know our plans. He spoke loudly and clearly so that all could hear him. [W. Somerset Maugham]

Употребление глагола – сказуемого в предложениях, вводимых союзом *lest* требует утвердительной формы, так как сам союз *lest* имеет отрицательное значение и переводится на русский язык как "чтобы не":

I'll ring her up lest she should forget about it. [W. Somerset Maugham]

Сложноподчиненным предложением с придаточным предложением условия (adverbial clause of condition), называемым для краткости условным предложением, называется такое сложное предложение, в котором возможность выполнения действия, выраженного в главном предложении, зависит от определенных условий, выраженных в придаточном предложении. Придаточные предложения условия соединяются с главным предложением союзами *if – если, in case – в случае, supposing (that), suppose (that) – если, предположим что, unless – если... не, provided (that), providing (that), on condition (that) – при условии если, при условии что*. Например,

They will be glad if you go and see them. [W. Somerset Maugham]

Условные предложения могут выражать реальные, маловероятные (условные предложения I типа), нереальные условия (условные предложения II типа), неосуществимые ни при каких обстоятельствах (условные предложения III типа). Условные предложения I типа содержат условие, обозначающееся в условном придаточном предложении и рассматривающееся говорящим как реально предполагаемый факт, относящийся к настоящему, прошедшему или будущему и выражаются глаголами в формах изъявительного наклонения:

If the weather is nice, we go for a walk. If the weather is nice, we went for a walk. If the weather is nice, we will go for a walk. [Azar Betty Schramper: 230]

Условные предложения II типа содержат условие, обозначающееся в условном придаточном предложении. Оно рассматривается говорящим как маловероятное. Для выражения малой вероятности осуществления действия в настоящем или будущем временах сказуемое главного предложения употребляется в форме сослагательного наклонения *should / would + Indefinite Infinitive* без частицы *to*, а сказуемое придаточного предложения –

в форме сослагательного наклонения, аналогичной Past Indefinite или were для всех лиц от глагола to be. Например,

If he were free, he would do it. [Azar Betty Schramper: 236]

Условные предложения III типа содержат условие, определяющееся в условном придаточном предложении и рассматривающееся говорящим как неосуществимое, так как относится к прошлому времени. Сказуемое главного предложения употребляется в форме сослагательного наклонения should/would + Perfect Infinitive, а сказуемое придаточного предложения в форме сослагательного наклонения, аналогичной Past Perfect. I should not have been late yesterday, if my watch had been right. [Azar Betty Schramper: 238]

Еще один способ классификации сложноподчиненных предложений основан на разграничении расчлененности и нерасчлененности сложноподчиненных предложений. Эта классификация основывается на том, как соотносится придаточное с главным: соотносится ли оно с ним в целом или же лишь с каким-то его членом, распространяя последний. В первом случае имеет место расчлененное, или двучленное, сложноподчиненное предложение, во втором – нерасчлененное, или одночленное.

В сложноподчиненных предложениях с корреляционной связью средством связи является союзное слово, которое ориентировано на предикативный центр главной части и является его повторным воспроизведением. В.А. Белошапкина назвала такие предложения «относительно-распространительными». Первая часть слова-термина указывает на средство связи (относительное слово), а вторая – на семантику, синтаксические отношения, которые имеет характер распространения.

Таким образом, богатое разнообразие предложений различных структурных типов дает возможность ярко представить информацию об окружающей нас картине мира. Такая информация может быть подробно описана даже в рамках одного предложения с помощью большого разнообразия придаточных.

Глава 7. ПАДЕЖИ. РАЗЛИЧНЫЕ ТЕОРИИ ПАДЕЖЕЙ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

При рассмотрении падежной системы современного языка нельзя не обратить внимание на крупные разногласия, которые существуют в этом вопросе между различными авторами. Эти разногласия касаются как количества, так и номенклатуры падежей; ни по одному из этих вопросов не существует твёрдых и общепринятых норм. При этом оказывается спорным значение самого термина *падеж*.

По мнению Дейчбейна, в английском языке следует различать четыре падежа: именительный, родительный, дательный и винительный. При этом падеж, по мнению Дейчбейна, вовсе не обязательно должен выражаться окончаниями; этот взгляд Дейчбейн считает ошибочным и затрудняющим понимание синтаксиса падежей в английском языке. Падеж, по его мнению, может выражаться также положением слова в предложении или предлогом.

Вебер считает, что в английском существует пять падежей – именительный, винительный, родительный, дательный и звательный и, кроме того, «беспадежная форма слова», которая ставится после предлогов. В обстоятельной полемике с Дейчбейном Вебер отвергает причисление предложных оборотов к падежам.

Суит подходит к проблеме падежей несколько иначе. Перечисляя падежи, существующие в различных языках, он иллюстрирует их современными английскими примерами: например, в виде иллюстрации творительного падежа он приводит английский оборот *struck by lightning* и говорит, что в этом случае слово *lightning* стоит в "instrumental relation". Несколько далее, однако, Суит констатирует, что в английском у существительных есть только один падеж, выраженный окончанием (inflected case), а именно родительный (man's), тогда как форма без окончания выражает общий падеж (common case), который соответствует именительному, звательному, винительному и дательному падежам такого языка, как латинский. При рассмотрении современной морфологии существительного Суит также говорит только об общем и родительном падежах.

Суит не считает падежами предложные обороты, хотя бы они были эквивалентами падежей: так, например, из двух возможных оборотов: *the lovers's meeting* и *the meeting of the lovers* он усматривает родительный падеж лишь в первом.

Есперсен неоднократно касался этой проблемы в различных книгах и статьях. Он рассматривает падеж как чисто морфологическую категорию и поэтому не признает падежами предложные обороты. Он упрекает сторонников теории отдельных падежей – дательного, винительного и т.д. – в том, что они рассматривают современный английский язык сквозь призму языков с развитой флективной системой, например латинского или

древнеанглийского, и насильственно навязывают ему извне чуждые ему грамматические категории.

Совершенно очевидно, что падежей, оформленных суффиксами, в современном английском языке только два – притяжательный падеж, выраженный суффиксом *'s*, и общий падеж, характеризуемый нулевым суффиксом, т.е. отсутствием суффикса, которое само понимается как особый суффикс.

Наряду с этим в современном языке выросла новая система выражения падежных отношений при помощи предлогов. Предложные сочетания, в состав которых входят предлоги *of, to, with, by, at*, может быть, и некоторые другие, выполняют функцию, соответствующую функции падежей, выраженных суффиксами в флективных языках. Эти предлоги при таком употреблении превращаются в своего рода префиксы. Точно указать число падежей, выраженных таким способом, конечно, невозможно: оно становится неопределённым. При этом, однако, надо оговорить, что префиксы не прикреплены к существительному, а при наличии артикля или какого-либо определения отодвигаются от существительного и стоят перед артиклем или определением: например, *the roof of the new red brick house; I was writing with an old pen* и т.п.

Роль этих предлогов-префиксов, как отмечает акад. И.И. Мещанинов, можно сопоставить с ролью личных местоимений, превращающихся в показатели лица и числа в глаголе. Из всего изложенного явствует, что в условиях английского языка падежи надо рассматривать в тесной связи с предложными оборотами, так как во многих случаях они являются эквивалентами друг друга. В связи с этим находится проблема семантики предлогов и разделения их на грамматикализованные (имеющие чисто служебные функции) и неграмматикализованные (имеющие собственное семантическое значение).

Это разделение осложняется двумя обстоятельствами. Во-первых, некоторые предлоги могут принадлежать к обеим категориям, например, предлог *with* для обозначения орудия в предложении *I write with a pen* и *with* в смысле 'с' в предложении *I speak with my brother; to* для выражения косвенного дополнения в предложении *I said to him...*, *to* в смысле 'к' в предложении *I went to the station*. Во-вторых, встречаются переходные случаи, в которых бывает трудно решить, сохраняет ли предлог отчасти свое самостоятельное вещественное значение, или он совершенно утратил его. В этом нет ничего удивительного, так как ослабление значения предлогов представляет собой постепенный исторический процесс, который протекает неравномерно для различных предлогов. В современном английском языке некоторые предлоги могут находиться в переходной стадии, когда процесс ослабления их значения еще не достиг своего конечного результата.

7.1. Притяжательный падеж

От древней системы падежей, т.е. изменений самого слова при помощи суффиксов для выражения грамматических отношений, в современном языке сохранилось только два: общий, с нулевым окончанием, и притяжательный, выраженный окончанием -s. Сфера применения этого падежа значительно сузилась по сравнению с ранними периодами языка. Основной функцией родительного падежа в древнеанглийском, как и в других языках, было выражение принадлежности; наряду с этим он выполнял и другие функции. В современном английском выражение принадлежности этим способом стало во многих случаях совершенно невозможным: так, например, нельзя сказать *the house's roof, the day's beginning, the iron's quality*. Этим способом в современном языке выражается только категория владения.

Поэтому форма на -s образуется только от существительных, обозначающих живые существа. Правда, в некоторых случаях и здесь скорее следовало бы говорить о принадлежности, чем о владении в точном смысле, например, в выражении *the man's back* наряду с *the man's book*; но невозможность выражения *the chair's back* свидетельствует о том, что в отношении живых существ и принадлежность понимается современным языковым мышлением как владение. Таким образом английский язык выработал в этой сфере отчётливое разграничение живых существ от неживых предметов и отвлечённых понятий. Здесь можно говорить о категории одушевлённости в системе склонения английских существительных. По аналогии со случаями, в которых выражается владение, строятся и другие обороты, в которых выражаются другие отношения. Ср. *the man's book – the man's friend – the man's enemy*.

Бывают случаи, когда форма на -s образуется от существительных, обозначающих неживые существа. Это возможно, во-первых, тогда, когда происходит олицетворение, имеющее эмоциональный характер; например, *England's history* звучит как бы более эмоционально и высокопарно, чем *the history of England*; последнее выражает только сухую констатацию факта.

Форма на -s возможна также от существительных, обозначающих время, например: *time, year, month, week, day, hour, minute – a year's absence, a week's travel*; также при субстантивизированных наречиях, например: *yesterday's newspaper*. Объяснение этих оборотов представляется довольно затруднительным.

Кроме слов, обозначающих живые существа, и слов, выражающих временные категории, притяжательный падеж употребляется также в некоторых изолированных оборотах, имеющих характер застывших формул. Эти обороты представляют собой остатки прежнего широкого употребления родительного падежа. Сюда относятся такие выражения, как *at the water's edge, a hair's breadth, at one fingers' ends*.

До настоящего времени мы рассматривали форму на -'s как падеж в строгом, классическом смысле этого слова. Однако в современном английском языке наблюдаются явления, которые свидетельствуют о том, что происходит процесс переосмысления этой формы и как бы отодвигания ее от первоначального чисто морфологического значения. Эти явления можно расположить в порядке их постепенного отхода от классического понятия падежа. Анализ нескольких примеров даст возможность понять сущность этого процесса переосмысления.

Первым проявлением этого сдвига в сознании этого падежа можно считать так называемый *group genitive*, например, в таких оборотах, как *Smith and Brown's office*. Здесь окончание -'s стоит только после второй фамилии, хотя по смыслу оно относится также и к первой. Иначе говоря, -'s приставлено как окончание не к одному слову *Brown*, а к целой группе *Smith and Brown*.

Дальнейший шаг в этом направлении приводит к выражению *somebody else's book*. В этом примере элемент -'s приставлен к целой группе *somebody else*. Этот случай отличается от предшествующего тем, что здесь -'s приставлено не к существительному, а к наречию, которое, разумеется, не может принимать никаких падежных форм. Следовательно, рассматривая этот оборот, можно сказать, что -'s в этом случае уже не является падежным окончанием в обычном смысле слова.

Наконец, последний шаг сделан в примере *the man I saw yesterday's son*. Здесь элемент -'s присоединен к целому выражению *the man I saw yesterday*, которое состоит из существительного и определительного подчиненного предложения. Таким образом, и здесь, как и в предыдущем примере, -'s не является падежным окончанием в обычном смысле слова.

Из всех рассмотренных случаев можно сделать следующий общий вывод. Окончание -'s, единственный остаток старой падежной системы, сохранившийся в условиях аналитического строя современного языка, подвергается переосмыслению в соответствии с нормами аналитического языкового мышления. Оно превращается из падежного окончания в служебную частицу, выражающую владение, – своего рода эквивалент предлога *of*.

Глава 8. СЛОВООБРАЗОВАНИЕ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В английском языке существуют следующие основные способы образования слов:

- Посредством суффиксов и префиксов.
- Посредством перехода слов из одной части речи в другую без изменения произношения и написания слов в их исходной, основной форме (конверсия).
- Посредством сложения слов (или основ слов). Кроме этих основных способов образования слов, слова образуются также посредством чередования ударения и чередования гласных или согласных.

8.1. Образование слов посредством суффиксов и префиксов

Суффиксы стоят в конце слова и служат для образования производных слов, например: to teach – учить, teacher – учитель, to elect – избирать, elector – избиратель.

При прибавлении суффиксов образуются производные слова, относящиеся к другой части речи (например: to work – глагол работать, worker – существительное рабочий) или к той же части речи, к которой принадлежит исходное слово (например: friend – существительное друг, friendship – существительное дружба).

Слова могут быть образованы посредством двух суффиксов, каждый из которых сохраняет свое значение:

care – забота	carefull – заботливый
	carefully – заботливо
to act – действовать	active – деятельный
	activity – деятельность
to hope – надеяться	hopeless – безнадежный
	hopeful – надеющийся
	hopelessness – безнадежность
	hopefulness – оптимизм

Префиксы стоят в начале слова и служат для образования производных слов. В отличие от суффиксов прибавление префикса, как правило, не изменяет принадлежности слова к той или иной части речи, например: to appear – глагол появляться, to disappear – глагол исчезать, possible – прилагательное возможный, impossible прилагательное невозможный.

В результате образования слов посредством суффиксации и префиксации одно и то же слово может содержать в себе как суффикс, так и префикс.

to arm	to disarm	disarmament
вооружаться	разоружаться	разоружение

а) СУФФИКСЫ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

1) Суффиксы, образующие существительные, обозначающие предмет или человека. Такие существительные образуются от глаголов:

-er, -or:

to heat	нагревать	heater	подогреватель, радиатор
to explore	исследовать	explorer	исследователь
to lead	руководить	leader	вождь
to read	читать	reader	читатель
to construct	строить	constructor	строитель, конструктор
to elect	избирать	elector	избиратель
to invent	изобретать	inventor	изобретатель

-ant, -ent:

to assist	помогать	assistant	помощник
to serve	служить	servant	слуга
to study	изучать	student	студент
to cool	охлаждать	coolant	охлаждающая жидкость

2) Суффиксы, образующие существительные, обозначающие лицо, принадлежность:

-ist (указывает на профессию лица, принадлежность к политике):

machinist – машинистка;

specialist – специалист;

communist – коммунист;

Darwinist – дарвинист.

-ian, -ese (указывают на национальность или на принадлежность к стране или к городу):

Russian – русский;

Leningradian – ленинградец;

Ukrainian – украинец;

Chinese – китаец;

Hungarian – венгр;

Japanese – японец.

-ian (указывает на профессию лица):
electrician – электротехник.

3) Суффиксы, образующие отвлеченные существительные, обозначающие общие понятия (процессы, состояния, свойства, качества и т.д.). Такие существительные образуются от глаголов, прилагательных и существительных.

а) от глаголов

-ion:

to connect	соединять	connection	соединение
to communicate	сообщать	communication	сообщение
to compress	сжимать	compression	сжатие
to elongate	удлиняться	elongation	удлинение
to organize	организовывать	organization	организация
to produce	производить	production	производство
to collide	сталкиваться	collision	столкновение

-age:

to assemble	собирать	assemblage	сборка
to haul	тянуть	haulage	тяга

Следующие суффиксы образуют существительные от глаголов, существительных и прилагательных:

-ment:	-ism:
to arrange – устраивать arrangement – устройство	social – социальный socialism – социализм
to astonish – удивлять astonishment – удивление	Lenin – Ленин Leninism – ленинизм
to develop – развивать development – развитие	Patriot – патриот patriotism – патриотизм
-ure	-hood
to press – давить pressure – давление	child – ребенок childhood – детство neighbor – сосед neighbourhood – соседство
-ence	-ship
to differ – различать difference – различие	member – член membership – членство

-ing	
to cast – отливать casting – литье	
to cool – охлаждать cooling – охлаждение	
-ness	
dark – темный darkness – темнота	
effective – эффективный effectiveness – эффективности	

б) СУФФИКСЫ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

4) СУФФИКСЫ, указывающие на наличие соответствующих качеств и свойств. Такие прилагательные образуются от глаголов и существительных.

а) от глаголов:

-able, -ible:

to adjust	приспосабливаться	adjustable	приспосабливаемый
to move	двигать	movable	подвижной
to expend	вытягивать	expendable	растяжимый

-ant, -ent:

to differ	различаться	different	различный
to depend	зависеть	dependent	зависимый

-ive:

to act	действовать	active	действительный
to create	создавать	creative	созидательный

б) от существительных:

-al:

industry	промышленность	industrial	промышленный
element	стихия	elemental	стихийный
centre	центр	central	центральный
nation	нация	national	национальный

-ful:

peace	мир	peaceful	мирный
harm	вред	harmful	вредный
use	польза	useful	полезный
truth	правда	truthful	правдивый

-ic:

economy	экономия	economic	экономический
magnet	магнит	magnetic	магнитный
vitriol	купорос	vitriolic	купоросный
history	история	historic	исторический

-y, -ly:

dirt	грязь	dirty	грязный
storm	буря	stormy	бурный
rock	скала	rocky	скалистый
luck	удача	lucky	удачливый
day	день	daily	ежедневный
friend	друг	friendly	дружеский
man	муж	manly	мужественный
week	неделя	weekly	недельный

-less. Суффикс, указывающий на отсутствие соответствующих качеств и свойств:

harm – вред
wire – проволока
truth – правда
use – польза
harmless – безвредный
wireless – беспроводный
truthless – неправдивый
useless – бесполезный

-ish. Суффикс, указывающий на наличие признака в слабой степени или на принадлежность к национальности:

white – белый, whitish – беловатый, old – старый, oldish – староватый
Dane – датчанин, Danish – датский, Pole – поляк, Polish – польский

П р и м е ч а н и е . Суффиксы -able, -ible, -ate, -y, -less, -ish (в значении указания на неполноту признака), -ic, -ive являются наиболее характерными продуктивными суффиксами прилагательных.

с) СУФФИКСЫ ГЛАГОЛОВ

Следующие суффиксы образуют глаголы от прилагательных и существительных:

-en (непродуктивный суффикс):			
deep	глубокий	to deepen	углубляться
fast	крепкий	to fasten	укреплять
length	длина	to lengthen	удлиняться
weak	слабый	to weaken	ослаблять
-fy (малопродуктивный суффикс):			
intense	сильный	to intensify	усиливать
simple	простой	to simplify	упрощать
-ize (продуктивный суффикс):			
crystal	кристалл	to crystallize	кристаллизоваться
real	настоящий	to realize	осуществлять
national	национальный	to nationalize	национализировать

Префиксы различных частей речи

under – имеет значение недостаточно,
ground – земля, underground – подземный

Префиксы с разными значениями:

anti- имеет значение анти-, против-:

aircraft – самолет anti-aircraft – противовоздушный

counter- имеет значение против. Соответствует русским приставкам контр-; противо-:

action – действие, counter-action – противодействие

en- присоединяется к существительным и прилагательным образуя глагол:

circle – круг, to encircle – окружать

large – большой, to enlarge – увеличивать

camp – лагерь, to encamp – располагаться лагерем

inter- имеет значение между, взаимно:

national – национальный, internation – интернациональный
to cross – пересекать, to intercross – взаимно пересекаться

pre- имеет значение до, перед, раньше. Противоположен по значению префиксу post-:

war – война, pre-war – довоенный

8.2. Образование слов посредством перехода слов из одной части речи в другую

Многие английские слова, взятые в их исходной основной форме, могут относиться к различным частям речи, а именно – к существительным, прилагательным, глаголам, без изменения в написании и произношении. Установить, к какой части речи относится данное слово при употреблении его в предложении, можно лишь исходя из его синтаксической функции и морфологических знаков. Этот способ образования новых слов чрезвычайно продуктивен в современном английском языке:

act	действие
advance	продвижение
aim	цель
arm	оружие
change	изменение
work	работа
black	черный
blue	синий
clear	чистый

(to) act

(to) advance

(to) aim, (to) arm, (to) change, (to) work, (to) black, (to) blue, (to) clear

действовать

продвигаться

целиться

вооружаться

изменять

работать

чернить

синить

очищать

8.3. Образование слов посредством сложения слов или основ слов

Некоторые слова могут быть образованы посредством соединения двух слов или основ слов в одно слово. Такими словами могут быть: а) сложные существительные, б) сложные прилагательные, в) сложные местоимения, г) сложные глаголы, д) сложные наречия.

а) Сложные существительные

Основные способы образования сложных существительных следующие:

Существительное + существительное

газета – newspaper

железная дорога – railway

Прилагательное + существительное

blackboard – классная доска

quicksilver – ртуть

hardware – скобяные изделия

Глагол + существительное

grindstone – жернов

turnscrew – отвертка

clasp-knife – складной нож

Герундий + существительное

reading-room – читальня

skating-rink – каток

writing-table – письменный стол

Наречие (или предлог) + существительное или наречие (или предлог) + глагол

bystreet – боковая улица, переулок, underframe – шасси, input – ввод

Некоторые имена существительные могут быть образованы из существительных, между которыми стоит предлог. Такие существительные пишутся через дефис:

man-of-war – военное судно

brother-in-law – зять

б) Сложные прилагательные

Основные способы образования сложных прилагательных следующие:

Существительное + прилагательное

world-old – старый как мир

snow-white – белоснежный

life-long – пожизненный

Прилагательное + прилагательное

white-hot – доведенный до белого каления

dark-blue – синий

Существительное + причастие

sunburnt – загорелый

heat-treated – термически обработанный

ear-splitting – резкий

Наречие + причастие

far-famed – широко известный

short-sighted – недальновидный

hard-bitten – стойкий

everlasting – прочный

forthcoming – предстоящий

в) Сложные местоимения

someone – кто-либо, кто-нибудь

somebody – что-либо, что-нибудь, nobody – никто

г) Сложные глаголы

Прилагательное + глагол

to fulfil – выполнять

to blindfold – завязывать глаза

to roughhew – грубо обтесывать

to safeguard – охранять, гарантировать

д) Сложные наречия

somewhere – где-нибудь, куда-нибудь

nowhere – нигде

everywhere – везде

В современном английском языке широкое развитие получили составные глаголы, представляющие собой сочетание глагола с послелогом.

Глагол + послелог

to go in – входить

to go by – проходить

to go out – выходить

to take in – обмануть

8.4. Образование слов посредством чередования ударения и чередования гласных и согласных

В современном английском языке имеются имена существительные и прилагательные, сходные по написанию с соответствующими им глаголами.

Средством их различения является перенос ударения в слове (чередование ударения).

Имена существительные и прилагательные имеют ударение на первом слоге, а соответствующие им глаголы на втором слоге:

abstract ['abstrakt] – абстрактный, отвлеченный

to abstract [ab'strakt] – абстрагировать

Другим средством различения имен существительных от соответствующих им глаголов является глухое произношение в существительном последнего согласного звука и его звонкое произношение в глаголе (чередование сопровождается изменением произношения корневого гласного звука – чередование гласных). При этом написание слова может изменяться:

abuse [a'bjʊ:s] злоупотребление

to abuse [a'bjʊɪz] злоупотреблять

use [jʊs] употребление

to use [ju:z] употреблять

life [laɪf] жизнь

to live [lɪv] жить

Следовательно, имеются различные способы словообразования. Это – образование слов посредством суффиксов и префиксов (при использовании аффиксов), образование слов посредством перехода из одной части речи в другую, т.е. на основе конверсии. Словообразование может осуществляться посредством сложения слов и основ слов. Кроме того, словообразование происходит посредством чередования ударения и чередования гласных и согласных.

Глава 9. СТРУКТУРА ТЕКСТА В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Понятие «структура» является в настоящее время одним из центральных в языкознании. Процесс формирования этого понятия в применении к различным уровням языка еще не завершен. Это в полной мере относится к тексту как единству высшего ранга, где определение этого понятия наталкивается на дополнительные сложности.

Основными признаками структуры являются целостность и связность. Понятие связности как основного признака структуры заимствовано из математики. Этот признак является неотъемлемым показателем структуры, но описание структуры только через этот признак является недостаточно исчерпывающим. Однако такое описание структуры достаточно распространено. Понятие структуры в применении к тексту наряду со связностью предполагает еще один признак – целостность объекта. Это понятие заимствовано из естественных наук: свойство всего объекта не выводимо только из свойств отдельных элементов, из сети отношений между ними и не равно сумме их свойств.

С понятием структуры текста связано представление о гиперсемантизации системы значимостей в тексте (У. Вейнрейх). Для уровня текста наиболее адекватным представляется следующее понимание структуры текста: *структура – это глобальный способ организации объекта как некой целостной данности*. При изучении структуры текста должны учитываться три аспекта: материальные элементы, составляющие структуру, отношения между ними, целостность объекта. Структура есть онтологическое свойство объекта. Это означает, что любая теория, адекватно описывающая объект, должна отразить его структурность.

9.1. Глубинная и поверхностная структуры

Текст – это некая глобальная структура, включающая в себя глубинную и поверхностную структуры. В данной монографии рассматриваются только художественные тексты, поэтому предложенные ниже рабочие определения терминов «поверхностная» структура и «глубинная» структура относятся именно к художественному тексту. *Глубинная структура есть идейно-тематическое содержание текста, сложное переплетение отношений и характеров, в основе которых лежит художественный образ. Глубинная структура – это авторские интенции, прагматическая установка как один из доминирующих факторов. Поверхностная структура – лингвистическая форма, в которую облечена глубинная структура. В художественном тексте она формально-содержательная.*

Понятия глубинной и поверхностной структур, прочно вошедшие в лингвистическую практику в последнее время, вызывают неоднозначное отношение у разных ученых. Наиболее общее их понимание сводится к

следующему: обе эти структуры приписываются предложению и словосочетанию. Поверхностная структура доступна непосредственному наблюдению, глубинная – выводится на основании косвенных данных.

Под глубинной структурой понимается некое семантическое или понятийное образование, являющееся отправной точкой при порождении поверхностных структур. Не все исследователи принимают именно такое определение. Так, в работах Л.С. Бархударова глубинная структура понимается как функционально значимая абстрактная модель, реальным порождением которой является структура поверхностная. Основные возражения противников этой концепции сводятся к следующему: глубинная структура есть некое мыслительное образование, дозвуковое, дословесное. В этом случае поверхностная структура, очевидно, представляет собой сочетание односторонних единиц. Однако это не так. Грамматика имеет дело с двусторонними единицами.

Второе возражение затрагивает спорность положения, согласно которому сочетания типа «приход учителя» и «пришел учитель» имеют одну и ту же глубинную, т.е. смысловую, структуру. Если первое представляет собой атрибутивное сочетание, то второе повествует о некоем событии. Сказанное свидетельствует о том, что эти понятия требуют дополнительного изучения, но использование этих терминов и принятие концепции глубинной и поверхностной структур для художественного текста не наталкиваются на возражения.

Первое замечание затрагивает раздвоение процесса речи на два этапа. По мнению В. М. Солнцева, глубинные отношения не могут возникать до поверхностных структур и существовать без них. Однако произведение искусства есть вторичная моделирующая система. Глубинная структура художественного текста не является достоянием только языка. Можно предположить, что замысел художника существует первоначально как некое мыслительное образование. Это мыслительное образование воплощено в языковую материю и оформлено с помощью двусторонних языковых единиц. Когда замысел художника разворачивается в полотно художественного произведения, он реализуется в определенной форме. Мы называем форму произведения поверхностной структурой. Поверхностный уровень представления текста лишь относительно поверхностный. Он строится из языковых знаков, которые сами по себе являются знаками двусторонними.

Кроме того, связь формы и содержания, материального и идеального в художественном тексте отличается особенной близостью. Всякие модификации художественного текста приводят к его уничтожению. Художественное оформление неотделимо от несущей его материальной формы, не может быть выражено другим синонимическим текстом. Изменение языкового оформления влечет за собой разрушение художе-

ственного образа, либо создание нового образа. Уникальность художественного образа такова, что его невозможно перекодировать в другую форму, не разрушив его. Специфика языкового оформления целостного художественного образа состоит не просто в подчинении отдельных языковых единиц тексту как целому, но в сочетании подчиненности с самостоятельной содержательной ценностью этих единиц.

Такой трактовке природы художественного текста соответствует понятие о переводе, предложенное А. В. Федоровым в книге «Проблема стихотворного перевода». Он считает, что оригинал – это задание, предстоящее переводчику. Перевод, по его мнению, не воспроизведение вещи, а создание чего-то нового по образцу. Таким образом, перевод – это вариант оригинального текста, а не тождественный текст. Следовательно, одной глубинной структуре соответствует только одна поверхностная структура.

Между глубинной и поверхностной структурами художественного текста существуют сложные, разнонаправленные связи, определенные соотношения идеального содержания и материального носителя художественных образов. Поверхностная структура определяется глубинной структурой. Глубинную структуру можно сравнить с программой, которая диктует выбор языковых средств. Однако отношения между глубинной и поверхностной структурами не исчерпываются отношениями подчинения. Поверхностная структура может воздействовать на глубинную структуру, актуализировать ее.

Сложные, разнонаправленные отношения между глубинной и поверхностной структурами не могут быть истолкованы как отношения тождества означающего и означаемого или как отношения асимметрии двух сторон языкового знака. Последняя теория связана с именами американского ученого Ч. Хоккета и французского лингвиста А. Мартине. Это совершенно особые отношения, которые не укладываются в жесткие рамки упомянутых выше теорий.

9.2. Вертикальная и горизонтальная модели порождения текста

Представление о глубинной и поверхностной структурах связано с так называемой *вертикальной* моделью порождения текста. Вертикальная модель порождения текста предполагает существование некоей исходной абстрактной (семантической) модели. Эту модель называют глубинной структурой. Она проходит ряд преобразований до конкретной реализации, до воплощения в поверхностную структуру. В этом случае текст рассматривается как глобальная структура, включающая глубинную и поверхностную структуры.

Помимо вертикальной модели текста существует другая, основная модель развертывания текста, которую называют *горизонтальной*. Модель

горизонтального порождения текста, по мнению некоторых ученых, является наиболее фундаментальной моделью текста. Поэтому грамматику текста нередко называют грамматикой линейных последовательностей. Линейные зависимости для текста действительно имеют кардинальное значение. Наиболее значимыми являются следующие:

1. *Актуальное членение, движение информационных центров – темы/ремы высказывания.* В научной литературе высказывались мысли о том, что для определения актуального членения рамки предложения недостаточны. Необходим выход в макроконтекст.

2. *Анафорическое/катафорическое построение текста.* Анафора предполагает ссылку (намек) назад, на нечто ранее упомянутое, известное. Как это, например, имеет место в следующем примере: «Они опять разошлись». Классическим примером является предложение «Король Франции – лысый». Оба предложения предполагают как условие удачной коммуникации пресуппозицию некоторого знания. В первом случае это знание о существовании какой-то пары, которая уже не первый раз решила расстаться. Во втором – существование короля. Сложная анафорика, появление нового имени с определенным артиклем, личного местоимения включает читателя в сетку контекстов скрытого, или пресуппозиционного, характера.

Катафорическое построение текста – это обращение вперед. Например, «И он поведал мне следующую историю».

3. *Все виды повторов – от повторов на фонологическом уровне до лексических повторов, повторов морфологических форм, синтаксического параллелизма и т. д.*

4. *Средства связи – типы коннекторов, упомянутые выше повторы, синонимические ряды, ключевые слова и др.*

5. *Первая/непервая фраза – инициальность/неинициальность.* Это различие принципиально только для отрезков больших, чем предложение.

6. *Рассказ о мире/пересказ мира.* Эта оппозиция вводится в систему глагола. Она основана не на вневременных признаках. Термины «рассказ о мире» и «пересказ мира» были введены немецким лингвистом Х. Вейнрейхом (**besprochene** und **erzählte** Welt – обговариваемый и рассказываемый мир). Эти же различия выделяются и другими исследователями, но они используют иные термины, например: *план сообщения и исторический план, план коммуникации и план информации, план непосредственного общения и план сюжета.* Рассказ о мире, план сообщения, план коммуникации, наконец, план непосредственного общения предполагают коммуникацию, соотношенную с конкретной внеязыковой ситуацией. Пересказ мира, план информации, исторический план, план сюжета не имеют непосредственной соотношенности с внеязыковой ситуацией. Здесь устанавливаются сложные, опосредованные связи с миром реалий.

7. Рассмотрение текста как цепочки замен, первичных и повторных номинаций.

8. Выражение определенности/неопределенности.

Эти модели не исчерпывают сущности текста. Например, В. Пропп моделирует композиционно-смысловую структуру сказки путем выделения функций сказочных персонажей. В соответствии с его теорией композиция текста создается сказуемыми, выражающими поступки действующих лиц. Поступки (функции) действующих лиц охватывают конкретные действия персонажей, эмоциональную реакцию героев и определенные события. Тематическая структура текста разрабатывалась также французскими учеными и финской школой фольклористов, американским ученым Дж. В. Смитом и др. Модель Проппа была с успехом применена к исследованию баллады и детективного романа.

ЧАСТЬ II. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА

Глава 1. ПРЕДМЕТ, ЗАДАЧИ И МЕТОДЫ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА

В широком смысле термин «теория перевода» противопоставляется термину «перевод» и охватывает любые концепции, положения и наблюдения, касающиеся переводческой практики, способов и условий ее осуществления, различных факторов, оказывающих на нее прямое или косвенное воздействие. При таком понимании «теория перевода» совпадает с понятием «переводоведение». В более узком смысле «теория перевода» включает лишь собственно теоретическую часть переводоведения и противопоставляется его прикладным аспектам.

Перевод – это сложное и многогранное явление, отдельные аспекты которого могут быть предметом исследования разных наук. В рамках переводоведения изучаются психологические, литературоведческие, этнографические и другие стороны переводческой деятельности, а также история переводческой деятельности в той или иной стране или странах. В зависимости от предмета исследования можно выделить психологическое переводоведение (психологию перевода), литературное переводоведение (теорию художественного или литературного перевода), этнографическое переводоведение, историческое переводоведение и т.д. Ведущее место в современном переводоведении принадлежит лингвистическому переводоведению (лингвистике перевода), изучающему перевод как лингвистическое явление. Отдельные виды переводоведения дополняют друг друга, стремясь к всестороннему описанию переводческой деятельности.

Теоретическую часть лингвистики перевода составляет лингвистическая теория перевода, основные положения которой будут рассматриваться далее. В теории перевода в значении «лингвистическая теория перевода» различаются: «общая теория перевода», «частные теории перевода» и «специальные теории перевода».

Общая теория перевода – раздел лингвистической теории перевода, изучающий наиболее общие лингвистические закономерности перевода, независимо от особенностей конкретной пары языков, участвующих в процессе перевода, способа осуществления этого процесса и индивидуальных особенностей конкретного акта перевода. Положения общей теории перевода охватывают любые виды перевода любых оригиналов с любого исходного языка на любой другой язык.

Общая теория перевода составляет часть лингвистической теории перевода. Наряду с частными теориями перевода, изучающими лингвистические аспекты перевода с одного данного языка на другой данный язык, и специальными теориями перевода, рассматривающими особенности процесса перевода текстов разных типов и жанров, а также

влияние на характер этого процесса речевых форм и условий его осуществления. Общая теория перевода дает теоретическое обоснование и определяет основные понятия частных и специальных теорий перевода. Частные и специальные теории перевода конкретизируют положения общей теории перевода применительно к отдельным типам и видам перевода.

1.1. Задачи теории перевода

Теория перевода ставит перед собой следующие основные задачи:

1) раскрыть и описать общелингвистические основы перевода, т.е. указать, какие особенности языковых систем и закономерности функционирования языков лежат в основе переводческого процесса, делают этот процесс возможным и определяют его характер и границы;

2) определить перевод как объект лингвистического исследования, указать его отличие от других видов языкового посредничества;

3) разработать основы классификации видов переводческой деятельности;

4) раскрыть сущность переводческой эквивалентности как основы коммуникативной равноценности текстов оригинала и перевода;

5) разработать общие принципы и особенности построения частных и специальных теорий перевода для различных комбинаций языков;

6) разработать общие принципы научного описания процесса перевода как действий переводчика по преобразованию текста оригинала в текст перевода;

7) раскрыть воздействие на процесс перевода прагматических и социолингвистических факторов;

8) определить понятие «норма перевода» и разработать принципы оценки качества перевода.

Помимо теоретических разделов, лингвистика перевода включает разработку ряда прикладных аспектов, связанных с методикой обучения переводу, составлением и использованием всевозможных справочников и словарей, методикой оценки и редактирования переводов, а также различными практическими вопросами, решение которых способствует успешному выполнению переводчиком своих функций. Особое место среди прикладных задач лингвистического переводоведения занимает разработка методов формализации переводческого процесса с целью передачи части или всех функций переводчика автоматическому устройству, т.е. осуществления машинного (автоматического) перевода.

1.2. Методы исследования в лингвистике перевода

Лингвистическая теория перевода широко использует данные и методы исследования других разделов языкознания: грамматики, лексикологии, семасиологии, стилистики, социолингвистики, психолингвистики и др. Для общей теории перевода особую важность представляет распространение на ее объект общезыковедческих постулатов о языке как системе и как совокупности речевых реализаций, о двуплановости единиц языка, об отношении языка к логическим категориям и явлениям реального мира.

Перевод – это средство обеспечить возможность общения (коммуникации) между людьми, говорящими на разных языках. Поэтому для теории перевода особое значение имеют данные коммуникативной лингвистики об особенностях процесса речевой коммуникации, специфике прямых и косвенных речевых актов, о соотношении выраженного и подразумеваемого смысла в высказывании и тексте, влиянии контекста и ситуации общения на понимание текста, других факторах, определяющих коммуникативное поведение человека.

Важным методом исследования в лингвистике перевода служит сопоставительный анализ перевода, т.е. анализ формы и содержания текста перевода в сопоставлении с формой и содержанием оригинала. Эти тексты представляют собой объективные факты, доступные наблюдению и анализу. В процессе перевода устанавливаются определенные отношения между двумя текстами на разных языках (текстом оригинала и текстом перевода). Сопоставляя такие тексты, можно раскрыть внутренний механизм перевода, выявить эквивалентные единицы, а также обнаружить изменения формы и содержания, происходящие при замене единицы оригинала эквивалентной ей единицей текста перевода. При этом возможно и сравнение двух или нескольких переводов одного и того же оригинала. Сопоставительный анализ переводов дает возможность выяснить, как преодолеваются типовые трудности перевода, связанные со спецификой каждого из языков, а также какие элементы оригинала остаются непередаваемыми в переводе. В результате получается описание «переводческих фактов», дающее картину реального процесса.

Сопоставительный анализ переводов как метод лингвопереводческого исследования основывается на допущении, что совокупность переводов, выполняемых в определенный хронологический период, может рассматриваться как результат оптимального решения всего комплекса переводческих проблем при данном уровне развития теории и практики перевода. Применение метода сопоставительного анализа переводов отражает его сущность. Каждый перевод субъективен в том смысле, в каком субъективен любой отрезок речи, являющийся результатом акта речи отдельного лица. Выбор варианта перевода в определенной степени зависит от квалификации и индивидуальных способностей переводчика. Однако субъективность перевода ограничена необходимостью воспроизвести как

можно полнее содержание текста оригинала, а возможность такого воспроизведения зависит от объективно существующих и не зависящих от переводчика отношений между системами и особенностями функционирования двух языков. Таким образом, перевод представляет собой субъективную реализацию переводчиком объективных отношений. В отдельных переводах могут встречаться ошибки, искажающие действительный характер переводческих отношений между соответствующими единицами оригинала и перевода, но при достаточном объеме исследуемого материала ошибки также легко обнаруживаются и устраняются.

1.3. Перевод как средство межъязыковой коммуникации

Второй вопрос, решение которого было одной из предпосылок развития лингвистической теории перевода, заключается в уточнении объекта исследования. Что собой представляет перевод как объект языкознания? Прежде всего, говоря о переводе какого-то произведения на русский язык, мы имеем в виду какой-то текст, чем-то отличающийся от других текстов на русском языке, которые не являются переводами. Языковед может изучать особенности таких текстов, сопоставляя их как с иноязычным оригиналом, так и с «непереводными» текстами на том же языке. С другой стороны, текст перевода является конечным продуктом, результатом действий переводчика.

Этот «продукт» создается в ходе действий, в процессе перевода или путем перевода, так что «перевод» может означать определенную последовательность действий переводчика. Поэтому в некоторых работах начального периода развития теории перевода подчеркивалась необходимость рассматривать в качестве объекта исследования именно динамический аспект перевода, перевод как процесс. Последующий анализ показал, что вряд ли правомерно противопоставлять процесс перевода его результату. Именно результат перевода представляет собой ту наблюдаемую реальность, на основании которой можно косвенно судить и о том, как протекает процесс перевода, недоступный непосредственному наблюдению. Кроме того, в лингвистическом плане под процессом обычно понимается преобразование одних языковых структур или единиц в другие, откуда следует, что при его описании должны учитываться как исходные структуры или единицы, так и конечные.

В процессе перевода исходными являются единицы текста оригинала, а конечными – единицы текста перевода. Таким образом, лингвистическая теория перевода имеет дело как с текстами на исходном языке (ИЯ) и на языке перевода (переводящего языка – ПЯ), так и с процессом преобразования текста оригинала в текст перевода. Но и такой подход оказался недостаточным. Переводческая деятельность по определению носит посреднический характер, поскольку ее цель заключается в том, чтобы

сделать доступным для читателей перевода сообщение, сделанное автором оригинала на другом языке. Иными словами, благодаря переводу обеспечивается возможность общения между людьми, говорящими на разных языках, возможность межъязыковой коммуникации.

Для создания полноценного перевода переводчик должен принимать во внимание характерные особенности автора сообщения (источника информации) и тех получателей (рецепторов) информации, для которых предназначалось это сообщение, их знания и опыт, отражаемую в сообщении реальность, характер и особенности восприятия людей, которым адресуется перевод, и все прочие аспекты межъязыковой коммуникации, влияющие на ход и результат переводческого процесса. Поэтому лингвистическая теория перевода рассматривает перевод в широких рамках межъязыковой коммуникации и изучает все ее аспекты и определяющие факторы как собственно языковые, так и внешние по отношению к языку, но прямо или косвенно влияющие на выбор языковых единиц в процессе перевода.

1.4. Коммуникативная равноценность передаваемого и принимаемого сообщения

Способность обмениваться мыслями с помощью речи является важнейшим свойством человека. В любой коммуникации имеет место общение между Источником информации (говорящим или пишущим) и ее Рецептором (слушающим или читающим). Хотя при наличии всех необходимых условий существует возможность извлечения из сообщения всей содержащейся в нем информации, каждый отдельный Рецептор извлекает из сообщения разную по объему информацию в зависимости от его знаний, степени заинтересованности в сообщении и той цели, которую он себе ставит, участвуя в коммуникации. Поэтому каждое сообщение существует как бы в двух формах, которые не вполне тождественны: сообщение, переданное отправителем (текст для говорящего), и сообщение, воспринятое получателем (текст для слушающего).

Для теории перевода особое значение имеет тот факт, что эти формы одного и того же сообщения находятся между собой в отношении коммуникативной равноценности, которая выражается в следующем:

1) между ними потенциально существует высокая степень общности, поскольку они состоят из одинаковых языковых единиц, репрезентирующих, в основном, одинаковую информацию для всех членов данного языкового коллектива.

2) между ними фактически существует достаточная степень общности, чтобы обеспечить необходимое взаимопонимание в конкретных условиях общения. (Если взаимопонимание не достигается, коммуниканты могут

обмениваться дополнительной информацией, увеличивая точность восприятия сообщения).

3) обе формы объединяются в акте общения в единое целое, и различия между ними оказываются нерелевантными для участников коммуникации, которые не осознают этих различий, считая, что полученное сообщение и есть то, что передано, и наоборот.

Таким образом, для коммуникантов реально существует один единый текст, содержание которого в принципе может быть доступно всем владеющим языком, с помощью которого передается и принимается сообщение.

1.5. Основные виды языкового посредничества

Речевое общение может осуществляться и между коммуникантами, говорящими на разных языках. В этом случае будет иметь место межъязыковая (двуязычная) коммуникация. Поскольку Рецептор не в состоянии извлечь информацию из текста, произнесенного или написанного на неизвестном ему языке, межъязыковая коммуникация носит опосредственный характер. Обязательным условием общения между «разноязычными» коммуникантами является наличие промежуточного звена, осуществляющего языковое посредничество, т.е. преобразующего исходное сообщение в тонкую языковую форму, которая может быть воспринята Рецептором (иначе говоря, передающего это сообщение на языке Рецептора). Языковой посредник должен извлекать информацию из текста исходного сообщения («оригинала» или «подлинника») и передавать ее на другом языке. Поэтому эту роль может выполнять лишь лицо, обладающее необходимой степенью двуязычия, т.е. владеющее двумя языками.

Помимо своей посреднической роли в процессе межъязыкового общения переводчик иногда выполняет коммуникативные функции, выходящие за рамки языкового посредничества. Как правило, это имеет место в процессе устного перевода, когда переводчик непосредственно общается с участниками межъязыкового общения. В этом случае переводчик может быть вынужден по условиям коммуникации или по просьбе одного из коммуникантов выступать в качестве самостоятельного источника информации, давая дополнительные пояснения, делая выводы из содержания оригинала, указывая на возможность ошибки и т.д. Как устный, так и письменный переводчик может совмещать выполнение своих обязанностей с деятельностью информатора, редактора или критика оригинала и т.п.

Передача информации, содержащейся в тексте оригинала, может осуществляться языковым посредником в разной форме и с разной степенью полноты, в зависимости от цели межъязыкового общения. Эта цель может

определяться как участниками коммуникации, так и самим языковым посредником. Различаются два основных вида языкового посредничества: перевод и адаптивное транскодирование.

1. Перевод – это вид языкового посредничества, который всецело ориентирован на иноязычный оригинал. Задача перевода обеспечить такой тип межъязыковой коммуникации, при котором создаваемый текст на языке Рецептора (на «переводящем языке» – ПЯ) мог бы выступать в качестве полноценной коммуникативной замены оригинала и отождествляться Рецепторами перевода с оригиналом в функциональном, структурном и содержательном отношении.

Функциональное отождествление оригинала и перевода заключается в том, что перевод как бы приписывается автору оригинала, публикуется под его именем, обсуждается, цитируется и пр. так, как будто он и есть оригинал, только на другом языке. Содержательное отождествление оригинала и перевода заключается в том, что Рецепторы перевода считают, что перевод полностью воспроизводит содержание оригинала, что в нем передается то же содержание средствами иного языка.

Структурное отождествление перевода с оригиналом заключается в том, что Рецепторы перевода считают, что перевод воспроизводит оригинал не только в целом, но и в частностях. Предполагается, что переводчик точно передает структуру и порядок изложения содержания в оригинале, не позволяет себе что-либо изменить, исключить или добавить от себя. Количество и содержание разделов и других подразделений текста в оригинале и переводе должно совпадать. Если в оригинале какая-то мысль высказана в начале второго раздела, то и в переводе она должна быть обнаружена на том же месте и т.д. Если переводчик и позволяет себе какие-то отступления в отношении частных деталей структуры текста, то лишь для того, чтобы точнее передать содержание оригинала.

Таким образом, перевод можно определить как вид языкового посредничества, при котором на ПЯ создается текст, коммуникативно равноценный оригиналу, причем его коммуникативная равноценность проявляется в его отождествлении Рецепторами перевода с оригиналом в функциональном, содержательном и структурном отношении. Для пользующихся переводом он во всем заменяет оригинал, является его полноправным представителем. Коммуникативный подход к переводу – ведущий принцип современной теории перевода.

2. Адаптивное транскодирование – это вид языкового посредничества, при котором происходит не только транскодирование (перенос) информации с одного языка на другой (что имеет место и при переводе), но и ее преобразование (адаптация) с целью изложить ее в иной форме, определяемой не организацией этой информации в оригинале, а особой задачей межъязыковой коммуникации. Специфика адаптивного транскодирования определяется ориентацией языкового посредничества на

конкретную группу Рецепторов перевода или на заданную форму преобразования информации, содержащейся в оригинале.

Таким образом, адаптивное транскодирование, подобно переводу, представляет собой особую репрезентацию содержания оригинала на ПЯ, но в отличие от перевода создаваемый текст не предназначен для полноценной замены оригинала. При этом, как правило, используется сокращенный перевод.

Сокращенный перевод заключается в опущении отдельных частей оригинала по моральным, политическим или иным соображениям практического характера. При этом предполагается, что переводимые части оригинала передаются коммуникативно равноценными отрезками речи на ПЯ, хотя весь оригинал воспроизводится лишь частично.

В процессе адаптивного транскодирования осуществляется адаптированный перевод. Адаптированный перевод заключается в частичном упрощении и пояснении структуры и содержания оригинала в процессе перевода с целью сделать текст перевода доступным для восприятия отдельным группам Рецепторов, не обладающим достаточными познаниями и профессиональным или жизненным опытом, которые требуются для полноценного понимания оригинала. Наиболее часто подобная адаптация связана с тем, что перевод «взрослого человека» осуществляется текстом для юных читателей или перевод сложного научного текста предназначается для широкого круга читателей – неспециалистов.

Сокращение и адаптация перевода могут быть взаимосвязаны и осуществляются одновременно при переводе одного и того же оригинала. В любом случае создаваемый текст именуется «переводом», хотя факт сокращения или адаптации обычно особо оговаривается.

1.6. Характер деятельности переводчика

Вся деятельность переводчика имеет объективно–субъективный характер, и его действия никогда не сводятся к механической подстановке единиц ПЯ вместо единиц ИЯ. Существующее мнение о том, что «перевод начинается там, где кончается словарь», ошибочно предполагает, что при наличии словарного соответствия задача переводчика сводится к механическому переносу такого соответствия в текст перевода. При таком подходе переводческое творчество сводится лишь к уникальным решениям, необходимым в таких случаях, как перевод образов, каламбуров, жаргонизмов и т.п. В действительности, основные теоретические и практические проблемы перевода связаны с использованием всех ресурсов языка для достижения задач межъязыковой коммуникации.

Теория перевода описывает не то, что должно быть, а то, что есть, что составляет природу изучаемого явления. Нормативные рекомендации, вырабатываемые на основе лингвопереводческих исследований, могут быть

использованы как в практике перевода, так и при подготовке будущих переводчиков. Умение пользоваться такими рекомендациями, модифицируя их в зависимости от характера переводимого текста и условий и задач конкретного акта перевода, составляет важную часть переводческого мастерства. Знание нормативных требований не предполагает бездумного, механического выполнения этих требований переводчиком.

Перевод в любом случае представляет собой творческую мыслительную деятельность, выполнение которой требует от переводчика целого комплекса знаний, умений и навыков, способности делать правильный выбор, учитывая всю совокупность лингвистических и экстралингвистических факторов. Учет подобных факторов происходит во многом интуитивно, в результате творческого акта, и отдельные переводчики в разной степени владеют умением успешно осуществлять процесс перевода.

Глава 2. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОСТРЕДАКТИРОВАНИЯ МАШИННОГО ПЕРЕВОДА

В отношении редактирования машинного перевода (МП) традиционная классификация ошибок оказывается недостаточной, так как она не даёт представления о характере дополнительной лингвистической информации, необходимой для совершенствования системы машинного перевода. В этих условиях необходимо соотнести характер редакторской правки, свойств и недостатков контекста, её определяющих, и закономерностей формирования текста/контекста перевода в процессе машинного перевода.

С этой целью проводится анализ постредакторской правки. Основной принцип анализа – сравнение входного и выходного текстов, выделение элементов контекста, соответствующих друг другу в межъязыковом плане. При этом выявляются ошибки различного характера. Достаточно отметить, что неправильный перевод одного и того же слова, скажем омонима в пределах текста будет неоднократно повторен, причём в различных (например: предложных, именных, причастных) конструкциях и может повлечь, следовательно, другие типы ошибок (нарушение согласования или порядка слов, сочетаемости и пр.).

Непереведённые слова в выходном тексте на русском языке встречаются как английские словоформы. Причины: отсутствие английского слова в автоматическом словаре (АС); наличие орфографической ошибки в написании слова; не был произведён морфологический анализ английской словоформы и др. Учёт этой категории ошибок является единственной формой «реакции» человека на качество МП.

2.1. Лексические и лексикографические ошибки

На уровне АС можно выделить два вида лексикографических ошибок. Первый вид – «словарная ошибка»; она вызвана тем, что в АС английская единица (лексема) имеет русский эквивалент общелитературного, а не технического характера, какой необходим в данном конкретном случае (т.е. в системе специальной коммуникации); ср.: to confuse – смущать (МП) – спутать (ред.); occupation – оккупация (МП) – загруженность (ред.). Устранение такого рода ошибок должно сопровождаться введением соответствующих корректив в русскую часть АС.

Англ.	МП	Ред.правка
Declarations	декларации	описания
(is) resident	(есть) резидент	присущий
(are) confused	смущаются	спутаны
Dependent (on)	иждивенец	зависящий (от)
Stage	каскад	этап
States	штаты	устанавливает

Второй вид – «лексическая ошибка». Она заключается в том, что многозначному английскому слову был выбран из АС эквивалент, не соответствующий контексту. Причины появления этого вида ошибок – в недостаточно полном и точном лексикографическом описании условий «реализации» различных значений многозначного слова – грамматического контекста, моделей управления и лексических классов окружающих слов. Ср.: a single unit – единственное устройство (МП) – отдельное устройство (ред.).

При этом необходимо учитывать, что на специфику использования естественного языка в системе специальной коммуникации при переводе накладывается специфика межъязыковых соответствий, проявляющаяся в ассиметрии изменения значений общелитературных слов при их употреблении в специальных текстах, и несовпадение этих изменений в разных языках. Иными словами, предметная соотнесённость общелитературных слов специализируется при этом в каждом языке по-разному.

Так, для английского языка характерно использование в научно-технических и научных текстах лексики, которая в общелитературном языке обычно относится либо к одушевлённым существам, либо к их свойствам, качествам, что с точки зрения русского языка можно было бы расценить как эмоциональность выражения. При переводе такая лексика передаётся нейтрально. Кроме того, большинство «эмоциональных» слов английского языка в технических текстах используется в аналогичных друг другу функциях указания на технические характеристики различных устройств и часто переводится (переводчиками, но не в словарях) унифицированным эквивалентом. Так, в своей работе, Л.И. Борисова отмечает, что характеристики типа «attraction», «beauty», «strength», как правило, соответствуют в тексте русскому «преимущество», а слово «candidate», относящееся к различным системам, устройствам, – как «вариант» (Здесь и далее материал даётся в следующем порядке: отрезок входного текста (1); через косую черту – МП (2); через другую косую черту – редакторская правка (3); в скобках – сопутствующие ошибки, примечания, особенности контекста (4).)

Since it is not possible / с это не есть возможен / так как нет возможности (омонимия; глагол to be, наст.вр.); break / нарушение / разрыв; network / сеть / цепь; refining / очистка / уточнение; improvement of the ease / преимущество простоты / повышение простоты; capacity / способность / производительность; to choose / предпочитать / выбирать; at character generation / в характерном поколении / при генерации символов (омонимия; предлог).

2.2. Ошибки в переводе оборотов

Ошибки этого типа заключаются в том, что устойчивое или фразеологическое словосочетание английского языка или какая-либо речевая модель переводится на русский язык дословно (пословно), так как словосочетание не было включено в автоматический словарь оборотов. Состав и структура английских оборотов, встречающихся в технических текстах, весьма разнообразны, но, в основном, они носят общелитературный и общенаучный характер. По мере совершенствования системы возможно несколько способов устранения ошибок в их переводе, наиболее сложный, но и наиболее эффективный из которых – типологическое описание англо-русских соответствий на уровне грамматической модели. Часть оборотов должна быть включена в АС оборотов. Ср.: *above and beyond* – выше и сверх (МП) – помимо (ред.).

Многие речевые устойчивые выражения, традиционно не относимые к (ядру) фразеологии, в условиях МП становятся в значительной степени идиоматичными в виду содержания в них разного рода служебных слов, частиц и пр., многозначность которых проявляется именно при переводе. При МП правомерно говорить о внутриязыковой идиоматичности предлогов, некоторых союзов, наречий, так как их перевод в значительной степени зависит от управляющего/управляемого слова или шире – от лингвистического, ситуативного, предметного или тематического контекста. Как и общеупотребительная лексика, фразеология имеет свои особенности функционирования как в системе специальной коммуникации вообще, так и в отдельных областях знания – в частности. Кроме того, некоторые обороты приобретают терминологический характер. Всё это необходимо учитывать при формировании словарной статьи входного языка для перевода на выходной язык.

По этому поводу Д.Г. Зайдин отмечает, что рекомендуемый словарями перевод оборотов, содержащих различные служебные слова, часто не совпадает по значению с контекстом, поэтому на практике они переводятся иначе: «*in fact*» – не «в действительности» (что отражает противопоставление предыдущему высказыванию), а «даже», «более того» (что соответствует тому контексту, в котором обычно это выражение используется и который подразумевает усиление высказанной мысли). Наречие «*moreover*» в словаре имеет эквивалент «более того», тогда как в контексте оно обычно связывает стилистически равноценные высказывания и соответствует русскому «кроме того»; аналогично оборот «*whenever necessary*» в контексте обычно соответствует русскому «при необходимости». Ср.: *Control is done using* / управление должно использоваться / обеспечивается путём использования (пассив; согласование); *at the time of* / во времени / во время; *This must above all be accomplished* / это должно главным образом быть выполнено / это должно быть выполнено прежде всего (порядок слов); *in two stages* / в двух каскадах / на двух этапах

(лексическая ошибка; предлог); *With this in mind* / С учётом это / Учитывая это (согласование); *it not being necessary* / это не будучи необходимой / т.к. это не является необходимым (герундий).

2.3. Ошибки в переводе предлогов

Ошибки этого типа заключаются в том, что в АС не учтено (сильное) предложное управление, в частности глаголов, отглагольных существительных, в результате чего предлоги переводятся автономно и поэтому в большинстве случаев неверно. Ср. *access to ...* – доступ в ... (МП) – доступ к ... (ред.), *to adapt with ...* – приспособить с ... (МП) – приспособить к ... (ред.).

Важно, что семантические и синтаксические свойства предлогов (управление, значение) – явление исключительно внутриязыковое, так как значение многозначного предлога в каждом конкретном случае его употребления можно установить только в соответствующем контексте. Кроме того, материал показывает, что автономное включение многозначных предлогов в словарь (т.е. безотносительно к управляющему / управляемому слову) вызывает значительное количество ошибок в самых разнообразных синтаксических конструкциях – при переводе именных групп, устойчивых речевых моделей, оборотов, в связи с установлением падежного управления, при переводе пассивных конструкций и др.

Особенно много ошибок вызывает перевод таких предлогов, как *of, for, in, on* и др. Отсутствие указания на предложное управление в английской части словаря и вариантов перевода предлогов – в русской, влечёт за собой неправильный перевод именных групп, требующий «восстановления» сильноуправляемого предлога.

Конкретная предметная область может накладывать ограничения на функционирование различных языковых элементов, в том числе и предлогов. Относительно последних такое влияние проявляется в том, что термины могут приобретать в текстах данной тематики устойчивое предложное управление, не характерное для них в общенаучном или общелитературном употреблении. Следовательно, предлоги должны быть как можно более полно включены в словарь как лингвистический контекст соответствующих лексем. Ср.:

Specifications on system planning / характеристики на планировании / характеристики планирования (сочетаемость); *through the formulation* / через формулировку / из-за формализации; *with the exception of* / с исключением / после исключения; *within limits* / в разбросе / в пределах; *at the stage...* / в стадии / на стадии (сочетаемость).

2.4. Нарушение согласования/управления

Нарушение согласования/управления – наиболее распространённая ошибка в МП, так как она может быть вызвана сбоем в работе любого из многочисленных грамматических блоков в системе – морфологическими, синтаксическими, словообразовательными и др. Неправильное согласование слов в предложении проявляется в неправильно приписанных роде, падеже, числе существительным, прилагательным, числительным, причастиям и лице, числе, наклонении – глаголам, деепричастиям и усугубляется «нанизыванием» неправильных грамматических форм (окончаний) в сложных синтаксических конструкциях и их «накладыванием» на другие типы ошибок: неправильное решение омонимии. Лексические ошибки, ошибки в переводе именных групп, причастных, деепричастных, абсолютных и пр. оборотов и многие другие.

Основные причины нарушения согласования/управления слов в том, что: 1) в АС не задано падежное управление (управляющего) слова (ср.: system simulation – моделирование систему (МП) – моделирование системы (ред.); 2) В АС не зафиксировано предложное управление (ср.: involve in subsequent planning stages – включать в последующих планирующих этапах (МП) – включать в последующие этапы планирования (ред.); 3) в АС не описано управление неосновных частей речи – местоимений, наречий, числительных и пр.: 20 objects – 20 объекты (МП) – 20 объектов (ред.); 4) Неправильно установлены подчинительные связи или функции слова в предложении: The text is written using the teletype – текст написан использующих телетайпом (МП) – текст записывается посредством (использования) телетайпа (ред.); 5) недостаточно учтён фактор согласования окончаний адъективных и пассивных причастных конструкций, причастных и деепричастных оборотов и др., ср.: be using the described procedure – посредством использования описанного процедуры (МП) – посредством использования описанной процедуры.

2.5. Ошибки в переводе пассивных конструкций

Причины неправильного перевода пассивной конструкции могут быть различными: 1) дословный перевод конструкции или её неправильное выявление (не снята омонимия); ср.: is to be read – должна быть считыванием (МП) – должна быть считана; 2) неправильно синтезирована форма русского причастия: regulations are known – инструкции знают (МП) – инструкции известны (ред.); 3) не учтена возможность сочетания причастия с различными группами вспомогательных и модальных глаголов: will become accustomed – станет привыкший (МП) – привыкнет (ред.); 4) не учтена позиция причастия – препозитивная или постпозитивная.

Пассивные конструкции – одна из наиболее характерных стилистических черт английского научно-технического текста, где обычно описываются объекты, над которыми производятся определённые операции. Отсюда – и важность правильного перевода пассивных конструкций.

Как отмечает Сейгер, доля пассивных конструкций в английском научно-техническом тексте составляет 26-32% глагольных форм, тогда как в художественной литературе – примерно 2,2%. Использование пассива способствует фокусированию внимания читателя на причине, следствии, действии, что более важно в техническом тексте, чем в каком-либо другом. Широкое использование пассива в английском языке вызвано ещё и отсутствием рефлексивных форм глаголов.

Так как в большинстве случаев пассивные формы при МП распознаются, то открытым остаётся лишь вопрос о предпочтительных моделях синтезирования их русских эквивалентов. Так, большинство пассивных причастий в переведённых текстах имеют формы несовершенного вида, исправленные редактором на совершенный вид: «are shown», «are known», «are provided with» – «показаны», «известны», «снабжены», однако возможны и обратные случаи: «are structured» – «структурируются». Очевидно, что некоторые случаи перевода зависят от характера называемого действия – одно из условий устранения ошибок в переводе пассивных конструкций. Ср.: is to be written / должен писаться / должен быть записан (нормативная правка); it is created and opened / это создаётся и открывается / он создан и открыт (нормативная правка); for the elements marked / отличные элементы / отмеченные элементы (нормативная правка); will become accustomed / станет привычным / привыкнет (согласование; нормативная правка).

Таким образом, необходимо соотносить характер редакторской правки, свойств (и недостатков) контекста, её определяющих и закономерностей формирования текста/контекста перевода в процессе МП. С этой целью проводится анализ постредаторской правки, в процессе которого выявляются ошибки. Достаточно отметить, что неправильный перевод одного и того же слова. Скажем, омонима в пределах текста будет неоднократно повторен, причём в различных конструкциях и может повлечь, следовательно, другие типы ошибок (нарушение согласования или порядка слов, сочетаемости и пр.).

Глава 3. ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДА ИМЕН СОБСТВЕННЫХ

В наше время широких международных связей иностранные имена и названия образуют значительную часть словарного состава русского языка. Трудно представить себе работника науки и культуры, специалиста в любой отрасли человеческой деятельности, который не употреблял бы имен собственных и названий, заимствованных из иностранных языков. Многие из них – журналисты, ученые, редакторы, переводчики, референты, библиографы, библиотекари и другие – повседневно сталкиваются с необходимостью писать иностранные имена и названия в русском тексте. Для того чтобы грамотно писать иностранные имена по-русски, необходимо знание соответствующих правил и принципов. Однако правильность есть нечто относительное, меняющееся с появлением новых норм и предписаний, инструкций и т.д. Необходимо также представлять себе, как поступить, если буквально применимого правила не окажется (а это может случиться, так как всего предусмотреть нельзя). Необходимо, следовательно, сознательное усвоение основ транскрипции, понимание природы собственного имени и овладение достаточно тонкими и разнообразными приемами передачи иноязычных имен, имеющих в русском языке.

Имена и названия всегда играли особую роль. С выяснения имени начинается знакомство людей друг с другом. Собственные имена чрезвычайно важны для общения и взаимопонимания людей. От нарицательных слов их, кроме прочего, отличает тенденция к универсальности использования. Например, переходя к разговору на другом языке, приходится использовать иные нарицательные слова в отношении знакомых предметов и понятий. Таким образом, имена собственные становятся опорными точками в межъязыковой коммуникации и тем самым, в изучении иностранного языка и переводе с него. Это породило иллюзию того, что имена и названия не требуют особого внимания при изучении иностранного языка и переводе с него. Такой подход основан на заблуждении.

Имена собственные действительно помогают преодолеть языковые барьеры, но в своей изначальной языковой среде они обладают сложной смысловой структурой, уникальными особенностями формы и этимологии, многочисленными связями с другими единицами и категориями языка. При передаче имени на другом языке большая часть этих свойств теряется. Если не знать или игнорировать эти особенности, то перенос имени на другую лингвистическую почву может не только облегчить, но и затруднить идентификацию носителя имени. Считается, что имена собственные «переводятся» как бы сами собой, автоматически, сугубо формально. Результатом подобного формального подхода являются многочисленные ошибки, разночтения, неточности в переводе текстов и использовании иноязычных имен и названий. А иной раз наоборот – возводимая в абсолют «точность» передачи приводит к возникновению неудобопроизносимых,

неблагозвучных или обесмысленных имен и названий. Такое положение отчасти объясняется и слабой научной разработанностью вопроса. Хотя ономастика не была лишена внимания лингвистов, ими мало исследовался вопрос о закономерностях межъязыкового переноса лексических знаков этой категории. Отсюда и явные проблемы в освещении данной темы всевозможными учебными курсами.

Для рассмотрения способов перевода имен собственных необходимо рассматривать некоторые теоретические аспекты данной проблемы. Во-первых, необходимо продемонстрировать сложности и «подводные камни», связанные с межъязыковым функционированием имен и названий. Во-вторых, изложить основные принципы перевода собственных имен. В-третьих, ставится задача получить конкретные практические знания, связанные с особенностями тех или иных собственных имен. Рассмотрим основные способы перевода имен собственных на примере перевода некоторых групп собственных имен, имеющих непосредственное отношение к деятельности Центрального научно-исследовательского института морского флота (ЦНИИМФ).

Приводятся указания по практической транскрипции (транслитерации) собственных имен с английского языка на русский и с русского на английский. Настоящая работа актуальна в силу того, что мы постоянно сталкиваемся с определенными трудностями при переводе имен собственных. Это вызвано тем, что автор не всегда знает, каким способом или способами перевести то или иное имя собственное.

3.1. Способы перевода собственных имен

Как известно, имена собственные служат для особого, индивидуального обозначения предмета безотносительно к описываемой ситуации и без обязательных уточняющих определений. Все имена собственные обладают значением предметности, то есть частью их содержания является как бы обобщение о существовании некоего предмета (или сущности, которую мы представляем себе как предмет). Большинство имен собственных обозначает какой-то класс предметов, среди которых один предмет выделяется особо. Странно было бы вообще говорить об «антропонимах», «топонимах» и других категориях имен собственных, если бы они не были связаны соответственно с понятиями «человек», «территориальный объект» и т.п. или если бы эта связь была чем-то полностью зависящим от контекста и личного желания говорящих. Имена собственные несут в себе какую-то информацию именно об этом предмете, о его свойствах. Эта информация может быть богатой или бедной, и она бывает в разной степени известна в разных сферах общения. Если такая информация получает распространение в масштабах всего языкового коллектива, то это значит, что сведения о данном предмете являются частью языкового значения имени собственного.

Вопрос о значении имени собственного имеет не только теоретический интерес. Он становится чрезвычайно актуальным при межкультурных и межъязыковых контактах. Казалось бы, имена собственные легко пересекают межъязыковые барьеры, поскольку стремятся сохранить свою внешнюю форму и при использовании вне сферы «родного» языка. Однако иной раз весьма существенным элементам их содержания бывает гораздо труднее преодолеть такие барьеры. А без сохранения своего значения имена собственные не могут функционировать в иной языковой среде. Отсюда – возможные проблемы непонимания и неточного восприятия текстов, содержащих имена.

На первый взгляд может показаться, что перевод имен собственных не представляет особых трудностей. Даже переводом это называется весьма условно: ведь, как правило, имена собственные транскрибируются или транслитерируются. В современной лингвистике собственные имена часто определяются как называющие лексические единицы в отличие от нарицательных слов, которые считаются обозначающими единицами. Другими словами, у имен собственных «на первый план выходит функция номинативная – называть, чтобы отличать однотипные объекты друг от друга, в противоположность именам нарицательным, основная функция которых – называть, чтобы сообщать значение, коннотировать».

Особенность имен и названий, в отличие от многих заимствованных иностранных слов, состоит в том, что при передаче их на другом языке они в основном сохраняют свой первоначальный звуковой облик. Причина этого заключается в специфике семантической структуры собственного имени. При передаче имен собственных первостепенную важность принимает звуковая оболочка. Это происходит потому, что они обозначают индивидуальные объекты непосредственно, минуя ступень представления или общего понятия (референта). Некоторое осложнение в любую возможную теорию имени собственного вносит тот факт, что, помимо типичных собственных имен (Василий, Маруся, Москва, Америка и т.д.) имеются и такие, которые в какой-то мере имеют мотивировку или значение, например, Российская Федерация, Институт горного дела, а также названия книг, кинокартин («Вий», «Три тополя на Плющихе» и т.д.). Существует несколько принципов перевода собственных имен: транслитерация, транскрипция, транспозиция, калькирование. Рассмотрим эти способы подробнее.

3.1.1. Транслитерация

Транслитерация – «формальное побуквенное воссоздание исходной единицы с помощью алфавита переводящего языка, т. е. буквенная имитация формы исходного слова». Транслитерация отличается от транскрипции своей простотой и возможностью введения дополнительных

знаков. Транслитерация часто применяется при составлении библиографических указателей и при организации каталогов. Например, когда надо собрать в одном месте каталога описание всех произведений отечественного автора на иностранных языках. Как способ включения иностранного слова в русский текст транслитерация менее употребительна, так как при транслитерации сильно искажается звуковой облик иноязычного имени.

Рассмотрим принцип транслитерации. О транслитерации говорят тогда, когда языки пользуются различными графическими системами (например, английский, русский, греческий, армянский, грузинский), но буквы (или графические единицы) этих языков можно поставить в какое-то соответствие друг другу, и согласно этим соответствиям происходит межъязыковая передача имен собственных. Поскольку, например, латиница, греческий алфавит и кириллица имеют общую основу, то большинство букв этих алфавитов могут быть поставлены в соответствие друг другу с учетом тех звуков, которые они регулярно обозначают.

Транслитерация имеет как преимущества, так и недостатки. Преимущества очевидны – письменный вариант имени не искажается, его носитель имеет универсальную, независимую от языка идентификацию. (Это немаловажное соображение – например, фамилия Ельцин передается по-английски как Yeltsin, а по-французски как Eltsine). Иногда трудно восстановить исходную форму иностранного имени или фамилии, данной им в русской транскрипции, то есть с ориентацией на звучание, а не на написание имени (например, Юнг – Young или Jung? Ли – Leigh, Lee или Lie?). При транслитерации в еще большей степени, чем при прямом переносе, заимствующий язык навязывает имени произношение по собственным правилам. Особенно ярко эта тенденция проявляется в отношении античных и других историко-мифологических имен, чтение которых в западноевропейских языках почти стопроцентно следует правилам принимающего языка: например, по-английски Афродита (Aphrodite). Сейчас транслитерация в чистом виде в русской языковой практике не применяется. Дело в том, что в английском, французском, немецком, венгерском и других языках многие буквы латинского алфавита либо изменили свое звуковое значение, либо читаются нестандартно в определенных буквосочетаниях и словах. Поэтому транслитерация их русскими буквами, если ее проводить последовательно, будет порождать варианты этих имен, мало похожие при чтении на оригиналы. Допустима и реально имеет место практика прямого переноса имени, то есть написания его латинскими буквами. Прямой перенос очень редко практиковался, в частности, в советский период, но иногда это допускалось в специальных научных текстах, в том числе медицинских. Например, писалось: «Как отмечал Freud в работе...».

С конца 80-х годов практика прямого переноса стала распространяться все шире и шире. При заимствовании имен собственных их передача может

ориентироваться и на письменную (графическую) форму. Возможен простой перенос графической формы имени без изменений из текста на одном языке в текст на другом языке. Такое чаще всего практикуется, когда языки пользуются общей графической основой письменности. Такой практики придерживаются в большинстве стран, пользующихся латинской графикой.

В западноевропейских языках имена собственные, заимствуемые из одного языка в другой, как правило, не меняют орфографию: так удобнее читателям, которые благодаря этому подходу могут легко ориентироваться в любых письменных источниках. Например, при использовании в англоязычном тексте имени из языка, письменность которого основана на латинице, имя собственное не претерпевает изменение. При этом в принципе желательно, чтобы воспроизводились и те буквы, которые отсутствуют в английском алфавите. Недостаток практики прямого переноса состоит в том, что говорящие на другом языке часто не могут определить по написанию, как произносится иноязычное имя собственное. Переносимая имя в неизменной форме, носители принимающего языка нередко навязывают имени произношение, соответствующее правилам чтения на их родном языке. Например, французы произносят имя Моцарта (Mozart) так, как если бы это было французское именование, – [mozar].

3.1.2. Транскрипция

В целом большинство имен и названий передается в настоящее время средствами графики, то есть способом транскрипции. Хотя имя собственное призвано идентифицировать предмет в любой ситуации и любом языковом коллективе, оно в подавляющем большинстве случаев обладает национально-языковой принадлежностью. В каждом языковом коллективе имеются лица иной национальной принадлежности. При передаче на другой язык возникает вопрос: в какой мере эти имена сохранили своеобразие того языка, из которого пришли. Английский врач и лексикограф Peter Mark Roget, всю жизнь прожил в Англии, но унаследовал от родителей-французов фамилию, которая произносится Роже. Англичане также произносят эту фамилию на французский манер, но со свойственными их произношению особенностями: [rouʒei]. Если бы мы решили воспроизвести фонетический облик этой фамилии так, как она произносится в англоязычных странах, то надо было бы писать Роужей. Но поскольку даже в англоязычной языковой среде эта фамилия ощущается как французская, то и на русский эту фамилию следует передавать по правилам практической транскрипции с французского языка, т.е. Роже.

Имя собственное всегда реалия. В речи оно называет действительно существующий или выдуманный объект мысли, лицо или место, единственные в своем роде и неповторимые. В каждом таком имени обычно

содержится информация о локальной и национальной принадлежности обозначаемого им объекта. Транскрибированные имена собственные наряду с остальными реалиями являются теми немногими элементами перевода, которые сохраняют определенное национальное своеобразие в своей словесной звуковой форме. Испанское слово, например, даже будучи записанным кириллицей, остается испанским словом и не теряет своего национального колорита. Испанские имена Nicolas, Andres или Ana, совсем похожие на Николая, Андрея и Анну, не становятся обрусевшими под пером переводчика, а передаются как Николас, Андрее и Ана.

При переводе с русского языка надо особенно внимательно относиться к именам иностранного происхождения, транскрибированным по-русски. В этом случае следует стремиться восстановить орфографию имени на том языке, из которого оно происходит. Проблема национально-языковой принадлежности связана также с античной и библейской этимологией имен. Носители современных имен могут по ассоциации быть сравнены со своими тезками в истории и мифологии. Возникает дилемма: ориентироваться ли на современную форму данного имени в исходном языке (например, Илайджа, Рут, Хейгар) или на его исторический или мифологический прототип в том виде, в каком он зафиксирован на языке перевода (соответственно Илия, Руфь, Агарь).

Очень ответственно следует подходить к текстам на английском языке, в которых содержатся европейские имена собственные неанглийского происхождения. В этом случае при передаче имен не действуют, конечно, правила англо-русской транскрипции, а необходимо учитывать правила практической транскрипции с языка оригинала. Именно в этих целях приведены сводные правила практической транскрипции с английского языка на русский и с русского на английский. К сожалению, в русском языке уже широко распространились неправильные с точки зрения правил транскрипции с восточных языков варианты названия японских и корейских корпораций: Toshiba – Тошиба (правильно Тосиба), Hitachi – Хитачи (правильно Хитати), Samsung – Самсунг (правильно Самсон) и др.

К сожалению, эти лингвистически некорректные названия уже приняты и самими этими компаниями на российском рынке, поэтому в ряде случаев приходится считать их уже устоявшимися «традиционными» соответствиями и использовать в дальнейшем. Транскрипции подлежат всевозможные собственные имена (названия лиц, географических объектов, небесных тел, учреждений, организаций, морских и речных судов, фирм, гостиниц, ресторанов, газет, журналов, сценических постановок и т.д.). Обыкновенно мы даже не представляем себе, как велико число собственных имен в любом языке: оно в сотни раз превышает словник любого, даже самого полного из словарей. Это естественно, так как соотношение собственных имен и апеллятивной лексики приблизительно соответствует соотношению известных единичных предметов и общих понятий.

Отсутствие единой транскрипционной системы во многих случаях затрудняет понимание текстов и отождествление лиц и объектов. Несомненно, что далеко не все в транскрипции может быть формализовано; в частности, когда транскрипция выступает как компонент в обширной системе художественного перевода, нормы транскрипции не могут быть полностью унифицированы и многое остается на долю художественного чутья переводчика и редактора. В то же время, для того чтобы давать удачные варианты транскрипции, обоснованно отклоняющиеся от формальной нормы, полезно и даже необходимо овладеть этой нормой в максимальной степени. В данном случае полностью применим тезис Л. В. Щербы относительно того, что «...авторов, вовсе не отступающих от нормы, конечно, не существует... Когда чувство нормы воспитано у человека, тогда-то он начинает чувствовать всю прелесть обоснованных отступлений от нее». И далее он дает определение транскрипции: «Под транскрипцией понимают передачу звуков или начертаний языка системой знаков, отличных от принятых в этом языке письменных единиц».

В лингвистических исследованиях для научных целей применяется фонетическая транскрипция, использующая условную систему знаков. «При практической транскрипции используется исторически сложившаяся орфографическая система того языка, на который передаются иностранные имена и названия». Практическая транскрипция является средством включения слов одного языка в текст другого с приблизительным сохранением звукового облика этих слов. Неизбежная приблизительность практической транскрипции – следствие несовпадения ряда фонем в различных языках. Практическую транскрипцию следует отличать, с одной стороны, от перевода и, с другой стороны, от транслитерации. Общим для транскрипции, перевода и транслитерации является то, что они служат средствами передачи слова из какого-либо языка в заимствующий язык; различие заключается в средствах, используемых для этой передачи. Транскрипция собственных имен с английского языка нередко представляет значительную трудность в связи с рядом обстоятельств.

Во-первых, причиной транскрипционных трудностей является то, что историческое развитие английской орфографии привело к ее значительному расхождению с произношением, к обилию непроизносимых или произносимых в различных словах по-разному букв и буквосочетаний. Кроме того, отличительной чертой английской орфографии и, прежде всего, орфографии собственных имен является нередкое усвоение иноязычных буквосочетаний с полным или частичным сохранением особенностей их произношения.

Второй трудностью, существенной для транскрипции английских имен и названий, является отсутствие в русском языке ряда фонем, имеющих в английском. Таковы, например, фонемы, представленные буквосочетанием

th; далее, в русском языке нет фонематического противопоставления долгих и кратких гласных и т. д.

В-третьих, имена могут иметь различное произношение в разных странах английского языка. Известно, например, что английская буква «а» в той же позиции, где в южно-английском произношении она соответствует произношению [a:], например, last, в ряде диалектов на севере Англии, в Австралии или на юге США произносится иначе.

Очевидно, что во многих случаях нельзя игнорировать особенности произношения географических названий местными жителями, особенности произношения личных имен носителями этих имен во преименно связанные с этим разновидности американского (в США и Канаде), австралийского и т.д. произношения. Например, топоним Wrath обычно произносится англичанами и в Шотландии разными способами.

В-четвертых, является скорее правилом, а не исключением такое положение, когда к транскриптору попадает английское собственное имя в его графической форме, без фонетической транскрипции или специальных указаний на произношение. В таких случаях, особенно если в состав собственного имени входят сочетания, произношение которых может быть различным, желательно уточнить чтение имени по каким-либо специальным справочникам, среди которых можно привести, например, списки фамилий с транскрипцией в словаре Уэбстера.

Существенным отклонением принятой русской транскрипции от английского оригинала может являться перестановка ударения в имени на другой слог (Арнольд). Ударение при этом в русской транскрипционной или традиционной передаче сдвигается обычно в направлении к концу слова, например Agatha. Ряд английских личных имен, наряду с правильной транскрипционной, имеет и чисто традиционную передачу. К этой передаче следует прибегать, в частности, при переводе архаических текстов, а также тогда, когда нет уверенности, что родной язык носителя транскрибируемого имени – английский.

Таким образом, некоторые английские имена при заимствовании в русский язык как бы расщепляются на два варианта: традиционный и транскрипционный, или же традиционный и менее традиционный. Например, имя Antony транскрибируется через Энтони, но может передаваться также через Антони или Антоний. Транскрипция иноязычных имен часто приводит к появлению не свойственных русскому языку звуко- и буквосочетаний (например, йо, уэ, жю, иэ, ця): это часто делает их трудночитаемыми. Вот почему при передаче имен возможны некоторые отступления от общих правил транскрипции, нацеленные на более удобное произнесение имени в принимающем языке, особенно если этого требует характер переводимого текста. Так, имя известного персонажа немецкой литературы Munchhausen по общим правилам практической транскрипции передается на русский язык как Мюнхгаузен.

Чуковский К.И. в своем пересказе романа Э. Распэ о приключениях барона, предназначенном для детей, учел труднопроизносимость сочетания -хг- и остановился на более благозвучном варианте – Мюнхаузен. Кроме того, возможны звуко сочетания, вызывающие в принимающем языке нежелательные ассоциации с лексикой сниженного регистра, включая вульгаризмы и бранные слова. В этом случае предпочтительнее оказываются варианты, отступающие от фонетического принципа или регулярных правил транскрипции. Это касается, например, передачи начального слога her- в английских и немецких именах Herbert, Hermann, Hermione и т.п. В русском языке давно сложилась традиция транскрибировать их, не используя букву «х», чтобы не создавать неприятных звуко сочетаний. Вместо нее употребляется буква «г»: Герберт, Герман, Гермiona.

О благозвучии переводчики заботятся и при передаче имени собственного с русского на иностранные языки. Так, в 70-х годах XX века в состав правящего в Советском Союзе Политбюро ЦК КПСС входил деятель по фамилии Шитиков. На английский язык советские информационные агентства передавали эту фамилию не как Shitikov, а как Chitikov, чтобы избежать ассоциации с английским вульгаризмом. Межкультурные и межъязыковые контакты имеют многовековую историю. Имена и названия давно заимствуются из одного языка в другой, претерпевая самые разнообразные искажения или меняя свой облик в ходе развития и трансформации языков. При сопоставлении многих имен собственных, которые обозначают одни и те же предметы в разных языках, часто заметно, как они непохожи.

Даже в пределах одной страны могут сосуществовать разные варианты одних и тех же названий. Например, в Швейцарии, где официальными являются четыре языка (немецкий, французский, итальянский и ретороманский), сосуществуют дублиеты названий городов: Сьер – Sierre и Siders и др. Многие имена собственные пришли в русский язык давно и не всегда из первоисточника. Это особенно касается исторических, религиозных, фольклорно-мифологических и литературных имен и названий. Не все из них читаются и пишутся так, как предполагают современные нормы и рекомендации в области практической транскрипции. Также транскрибированию подлежат следующие группы имен собственных: личные имена людей, уменьшительные имена, прозвища, фамилии, клички животных, топонимы, астронимы, названия судов, самолетов, космических кораблей, названия организаций и учреждений, журналов, книг, кинофильмов и т.д.

3.1.3. Транспозиция

Кроме транскрипции и транслитерации, в практике заимствования и передачи имен наблюдается еще один слабоизученный принцип – принцип этимологического соответствия, или транспозиции. Транспозиция заключается в том, что имена собственные в разных языках, которые различаются по форме, но имеют общее лингвистическое происхождение, используются для передачи друг друга. В одних случаях транспозиция применяется регулярно, в других – эпизодически. Это можно пояснить на примере трех близкородственных славянских языков. В отличие, например, от западноевропейских языков, где практикуется транслитерация, одно и то же имя или название имеет разное произношение и написание в русском, украинском и белорусском языках. Такая транспозиция последовательно проводилась, например, еще в паспортной системе СССР. Как известно, в национальных республиках Советского Союза титульная страница паспорта дублировалась на двух языках – русском (как официальном языке Советского Союза) и официальном языке союзной республики. При сравнении записей на двух страницах паспорта можно было видеть, что, например, фамилия Ермолова по-белорусски пишется Ярмолава, имя Валентина как Валянцина, русские имена Николай, Алексей, Павел по-украински имеют вид Мола, Алексей, Павло и т.д. При передаче таких имён на английский язык украинский и белорусский варианты таких имен собственных не принимались во внимание, так как официальным языком всего Советского Союза являлся русский, и варианты на латинице строились по принципам практической транскрипции с русского языка.

Однако после распада СССР бывшие союзные республики стали самостоятельными государствами, и русский язык утратил у них прежний статус. Поэтому, начиная с 90-х годов, изменилось и написание на латинице многих имен собственных, относящихся к бывшим республикам СССР и их гражданам. Название столицы Украины теперь всё чаще передаётся на английский язык не Kiev, как раньше, а Kyiv. Принцип транспозиции используется и в русско-английских соответствиях, однако уже в особых случаях, и касается он прежде всего исторических и библейских имен, а также имен монархов. Издавна сложилась следующая практика перевода: Имена монархов и религиозных деятелей передаются, как правило, по методу транспозиции. Другими словами, король James должен по-русски именоваться не Джеймсом, а Иаковом.

3.1.4. Калькирование

Наряду с переводческой транслитерацией для языковых единиц, не имеющих непосредственного соответствия в переводящем языке иногда применяется калькирование – воспроизведение не звукового, а комбинаторного состава слова или словосочетания, когда составные части

слова (морфемы) или фразы (лексемы) переводятся соответствующими элементами переводящего языка. Калькирование как переводческий прием послужило основой для большого числа разного рода заимствований при межкультурной коммуникации в тех случаях, когда транслитерация была неприемлема из эстетических, смысловых или иных соображений. Историческое развитие языков показывает многочисленные примеры межъязыковой корреляции, чаще всего по функциональному признаку, например, русские суффиксы -ель, -чик/щик/ник, -ец и т.п. коррелируют с английскими суффиксами – *-er/or, -ist*; русские префиксы не-, без- прямо ассоциируются с английскими приставками *un-, in/im-, non-*. Благодаря интенсивному межъязыковому взаимодействию многие европейские языки включают общие строевые морфемы, например: -ист, -изм, -ор, -дис, -ион, и т.д. Многие корневые морфемы также имеют прямое соответствие в русском и английском языках, например:

Скамья – *bench*, война – *war*, money – деньги.

Большое количество словосочетаний в политической, научной и культурной областях практически представляют собой кальки:

Глава правительства – *head of government*, Верховный Суд – *Supreme Court*.

В отличие от транскрипции, калькирование не всегда бывает простой механической операцией перенесения исходной формы в переводящий язык; зачастую приходится прибегать к некоторым трансформациям. В первую очередь это касается изменения падежных форм, количества слов в словосочетании, аффиксов, порядка слов, морфологического или синтаксического статуса слов и т.п. Например, английское слово *skinheads* калькируется с изменением как семантического значения слова *skin*, так и с общей трансформацией – бритоголовые; английское выражение *two-thirds majority* требует как морфологической, так и синтаксической трансформации, оставаясь, тем не менее, калькой в русском языке – большинство в две трети (голосов). Некоторые аффиксы в английском языке соответствуют самостоятельному признаку, выражаемому прилагательным в русском языке, что также включает необходимые трансформации в процесс калькирования, например:

Maldistribution of costs – неправильное распределение затрат, *non-taxable income* – не облагаемый налогом доход и т.п.

Калькированию обычно подвергаются термины, широко употребляемые слова и словосочетания:

Зимний дворец – *Winter Palace*;

White House – Белый дом;

названия художественных произведений:

«Белая гвардия» – *The White Guard*;

Over the Cuckoo's Nest – «Над кукушкиным гнездом»;

названия политических партий и движений: the Democmatic Party – Демократическая партия, Наш Дом – Россия – Our Home Is Russia;

исторические события: нашествие Бату-Хана – the invasion of Batu-Khan; или выражение *плоды просвещения* – the Fruits of the Enlightenment и т.д. В некоторых случаях, особенно в отношении исторических событий и периодов или культовых объектов, действуют несколько параллельных соответствий, например: две разных кальки или калька и транскрипция: смутные времена – the period of unrest или the Time of Trouble, Успенский собор – Uspensky Sobor или the Cathedral of the Assumption, раскольники-староверы – raskolniki или Old Believers.

Титул великого князя Киевской Руси вообще передается в разных источниках, по крайней мере, тремя разными вариантами: великий князь Киевский – the Kievan Grand Duke, the Great Prince of Kiev, Kiev Grand Prince.

Географические названия гор, озер, морей и т.п. переводятся путем калькирования, если в них входят «переводимые» компоненты: Ivory Coast – Берег Слоновой кости, the Salt Lake – Соленое озеро, the Black Sea – Черное море. Если же в название входят слова, значение которых забыто или по каким-либо причинам не может быть переведено, употребляется смешанный способ, когда часть названия переводится транскрипцией, однако в целом сохраняется принцип калькирования: Ладожское озеро – Lake Ladoga, River Dart – река Дарт.

Выбор калькирования, транслитерации или смешанного способа часто задается словарем, однако многие случаи, особенно связанные с историко-культурными именами, редкими географическими названиями, новыми терминами, требуют самостоятельного решения переводчика. Вот несколько соображений, которые могут помочь сформулировать переводческую позицию:

Во-первых, выбор в пользу точности (буквальности) перевода не всегда бывает самым удачным, поскольку в результате создается слишком неудобное для восприятия слово – это нередко случается при дословном калькировании (например, перевод Лондонский Тауэр предпочтительнее, чем Тауэр Лондона, хотя по структуре последний ближе к исходной единице).

Во-вторых, калькирование нередко становится более предпочтительным способом перевода, чем транскрипция, поскольку в результате транскрипций создаются неудобочитаемые и, что гораздо хуже, слова, не имеющие смысла в переводящем языке. Если транскрипции вообще не удастся избежать, то ее, как правило, сочетают с калькированной формой, что часто встречается при переводе имен-прозвищ. Специфическим осложнением при использовании этого способа является необходимость развертывания или свертывания исходной структуры, то есть добавления в нее дополнительных элементов или сокращения исходных элементов: Юрий Долгорукий – Yury the Long Hands.

В целом можно констатировать, что выбор той или иной возможности передачи собственных имен, сохранивших определенную семантику, т.е. выбор транслитерации или перевода, – обуславливается традицией, с которой не могут не считаться переводчики даже в тех случаях, когда они встречаются с именами вымышленными или прозвищами, хотя здесь колебания значительно часты. Что касается собственных имен, не имеющих своей семантики в современном языке, то по отношению к ним вопрос о переводе, естественно, не встает, и аналогия с формами передачи реалий здесь прекращается.

3.1.5. Антропонимы

Антропоним – это имя собственное (или набор имен, включая все возможные варианты), официально присвоенное отдельному человеку как его опознавательный знак. Сюда относятся собственные имена, обозначающие данное конкретное лицо. Антропоним называет, но не приписывает никаких свойств. Когда мы впервые слышим в речи или встречаем в тексте антропоним, то он всего лишь указывает на какой-то широкий круг людей (например, имя Jim сообщает, что речь идет о мужчине, предположительно представителе англоязычной этнической общности) и только частично индивидуализирует референта, отграничивая его от носителей других имен, но не от обладателей того же самого имени (потому что мужчин по имени Jim много).

Однако в речевой практике антропоним постепенно обретает способность к более точной идентификации человека. Это происходит тогда, когда определенный круг лиц связывает значение ряда известных им признаков данного человека с его именем. Правда, вне этого круга лиц эти признаки могут быть неизвестны. Такой круг людей, характеризующийся социальной или территориальной общностью любого рода (например, семья, круг знакомых, профессиональный коллектив, население какой-либо местности и т.д.), и является той коммуникативной сферой, или сферой общения, в которой реализуется индивидуализация человека.

Рассмотрим один из важнейших, а в некоторых случаях научно-технического перевода даже единственный встречающийся вид собственных имен – фамилии. Этот вид собственных имен практически во всех случаях подлежит транскрибированию, и в ряде языков фамилии могут по форме иногда совпадать с личными именами. Последнее обстоятельство нередко приводит к замешательству. Выйти из положения можно, но для этого нужно хорошо знать личные имена и структуру имени и фамилии в странах соответствующего языка. При передаче фамилии русское соответствие, естественно, должно вписываться в грамматико-синтаксическую систему русского языка. Мужские фамилии, оканчивающиеся на согласный, склоняются и изменяются по числам («супруги Клинтон»). В

иностранных языках существует много фамилий славянского происхождения, похожих на русские фамилии с окончаниями -ский, -цкий. В английском написании они чаще всего оканчиваются на -ski или -sky (а в женском роде также на -ska). Мощная интерференция грамматической системы русского языка подталкивает к тому, чтобы при переводе оформлять их подобно русским фамилиям, то есть с конечной буквой «и» в мужском роде и с буквой «я» в женском роде.

В английском языке признак пола фамилией человека не выражается. Тем не менее, в речи имеется возможность обозначить пол человека и при обозначении его по фамилии. Это достигается с помощью титульных приложений Mr, Mrs, Miss. Обращения Mrs и Miss, кроме пола, обозначают еще и семейный статус их носителей. С одной стороны, общий принцип транскрипции требует передавать фамилию женщины так, как она пишется и звучит в оригинале. Так, фигуристка Ирина Роднина по-английски Irina Rodnina. С другой стороны, супругу президента СССР Михаила Горбачева именовали на Западе Raisa Gorbachev (а не Gorbacheva), в силу тесной ассоциации с мужем. Поэтому в передаче русских женских фамилий на английский язык сложилась следующая практика. Обычно, если муж и жена упоминаются в одном контексте или если речь идет о женщине, муж которой также известен аудитории, женская флексия русской фамилии игнорируется и фамилия передается в мужском варианте: Mrs. Favorsky, Mrs. Nikolayev. В остальных случаях форма женского имени передается по возможности ближе к оригиналу, включая и родовое окончание.

Рассмотрим еще один вид антропонимов – отчества. Отчества являются видом множественных антропонимов, так как одно и то же отчество может принадлежать большому числу самых разных людей. Это весьма специфическая форма именования по отцу, свойственная в Европе лишь русскому и еще нескольким славянским языкам. Отчества стали упоминаться в русских письменных источниках около XII века, то есть возникли намного раньше фамилий, система которых сформировалась в нашей стране только в XVII-XVIII веках. В дофамильный период именование по имени и отчеству служило целям более точной идентификации человека, то есть выполняло ту же социальную функцию, что и современные фамилии. Даже и по форме *отчества* в прошлом не отличались от современных фамилий, то есть имели окончания -ов, -ев, -ин, а не только -ич, -евич, -ович, как в современную эпоху. Например, формула Петр Иванов могла также иметь вид Петр Иванов сын и в принципе соответствовала формуле Петр Иванович. Официальная система именования людей в русском обществе той эпохи складывалась, таким образом, из двух компонентов: имени и отчества (иногда также и прозвища).

В современную эпоху сочетание личного имени и отчества утратило функцию юридической идентификации человека (которую оно выполняет теперь только вместе с фамилией), и обращение к собеседнику по имени-

отчеству служит, прежде всего, показателем уважительного отношения к нему. Русское отчество в этой функции неотделимо от личного имени. Обращение к кому-либо только по отчеству с давних пор носит оттенок просторечности и фамильярности. На фоне того, что добавление отчества к имени в обращении к старшему становится менее обязательным требованием этики разговора, факт использования отчества теперь нередко как особое выражение почтительности.

Например, начиная с какого-то момента, журналисты и любители эстрадной песни вдруг дружно стали именовать певицу Аллу Пугачеву почти исключительно по имени и отчеству Алла Борисовна, что, по видимому, должно выразить признание ими ее особых заслуг в отечественном шоу-бизнесе. Как бы то ни было, отчества по-прежнему широко используются в составе русских персоналий и представляют собой известную проблему для переводчиков с русского на иностранные языки. С отчествами возникают проблемы у носителей иностранного языка. Во-первых, им трудно произносить и запоминать русские отчества, а во-вторых, сам факт их употребления представляется им чем-то экзотическим и малообоснованным. Не знакомые с культурой России иностранцы просто мало что знают об отчествах. Например, если в пределах одного и того же текста персонажа зовут то Владимиром Кузнецовым, то Владимиром Анатольевичем, значительна вероятность того, что, скажем, американский читатель воспримет эти именованья как относящиеся к разным персонажам – двум тезкам с разными фамилиями. Но даже и те иностранцы, которые в какой-то степени знакомы с русской культурой, испытывают значительные психологические трудности с употреблением этого лишнего, на их взгляд, элемента обращения к человеку.

3.1.6. Топонимы

Топонимы – это названия населенных пунктов, рек, гор и других географических объектов. Среди них можно выделить несколько подразделов. Гидронимия – названия рек, озер, морей и т.д. Названия мелких гидронимических объектов транскрибируются по общим правилам. Немногие названия рек, особенно таких, которые протекают по различным языковым территориям, передаются в традиционной форме (Дунай). Для морей, крупных заливов и проливов традиционная передача более обычна, причем она нередко сопровождается переводом. Названия океанов имеют традиционную форму. Как общее правило, когда гидронимический объект находится на территории распространения одного какого-либо языка, он транскрибируется по общим правилам передачи с этого языка.

Перевод собственной части названия в этом случае не допустим, даже если в эту собственную часть входят нарицательные имена; переводится только номенклатурный термин («озеро», «река», «источник» и т.д.).

Например, названия озер Lower Klamath Lake и Upper Klamath Lake, находящихся на территории США, передаются на русских картах без компонентов «Нижнее», «Верхнее», но: «озеро Лоуэр-Клават» и «озеро Аппер-Клават». Названия политической географии, включая названия населенных пунктов, улиц, официальные и полуофициальные наименования стран, провинций и т.д. также имеют свои особенности. В практической транскрипционной работе этот вид собственных имен занимает, наряду с фамилиями, наиболее важное место. Кроме некоторых случаев, когда имена передаются традиционно или переводятся (например, названия стран: Англия, Бразилия, Соединенные Штаты Америки), названия этого раздела транскрибируются по общим правилам (например, немецкие – города Лейпциг, Бонн, Дармштадт и т. д., земля Рейнланд-Пфальц). Местные географические термины транскрибируются по общим правилам, если употребляются не в общепринятом значении или если собственная часть названия – определение: английское Hook Head – мыс Хук-Хед. В остальных случаях номенклатурный термин заменяется соответствующим русским, то есть переводится. Иногда по сложившейся традиции переводят и собственную часть географического названия: английское Cape of Good Hope – мыс Доброй Надежды.

3.1.7. Названия судов, самолетов, космических кораблей и т. д.

Эта группа названий обычно транскрибируется, но иногда транслитерируется особенно в документах международного характера, а также если название представляет «акроним», то есть сокращение по первым буквам. Так, на различные языки передано наименование советских космических кораблей «Восток» в виде латинской транскрипции «Vostok». Английское «Ranger» – «Рейнджер», «Mariner» – «Маринер». Наименования кораблей и судов: английское «East-wind» – «Истуинд». Частичный перевод при транскрипции имен этого разряда следует употреблять тогда, когда это не слишком искажает звуковой облик названия.

Следует обратить внимание на русское обозначение американского космического корабля Apollo «Аполлон», которое было образовано не методом практической транскрипции, а методом транспозиции, то есть на основе слова – прототипа – имени греческого бога. Сложившаяся практика требует транскрибировать названия этой группы, подвергать их смысловому переводу. Так, названию судна Queen Elizabeth соответствует «Куин Элизабет», а не «Королева Елизавета». Примеры соответствий для названий космических кораблей и аппаратов: Voyager – «Вояджер», Discovery – «Дискавери».

Следует напомнить также о правилах пунктуационного оформления названий судов. Русские названия следует заключать в кавычки. В английском же тексте кавычки не нужны, но все элементы названия

пишутся с прописной буквы. Желательным (но не обязательным) является также выделение названия судна курсивом в английском тексте. Приходится также констатировать неурегулированность в английском языке вопроса об использовании артиклей при названиях морских судов. В одних источниках артикли применяются, в других – нет. При переводе на английский следует также учитывать, что наименования военных кораблей, особенно при первом упоминании в тексте, обычно сопровождаются сокращенными обозначениями, помогающими читателю определить, что далее следуют имена собственные кораблей, например: HMS – Her Majesty's Ship (корабль британских ВМС), USS – United States Ship (корабль ВМС США). Если в тексте используется обозначение категории судна или корабля (в полном или сокращенном виде), определенный артикль при имени собственном употребляется обязательно (например, the aircraft carrier Nimitz, the USS Greeneville).

3.1.8. Названия учреждений и организаций

Они обычно транскрибируются полностью; например, английское «Standard Vacuum Oil Company» – «Стандард вакуум ойл компани», «Standard Oil Development Company» – «Стандард ойл девелопмент компани», «Hurst Consolidated Publications» – «Херст консолидейтед пабликейшенз». Встречаются и случаи перевода, например, «Kemsley Newspapers Limited» – «Кемзли газетный концерн» (но и в этом случае, по видимому, возможна была бы передача «Кемзли Ньюспейперз лимитид»). Названия партий транскрибируют или переводят, в зависимости от сложившейся традиции. При передаче наименования компании особенности орфографии оригинала (использование заглавных букв и знаков препинания, кроме апострофа) в основном сохраняются и в передаче на русский язык. Английский апостроф обычно устраняется из русского варианта (Harrod's – Хэрродс, Macdonald's – Макдоналдс). Сокращения Ltd., Inc., Co., традиционно передаются как «Лтд.», «Инк.», «Ко». Названия организаций, учреждений, подразделений, комиссий, центров и т.п., обычно представляют собой сочетания нарицательных слов, такие названия содержат краткую характеристику организации или указание на ее цели. Поэтому они обычно подлежат смысловому переводу.

Что касается наиболее известных организаций, то русские соответствия для их названий уже закреплены официально, и переводчику следует их использовать, например: the Liberal Democratic Party of Japan – Либерально-демократическая партия Японии; the World Health Organization – Всемирная организация здравоохранения; the Securities and Exchange Commission – Комиссия по ценным бумагам и биржам. В некоторых случаях, когда название имеет не столько характеризующий, сколько образный или эмоциональный смысл, применяются и транскрипционные соответствия,

например, Greenpeace – «Гринпис», «Яблоко» – Yabloko. В английском варианте не используются ни кавычки, ни курсивное написание, а только выделение всех знаменательных слов в названии прописной буквой.

Антропонимы в составе наименования организации или предприятия также имеют свои способы передачи. В состав наименований многих организаций и предприятий часто входят антропонимы, то есть имена тех, в честь кого или кем эти организации были основаны. Например, Carnegie Foundation – Фонд Карнеги, McDonald Observatory – Обсерватория Макдоналда. Российские предприятия, организации и учреждения, как правило, включают антропоним либо в обороте со словом имени, либо в форме прилагательного, например, завод имени Хруничева. И в том, и в другом случае следует передавать такие наименования по-английски, используя транскрипцию антропонима в исходной форме в начале соответствия, как атрибутивное существительное: the Khrunichev Plant, the S. Obraztsov State Puppet Theatre.

3.2. Перевод имен собственных на примере материалов, используемых в ЦНИИМФ

Производя анализ перевода некоторых групп имен собственных по оригинальным материалам, используемым в ЦНИИМФ, были выявлены их основные способы. Некоторые имена собственные не имели перевода и были переведены на основе теории, изложенной ранее.

3.2.1. Перевод антропонимов

Цой Лолий Георгиевич – Loly Tsoy или Loliy Tsoy, в первом случае применяется транскрипция, во втором же – транслитерация. Отчество опускается.

В.И. Пересыпкин – V.I. Peresyupkin. Здесь уместен только принцип транскрипции.

Корованов С.Б. – S.B. Korovanov. Инициалы и фамилия протранскрибированы.

Маргосян Карина – Margosyan Karina. Имя и фамилия транскрибируются, но потеря мягкости здесь необратима.

Внучкова Татьяна Маратовна – Vnuchkova Tatyana, применяется транскрипция, отчество опускается.

Игорь Эпштейн – Igor Epshtein, потеря мягкости в имени неизбежна.

Виктория Труханенко – Viktoria Trukhaneko, имя интернационально, поэтому транскрипция в данном случае не требуется.

Яковлев Юрий Владимирович – Yakovlev Yuri, имя транскрибировано, несмотря на то, что сочетание -ий в конце слова передается как английское «y».

Плохов Дмитрий – Plokhov Dmitry, имя и фамилия транскрибированы по всем правилам.

Штрек Алексей Александрович – Aleksey Shtrek или Alexey A.Shtrek, в первом случае отчество опускается, а во втором указана только первая буква, скорее всего, это сделано во избежание недопониманий со стороны носителей иностранных языков.

Алексей Евдосеев – Aleksey Yevdosseyev (также встречается вариант Evdosseev) – пришлось удвоить согласную «s».

Евгений Апполонов – Evgeni Appolonov. Имя и фамилия транскрибируются.

По принципу практической транскрипции переведены следующие имена собственные:

Чашина Эльвира – Chashina Elvira

Борхвардт Александр – Borchvardt Aleksandr (но не Alexander)

Громова Елена Николаевна – Gromova Elena Nikolaevna

Шабасова Марина – Shabasova Marina

Нахрапов Дмитрий – Nakhrapov Dmitry

Матюшенко Николай – Matyushenko Nikolay

Соколов Денис – Sokolov Denis

Фролов Станислав – Frolov Stanislav

Вишняков Борис – Vishnyakov Boris

Надельсон Дмитрий – Nadelson Dmitry

Горшковский Максим – Gorshkovsky Maksim

Теперь рассмотрим английские имена собственные:

Howard Carter – Говард Картер, здесь используется принцип фонетической транскрипции, но так как в русском нет звука, полностью соответствующего английскому [h], его заменяют на «Г» или, в редких случаях, на «Х».

Andreas Smith – Андреас Смит, имя и фамилия полностью транскрибируются.

John Boll – Джон Болл, имя транскрибируется, а фамилия транслитерируется, о чем говорит «лл».

Bill Gates – Билл Гейтс, имя транслитерировано («лл»), а фамилия транскрибирована.

Brigham, L.W. – Бригхэм Л.В., фамилия и инициалы транскрибированы.

Massom, R.A. – Массом Р.А., здесь применена транслитерация.

Harold Clurman – Гарольд Клурман, здесь применена транскрипция имени, а фамилия передана с помощью транскрипции и транслитерации. В случае, если эту фамилию просто протранскрибировать, получится Клурмэн.

Jo Davidson – Джо Дэвидсон, имя транскрибируется, а фамилия передана с помощью транслитерации и транскрипции. Возможные варианты: Давидсен, Давидсон.

James George Frazer – Джеймс Джордж Фрейзер, в данном случае допустима только транскрипция. Существует еще один вариант для George – Георг. При применении других способов получатся неудобочитаемые слова.

John Fisk – Джон Фиск, при переводе использована транскрипция.

George Farquhar – Джордж Фарквал, вследствие того, что словарь дает три варианта транскрипции этого имени, возможно несколько вариантов: Фарквел, Фаркел.

William Wordsworth – Виллиам Вордсворт, существует второй вариант имени – Уиллиам, но он употребляется очень редко, что касается фамилии, то существует традиционный вариант, который и представлен выше.

Phil Silvers – Фил Силверз, также возможен вариант транслитерации: Силверс. Для более удобного произношения можно вставить мягкий знак: Сильверз, Сильверс.

George Read – Джордж Рид, имя и фамилия транскрибированы.

Thomas More – Томас Мор, при переводе использована транскрипция.

Edgar Nye – Эдгар Ни, использована транскрипция.

Edwin Lutyens – Эдгар Лученз, существует еще один вариант транскрипции фамилии – Лутьенз.

Alfred Tunik – Альфред Туник, имя и фамилия транскрибируются.

Hecker, R. – Р. Хекер, применена транскрипция.

Rooth, R. P. – Рут, в русском языке нет звука, полностью соответствующего звуку, который передает сочетание th в английском, поэтому используется максимально приближенный вариант.

Summy, A. – А. Самми, фамилия переведена смешанным способом (транскрипция и транслитерация).

Wheeler, S. – С. Уилер, фамилия транскрибирована.

Taylor, A. – А. Тайлор (транслитерационный вариант) и А.Тейлор (транскрипционный вариант).

Glen, I. – И. Глен, возможен вариант И. Глэн, но в обоих случаях эта фамилия транскрибируется.

Lapp, D. – Д. Лапп, в данном случае более уместна транслитерация.

Radloff, L.K. – Л.К. Радлоф, но возможен и вариант транслитерации: С. Радлофф.

McCallum, S.S. – С.С. МакКаллум, здесь необходимо сохранять даже английское написание прописных букв. Фамилия переведена способами транскрипции и транслитерации (удвоенная согласная «л»).

Turner, A. – А. Тернер, здесь использован принцип транскрипции.

Dick, F.F. – Ф.Ф. Дик, фамилия транскрибирована, инициалы транслитерированы.

Rubin Sheinberg – Рубин Шейнберг, имя и фамилия транслитерированы.

3.2.2. Перевод топонимов

Ниже перечислены и переведены русские географические названия, имеющие непосредственное отношение к деятельности ЦНИИМФ.

Море Лаптевых – Laptev Sea, это традиционный вариант, но иногда можно встретить и транскрипционный вариант: Laptevykh Sea. Номенклатурный термин обычно переводится.

Охотское море – Okhotsk Sea, это традиционный вариант перевода.

Чукотское море – Chukchi Sea или Chuchkchee Sea, разные источники дают разные переводы, основой для перевода стало слово «чукча».

Восточно-сибирское море – East Siberian Sea, здесь выполнен перевод.

Северная Земля – Severnaya Zemlya, название транскрибировано, но существует и переводной вариант: North Land.

Новая Земля – Novaya Zemlya, название транскрибируется. В отличие предыдущего примера, здесь нет переводного варианта.

Земля Франца-Иосифа – Zemlya Frantsa Josifa, это транскрипционный вариант, но существует и традиционный вариант, где номенклатурный термин переводится: Franz Josef Land.

Новосибирские острова – Novosibirskye Ostrova (транскрипция) или переводной вариант: New Siberian Islands.

О. Белый – O.Belyu, в данном случае транскрибировано и название, и номенклатурный термин.

О. Свердруп – O.Sverdrupa, это транскрипционный вариант. Сокращенный номенклатурный термин не переведен, а транскрибирован.

О. Вилькитского – O. Vilkitskogo, название транслитерировано с потерей русского мягкого звука [л']. Возможен и транскрипционный вариант Vilkitskovo, поскольку русское окончание «ого» читается как [ово].

О. Врангеля – O. Vrangelya, название этого острова транскрибировано.

Острова Сергея Кирова – Ostrova Sergeya Kirova, здесь транслитерированы все части названия, и даже нарицательный элемент.

Остров Врангеля – O. Vrangelya, название транскрибировано.

Полуостров Таймыр – Poluostrov Taymyr, номенклатурный термин транскрибирован, а также и именная часть.

Острова Арктического Института – Ostrova Arkticheskogo Instituta.

Остров Большевик – Ostrov Bolshevik.

Остров Ушакова – Ostrov Ushakova.

Остров Фрунзе – Ostrov Frunze.

Остров Крестовский – Ostrov Krestovsky.

Почти все русские острова переводятся с помощью транскрипции.

Мыс «Святой нос» – Mys Svjatoi Nos, это название не переводится в силу того, что по-английски он будет звучать несколько нелепо.

Мыс Дежнева – Mys Dezhneva, здесь транскрибируются все части названия.

Русской букве «ё» нет соответствия в английском алфавите, выход только один – транслитерировать её.

Мыс Челюскин – *Mys Chelyuskin*, существует еще вариант: *Cape Chelyuskin*, в котором переведен номенклатурный термин.

Мыс Шмидта – *Mys Shmidta*.

Мыс «Канин нос» – *Mys Kanin Nos*, в английском варианте все части названия пишутся с прописной буквы. Перевести данное название невозможно, поскольку на английском языке оно теряет всякий смысл.

Мыс Доброй Надежды – *Cape of Good Hope*, возможен и вариант транскрипции, но традиционно используют перевод.

Мыс Арктический – *Mys Arktichesky*, при переводе использована транскрипция.

Все названия северных городов обычно транскрибируются по правилам практической транскрипции:

Охотск – *Okhotsk*

Дудинка – *Dudinka*

Игарка – *Igarka*

Певек – *Pevek*

Мезень – *Meznen'*

Амбарчик – *Ambarchik*

Агапа – *Agapa*

Диксон – *Dickson*

Тикси – *Tiksi*

Нарьян-Мар – *Nar'yan Mar*

Названия рек и заливов обычно транскрибируются, переводится только номенклатурный термин.

Р. Амур – *Amur river*

Р. Лена – *Lena river*

Р. Обь – *Ob river*

Р. Колыма – *Kolyma river*

Р. Енисей – *Enisey river*

Р. Печора – *Pechora river*

Р. Яна – *Yana river*

Р. Анадырь – *Anadyr river*

Печорский залив (Печерская губа) – *Pechora Bay*, в английском варианте именная часть не согласуется в роде и числе с номенклатурным термином.

Финский залив – *Gulf of Finland*, это традиционный вариант перевода.

Обская губа – *Gulf of Ob*, на русском языке слово «залив» не сочетается с названием реки, поэтому оно заменяется на «губа», но в английском таких проблем не возникает, и номенклатурный термин переводится как «залив».

Бухта Батарейная – *Batareynaya Bay*, в этом случае традиционное русское название объекта переводится с помощью транскрипции, а номенклатурный термин переводится по смыслу.

3.2.3. Перевод названий судов

В большинстве случаев названия судов транскрибируются, зачастую большинство судов названы в честь каких-либо выдающихся людей, (политических деятелей, писателей, капитанов, и т.д.). Большая часть судов названа в честь городов и населенных пунктов. Порой встречаются одинаковые названия разных судов. «Норильск» – Norilsk, «Победа» – Pobeda, перевод этого названия недопустим. «Капитан Смирнов» – Kapitan Smirnov, «Борис Бутوما» – Boris Butoma, «Прага» – Praga, несмотря на то, что существует город Прага, который по-английски выглядит Prague, в данном случае имеет место быть транскрипция. «София» – Sofiya, существует традиционное английское имя Sophia, но в переводе названия судна с этим именем уместна только транскрипция.

«Зоя Космодемьянская» – Zoia Kosmodemyanskaya, «Александр Фадеев» – Alexandr Fadeev, «Сергей Киров» – Sergey Kirov, «Нарком Пахомов» – Narkom Pakhomov, «Алексей Сурков» – Alexey Surkov, «Алексей Косыгин» – Alexey Kosygin, «Симон Боливар» – Simon Bolivar, «Академик Туполев» – Akademik Tupolev, «Иван Скуридин» – Ivan Skuridin, «Павлин Виноградов» – Pavlin Vinogradov, «Николай Новиков» – Nikolay Novikov, «Влас Ничков» – Vlas Nichkov, «Дмитрий Донской» – Dmitry Donskoj – так называются суда. Названия могут быть другими: «Инженер Нечипоренко» – Inzhener Nechiporenko, слово «инженер» транскрибировано, поскольку оно не является номенклатурным термином, а входит в именную часть названия.

Имеются еще названия, представляющие имена и фамилии известных людей, городов и т.п. «Николай Коперник» – Nikolay Kopernik, «Александр Довженко» – Aleksandr Dovzhenko, «Петрозаводск» – Petrozavodsk.

«Донбасс» – Donbass, данное название переведено с помощью транскрипции и транслитерации (двойное «с»). «Крымск» – Krymsk (имитируется название южного города).

«Капитан Драницын» – Kapitan Dranitsyn, «Капитан Баканов» – Kapitan Bakanov,

«Капитан Сахаров» – Kapitan Sacharov, «Сестрорецк» – Sestroretsk.

Название судна «Россия» – Rossia, несмотря на то, что существует интернациональное название Russia, здесь оно транслитерировано. Существует много других наименований:

«Петергоф» – Peterhof

«Ермак» – Ermak

«Таймыр» – Taymyr

«Вайгач» – Vaygach

«Кандалакша» – Kandalaksha

«Сибиряков» – Sibiryakov

«Кола» – Kola

«Советский воин» – Sovetsky Voin. При передаче наименования Oceanic – «Ошеаник», применен принцип транскрипции, хотя по-русски этот вариант звучит несколько странно.

Titanik – «Титаник», из-за всемирной известности судна транскрипционный вариант не употребляется. Известны и другие названия:

Queen Elizabeth – «Куин Элизабет», название не переводится, а транскрибируется.

Queen Mary – «Куин Мэри» (то же самое).

Europe – «Европа», в этом случае название переведено.

Названия United States – «Юнайтед Стейтс»

Great Eastern – «Грейт Истерн»

Great Western – «Грейт Уэстерн»

Edward Toll – «Эдуард Толл»

Tibor Samuely – «Тибор Самуэли» транскрибируются.

3.2.4. Перевод названий компаний и организаций

В этом разделе проанализированы названия организаций, сотрудничающих с ЦНИИМФ, и предоставлен их перевод. ЦНИИМФ (Центральный научно-исследовательский институт морского флота) – CNIIMF, данная аббревиатура получена с помощью транслитерации. Ранее существовал транскрипционный вариант TSNIIMF. Полное переведенное название имеет также два варианта: Central Marine Research and Design Institute и Central Scientific and Research Institute of Merchant Marine.

Арктический и Антарктический научно-исследовательский институт (ААНИИ) – Arctic and Antarctic Research Institute, название данной организации переведено.

Российская государственная морская спасательная служба – State Maritime Rescue Service of Russia, название переведено.

Администрация Северного Морского Пути – Northern Sea Route Administration, название переведено.

Союзморниипроект – Soyuzmorniiproekt, название этой организации составлено из начальных слогов полного названия. В переводе на английский использован принцип транскрипции.

Судостроительный научно-исследовательский институт им. Крылова – Krylov Shipbuilding Research Institute.

Государственное гидрографическое предприятие – State Hydrographic Enterprise.

Полное название этой организации очень длинное и выглядит оно следующим образом: Союз по изучению производственных сил при Министерстве экономического развития и торговли при Российской Академии наук – Council of Study of Productive Forces and Ministry of Economical Development and Trade of the Russian Federation and Russian Academy of Sciences. Здесь уместен только перевод.

Название компании Oil and Gas Shipping – «Ойл энд Газ Шиппинг», возможен и вариант перевода, но обычно употребляют транскрипционный.

Имеются и другие наименования, которые можно представить следующим образом:

Royal Wagenborg – «Роуял Вагенборг»

Arctic Shipping Service – «Арктик Шиппинг Сервис»

Russian Maritime Register of Shipping – Российский морской регистр судоходства, название переведено.

Проблема передачи имен собственных в межъязыковой и межкультурной коммуникации стара, как и само общение между народами. Всевозможные связанные с ней сложности и ошибки и, скорее всего, будут возникать в силу как субъективных, так и объективных причин. Однако количество неточностей и ошибок зависит от того, насколько осознанно мы подходим к разрешению трудностей и анализу их причин, проанализировать эти причины и показать, каким образом они влияют на варианты передачи имен собственных и их усвоение иноязычной средой. Главное объективное противоречие, с которым связаны трудности при передаче имен собственных, обусловлено внутренними свойствами имен собственных как словесных знаков.

Другие объективные противоречия носят субъективный характер и определяются той языковой средой, которая пытается использовать и освоить имена собственные. Следует понимать, что любое использование иноязычного имени собственного в речи есть именно акт межъязыковой и межкультурной коммуникации и результатом его является взаимодействие двух языковых и речевых систем, двух культурно-психологических традиций. Субъективные же причины, по которым в передаче имен собственных иногда возникают проблемы, в большинстве своем связаны с языковыми посредниками – прежде всего переводчиками, преподавателями иностранных языков и журналистами, которые не всегда видят глубину проблемы и не всегда вооружены осознанной стратегией решения практических задач языкового посредничества.

Каждый переводчик должен и обязан знать об объективных диалектических противоречиях, связанных с функционированием имени в иной языковой среде. Только благодаря этому можно избежать субъективных ошибок и неточностей. Теория перевода имен собственных еще не так глубоко изучена, чтобы утверждать, что какое-то имя или название передано неправильно. Остается надеяться, что в дальнейшем ей будет уделяться больше внимания со стороны лингвистов. Были проанализированы имена собственные, использующиеся в ЦНИИМФ и предложен их перевод. В данной работе были рассмотрены основные принципы перевода имен собственных, и следует сделать вывод, что наиболее часто применяемым способом передачи имен собственных является транскрипция.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Автоматическая переработка текста [Текст]; под ред. В.В. Гончаренко. – Кишинёв: Штиинца, 1978. – 93 с.
2. Амамджян, А.Ш., Пособие для студентов: Образование слов в английском языке [Текст] / А.Ш. Амамджян. – 6-е изд., дораб. – М.: Просвещение, 1997. – 223 с.
3. Арсланов, В.Ш. Актуализация центробежности и центростремительности глагольно-именных конструкций типа to have a smoke в английском языке [Текст] / В.Ш. Арсланов. – М.: АКД, 1984. – 176 с.
4. Бархударов, Л.С. Грамматика английского языка – 4-е изд. [Текст] / Л.С. Бархударов, Д.А. Штелинг. – М.: Высшая школа, 1973. – 423 с.
5. Бархударов, Л.С. Кельтология [Текст] / Л.С. Бархударов. – М.: Наука, 1976. – С. 11-18.
6. Битокова, С.Х. Компонентный состав сочетаний типа to give a look и специфика их функционирования [Текст] / С.Х. Битокова. – М.: АКД, 1982. – 23 с.
7. Бархударов, Л.С. Язык и перевод [Текст] / Л.С. Бархударов. – М.: Наука, 1975. – 240 с.
8. Битокова, С.Х. Номинативная соотнесенность устойчивых глагольных словосочетаний и однословных глаголов // Слово в языке и речи [Текст] / С.Х. Битокова. – Нальчик, 1982. – С.17-22.
9. Виноградов, В.С. Введение в переводоведение. [Текст] / В.С. Виноградов. – М.: Изд-во ин-та общего среднего образования РАО, 2001. – 224 с.
10. Винокурова, Л.П. Грамматика английского языка [Текст] / Л.П. Винокурова. – Л.: Учпедгиз, 1954. – 226 с.
11. Гиляревский, Р.С. Иностранные имена и названия в русском тексте. [Текст] / Р.С. Гиляревский, Б.А. Старостин. – М.: Высшая школа, 1985. – 303 с.
12. Денисенко, Ю.А. К проблеме функциональных (переводческих) соответствий в английском языке некоторым типам русских конструкций с отглагольными именами существительными [Текст] / Ю.А. Денисенко. – М.: АКД, 1964. – 19 с.
13. Еремеева, Н.И. Типовые глагольно-субстантивные словосочетания в современном английском языке и словосочетания в германских языках [Текст] / Н.И. Еремеева. – Л., 1973. – С. 4-103.
14. Ермолович, Д.И. Имена собственные на стыке языков и культур [Текст] / Д.И. Ермолович. – М.: Р. Валент, 2001. – 200 с.
15. Жигадло, В.Н. Современный английский язык. Изд-во литературы на иностранных языках [Текст] / В.Н. Жигадло, И.П. Иванова, Л.Л. Иофик. – М.: 1956. – 348 с.
16. Ильиш, Б.А.. Современный английский язык. [Текст] / Б.А. Ильиш. – М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1948. – 350 с.

17. Казакова, Т.А. Практические основы перевода [Текст] / Т.А. Казакова. – СПб.: Союз, 2002. – 320 с.
18. Калимуллина, В.М. Номинативная соотнесенность фразеоматических глагольно-именных словосочетаний и глаголов-идентификаторов [Текст] / В.М. Калимуллина. – М.: АКД, 1982. – 192 с.
19. Комиссаров, В.Н. Теория перевода [Текст] / В.Н. Комиссаров. – М.: Высшая школа, 1990. – 253 с.
20. Корчажкина, О.М. Мои любимые звуки [Текст] / О.М. Корчажкина, Р.М. Тихонова. – М.: «Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС», 1996. – 256 с.
21. Кунин, А.В. Фразелогия современного английского языка [Текст] / А.В. Кунин. – М.: Высшая школа, 1972. – 336 с.
22. Кумачева, А.В. Английские фразеологические глагольные сочетания (ФГС), имеющие эквивалент – однословный глагол [Текст] / А.В. Кумачева. – Ленинград: АКД, 1953. – 24 с.
23. Левицкий, Ю.А. Грамматика английского языка: Курс лекций [Текст] / Ю.А. Левицкий. – Пермь: Пермский ун-т. –1997. – 100 с.
24. Лопатинская, В.В. Опыт сопоставления глаголов и одноименных им глагольно-именных и глагольно-адъективных словосочетаний [Текст] / В.В. Лопатинская. – Львов: АКД, 1975. – 23 с.
25. Марчук, Ю.Н. Методы моделирования перевода [Текст] / Ю.Н. Марчук. – М.: Наука, 1985. – 202 с.
26. Мещерякова, М.П. Сочетания типа to make a mistake с точки зрения их синтаксического использования в предложении // Вопросы романо-германской филологии и методики преподавания иностранных языков [Текст] / М.П. Мещерякова. – Свердловск, 1967. – С. 80-87.
27. Миньяр-Белоручев, Р.К. Общая теория перевода и устный перевод [Текст] / Р.К. Миньяр-Белоручев. – М.: Наука, 1980. – 237 с.
28. Мова, В.И. Конструкция типа to give a laugh в современном английском языке [Текст] / В.И. Мова. – М.: АКД, 1965. – 168 с.
29. Муршель, Е.П. Сочетания «глагол+абстрактное существительное» английского языка и их соответствия в русском языке [Текст] / Е.П. Муршель. – Л.: АКД, 1971. – 25 с.
30. Ревзин, И.И., Розенцвейг, В.Ю. Основы общего и машинного перевода [Текст] / И.И. Ревзин, В.Ю. Розенцвейг. – М.: Высшая школа, 1964. – 244 с.
31. Реформатский, А.А. Введение в языкознание [Текст] / А.А. Реформатский. – М.: Аскент Пресс, 1947. – 464 с.
32. Рецкер, Я.Н. Теория перевода и переводческая практика [Текст] / Я.Н. Рецкер. – М.: Высшая школа, 1974. – 264 с.
33. Рябцева, Н.К. Информационные процессы и машинный перевод [Текст] / Н.К. Рябцева. – М.: Наука, 1986. – 167 с.

34. Смирницкий, А.И. Синтаксис английского языка [Текст] / А.И. Смирницкий. – М.: Высшая школа, 1957. – 378 с.
35. Старостин, Б. А. Транскрипция имен собственных [Текст] / Б.А. Старостин. – М.: Книга, 1965. – 92 с.
36. Суперанская, А.В. Общая теория имени собственного [Текст] / А.В. Суперанская. – М.: Наука, 1973. – 367 с.
37. Тарамжина, Л.В. Семантико-синтаксический потенциал однокоренных глагольных субстантивов в современном английском языке [Текст] / Л.В. Тарамжина. – СПб.: АКД, 1997. – 18 с.
38. Тарвердян, А.Ш. Лингвостилистические особенности вклинивания как приёма обновления ФЕ [Текст] / А.Ш. Тарвердян. – М., 1985. – 111 с.
39. Федоров, А.В. Основы общей теории перевода [Текст] / А.В. Федоров. – М.: Высшая школа, 2002. – 416 с.
40. Федоров, А.В. Основы общей теории перевода [Текст] / А.В. Федоров. – М.: Высшая школа, 1990. – 265 с.
41. Шадрин, Н.Л. О раздельнооформленности и устойчивости ФЕ как предпосылке их окказиональных преобразований // Вопросы английской фразеологии [Текст] / Н.Л. Шадрин. – Пятигорск, 1973. – 254 с.
42. Шаламов, Ю.В. О месте конструкции типа take a look в системе современного английского языка [Текст] / Ю.В. Шаламов. – М.: АКД, 1968. – 27 с.
43. Шведова, В.С. Пути грамматизации описательных конструкций типа глагол + существительное в английском языке. [Текст]: дисс. канд. / В.С. Шведова. – М., 1981. – 159 с.
44. Швейцер, А.Д. Теория перевода. Статус, проблемы, аспекты [Текст] / А.Д. Швейцер. – М.: Наука, 1988. – 156 с.
45. Швейцер, А.Д. Перевод и лингвистика [Текст] / А.Д. Швейцер. – М.: Наука, 1973. – 280 с.
46. Языкознание. Большой энциклопедический словарь [Текст] / гл. ред. В.Н. Ярцева – 2-е изд. – М.: Большая Российская Энциклопедия, 2000. – 685 с.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	3
Часть 1. ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ЯЗЫКА	4
Глава 1. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЯЗЫКА.....	4
Глава 2. ЯЗЫК – СРЕДСТВО ПЕРЕДАЧИ ИНФОРМАЦИИ.....	10
Глава 3. ПРОБЛЕМА МОДЕЛИРОВАНИЯ В СФЕРЕ АНГЛИЙСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ	15
Глава 4. СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СЛОВСОЧЕТАНИЙ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА.....	20
Глава 5. ВОПРОСЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ГРАММАТИКИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА.....	31
Глава 6. ТИПЫ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	62
Глава 7. ПАДЕЖИ. РАЗЛИЧНЫЕ ТЕОРИИ ПАДЕЖЕЙ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	84
Глава 8. СЛОВООБРАЗОВАНИЕ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ.....	88
Глава 9. СТРУКТУРА ТЕКСТА В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ.....	98
ЧАСТЬ II. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА ...	103
Глава 1. ПРЕДМЕТ, ЗАДАЧИ И МЕТОДЫ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА....	103
Глава 2. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОСТРЕДАКТИРОВАНИЯ МАШИННОГО ПЕРЕВОДА.....	112
Глава 3. ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДА ИМЕН СОБСТВЕННЫХ.....	118
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	143
ОГЛАВЛЕНИЕ.....	146

Для заметок

Научное издание

Горбунова Валентина Сергеевна
Гринцова Ольга Васильевна
Сботова Светлана Викторовна

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ
ДЛЯ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ ВУЗОВ

Монография

В авторской редакции
Верстка Н.В. Кучина

Подписано в печать 20.01.16. Формат 60x84/16.
Бумага офисная «Снегурочка». Печать на ризографе.
Усл.печ.л. 8,6. Уч.-изд.л. 9,25. Тираж 500 экз. 1-й завод 100 экз.
Заказ № 67.

Издательство ПГУАС.
440028, г. Пенза, ул. Германа Титова, 28.